

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

V ОМСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы
региональной научной конференции*

2018

УДК 930
ББК 63.3я43
О-578

Рецензенты:

д-р ист. наук *С.П. Исачкин*; канд. ист. наук *В.Л. Кожевин*

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *Ю.П. Родионов* (отв. секретарь),
д-р ист. наук *Ю.А. Сорокин* (отв. ред.), канд. ист. наук *Н.Г. Суворова*,
д-р ист. наук *А.П. Толочко*, д-р ист. наук *А.В. Якуб* (отв. ред.)

О-578   **V Омские исторические чтения** : материалы региональной научной конференции : [к 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Анатолия Павловича Толочко] / [редкол.: Ю. А. Сорокин (отв. ред.), А. В. Якуб (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. – 192 с.

ISBN 978-5-7779-2250-2

Представлены доклады, в которых освещается широкий спектр проблем отечественной истории в конкретно-историческом, историографическом и источниковедческом аспектах. Включен ряд работ по документоведению и архивоведению.

Для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов.

УДК 930
ББК 63.3я43

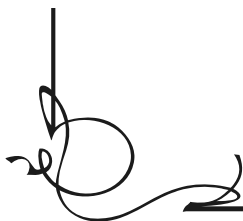
ISBN 978-5-7779-2250-2

© ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2018

*К 70-летию со дня рождения
доктора исторических наук, профессора
Анатолия Павловича Толочко*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Региональная научная конференция «Омские исторические чтения», организация которой уже стала доброй традицией, проводится в пятый раз. Заявки для участия в конференции прислали преподаватели высших учебных заведений Омска, Астаны, Сургута, Краснодара, а также работники архивных, библиотечных и общеобразовательных учреждений города Омска. Одним из организаторов «Омских исторических чтений» неизменно выступала кафедра дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Она же выступила инициатором проведения «V Омских исторических чтений». По решению оргкомитета конференция «V Омские исторические чтения» посвящается 70-летию заведующего кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, профессора, доктора исторических наук Анатолия Павловича Толочко.

А.П. Толочко родился в селе Соколовка Приморского края 1 января 1948 г. После окончания средней школы в городе Ужур Красноярского края в 1965 г. он начал педагогическую деятельность в качестве учителя в одной из сельских школ. В 1966 г. поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета. В 1971 г., окончив университет, А.П. Толочко в течение двух лет работал ассистентом кафедры истории СССР досоветского периода Томского университета, затем учился в очной аспирантуре.

На историческом факультете ОмГУ им. Ф.М. Достоевского А.П. Толочко работает с 1976 г. В 1977 г. А.П. Толочко присуждена ученая степень кандидата исторических наук, в 1980 г. – присвоено ученое звание доцента. Ученая степень доктора исторических наук присуждена в 1991 г., ученое звание профессора присвоено в 1992 г. С 1988 г. и по настоящее время он является заведующим кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения.

А.П. Толочко – один из ведущих преподавателей исторического факультета. Для студентов им разработаны и читаются

курсы «История России второй половины XIX – начала XX в.», «Источниковедение», «Документные ресурсы», «Теория и история местного самоуправления в России», «Теория современного документоведения и архивоведения» и ряд других. Он является руководителем магистерской программы по профилю «Документоведение и документационное обеспечение управления».

Область научных интересов А.П. Толочко: история и историография общественного движения в Сибири в начале XX в.; история профессионального образования в Сибири в конце XIX – начале XX в.; история городского самоуправления в Сибири в дореволюционный период; история русско-казахских связей в конце XIX – начале XX в.; омское историческое краеведение.

А.П. Толочко опубликовано свыше 200 работ, в том числе 14 монографий: «Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)» (Томск, 1989); «Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.)» (Омск, 1999); «Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.» (Омск, 2001); «Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.» (Омск, 2005, в соавторстве); «Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX вв.)» (Омск, 2010); «Общественное движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)» (Омск, 2012); «Страницы истории дореволюционного Омска» (Омск, 2013) и др. Он является ответственным редактором 14 монографий и свыше 50 сборников статей, тезисов и других публикаций, в числе которых двухтомные «Очерки истории города Омска» (Омск, 1997, 2005) и третий том «Энциклопедии города Омска» (Омск, 2011). А.П. Толочко – автор и соавтор ряда учебных пособий, одно из которых – «История Сибири» (Томск, 1987) – допущено в 1987 г. Минвузом РСФСР в качестве учебного пособия для студентов исторической специальности вузов.

А.П. Толочко были выиграны следующие гранты: РГНФ, 2001 г., проект № 01-01-00247а; РГНФ, 2005 г., проект № 05-01-01223а; РГНФ, 2017 г., проект № 16-11-55007.

На протяжении ряда лет А.П. Толочко был руководителем докторантуры по специальности 07.00.02 – Отечественная история. В настоящее время является руководителем аспирантуры по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Им подготовлено 5 докторов и 17 кандидатов исторических наук.

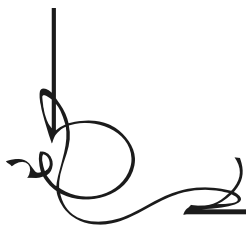
А.П. Толочко в течение ряда лет являлся членом диссертационных советов в Кемеровском государственном университе-

те, Омском государственном техническом университете, Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (г. Алматы, Республика Казахстан), Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова (Республика Казахстан), Омском государственном педагогическом университете. В 2002–2007 гг. – председатель диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по историческим наукам в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского. Организатор ряда международных и региональных конференций: «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность» (Омск, 1998, 2005; Кокшетау, 2001; Астана, 2003; Караганда, 2007; Костанай, 2009), «Документ в контексте истории» (Омск, 2006, 2009 и 2013), «Омские исторические чтения» (Омск, 2003, 2009, 2011, 2017) и др. Решением общего собрания общественной Академии гуманитарных наук в Санкт-Петербурге в 1994 г. А.П. Толочко присвоено звание действительного члена Академии (академика). Он является лауреатом премии Томского государственного университета за лучшую научную работу 1989 г. За достижения в научно-педагогической деятельности дважды награждался почетными грамотами мэра г. Омска. В 2010 г. А.П. Толочко был удостоен диплома Сибирского регионального конкурса (г. Красноярск) за лучшую вузовскую книгу. В 2011 г. за монографию «Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX вв.)» удостоен диплома II Международной книжной ярмарки (г. Астана, Республика Казахстан). В 2015 г. по итогам VI Сибирского межрегионального конкурса «Университетская книга» (г. Чита) награжден грамотой в номинации «Лучшее издание по истории и культуре Сибири» за книгу «Страницы истории дореволюционного Омска».

В 1999 г. А.П. Толочко удостоен государственной награды – звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2017 г. решением Ученого совета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского А.П. Толочко присвоено почетное звание «Заслуженный профессор ОмГУ».

Рассчитываем, что материалы «V Омских исторических чтений» окажутся востребованными в научном сообществе, будут полезными для сотрудников вузов, аспирантов и студентов, всех интересующихся историей нашего Отечества.

Оргкомитет

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А.В. Якуб

Омск, госуниверситет им. Ф.М. Достоевского

Анатолий Павлович Толочко: человек в моей судьбе

На историческом факультете Омского государственного университета среди преподавателей, стоявших у его истоков и работающих до сих пор, Анатолий Павлович Толочко является фигурой уникальной. Вот уже на протяжении 40 лет все новые и новые поколения студентов-историков встречаются с ним в аудитории, приобретая знания о столь сложном периоде нашей отечественной истории, как история второй половины XIX – начала XX в.

Точно так же я сам впервые столкнулся с Анатолием Павловичем в весеннем семестре 1977/78 учебного года. Он читал на нашем курсе лекции и вел семинарские занятия по названному выше курсу отечественной истории и казался весьма строгим преподавателем. Особенно заставляли нас собраться с силами и преодолеть нарастающее влияние весны семинарские занятия, среди которых самой запоминающейся была тема, связанная с отменой крепостного права. С некоторым опасением мы все ожидали летнего экзамена по его курсу, но Анатолий Павлович проявил себя весьма либеральным экзаменатором, за внешней суровостью которого оказался человек требовательный, но, с точки зрения студентов, не вредный и понимающий летние настроения своих подопечных.

На старших курсах я, к сожалению, с Анатолием Павловичем практически не пересекался, поскольку специализировался по кафедре всеобщей истории у Г.К. Садретдинова. Но, как оказалось, именно А.П. Толочко и Г.К. Садретдинов стали теми людьми, которые помог-

ли мне практически безболезненно войти в коллектив преподавателей факультета после того, как я был распределен для работы на кафедру всеобщей истории в качестве преподавателя. Для молодого человека перейти из категории студента в категорию молодого преподавателя, младшего коллеги тех людей, которые еще совсем недавно были его строгими преподавателями и экзаменаторами, всегда сложно. И тут проявился талант Анатолия Павловича, который очень помог мне не стесняться и чувствовать себя весьма комфортно в новой среде. Особенно помогло общение с ним в неформальной обстановке, когда советы с его стороны оказывались весьма полезными и сыграли в моей судьбе как преподавателя определяющую роль.

Речь идет о ситуации, сложившейся в моей судьбе в результате несостоявшегося поступления в аспирантуру МГУ. Получив согласие на обучение в аспирантуре Томского университета у Б.Г. Могильницкого, я оказался перед выбором – очная или заочная форма обучения. Анатолий Павлович порекомендовал поступать в заочную аспирантуру, твердо уверив, что у меня есть все возможности защититься в ней быстрее установленных сроком 4 лет обучения. Эта уверенность в моих силах оказалась пророческой. Я действительно подготовил и защитил кандидатскую диссертацию в течение 3 лет, при этом не потеряв, как это часто случалось у преподавателей, поступивших в очную аспирантуру, своих учебных курсов по кафедре. И в дальнейшем, продолжая работать на факультете, я постоянно чувствовал поддержку, словом и делом, со стороны Анатолия Павловича.

Следующим поворотным событием в моей судьбе стал 1995 г., когда на факультете встал вопрос о выборе декана. Именно тогда поддержка со стороны Анатолия Павловича в принятии мной решения баллотироваться на эту должность сыграла весьма существенную роль. Как и ранее с аспирантурой, Анатолий Павлович решительно поддерживал мое участие в выборах. И точно так же, как когда-то в начале моего преподавательского пути, он всячески оказывал всемерную помощь и поддержку молодому декану в сложных условиях конца 90-х годов прошлого века. И когда в последующем я вновь становился деканом, я всегда чувствовал эту поддержку, и именно эта поддержка во многом помогала мне отстаивать интересы факультета в университете. Особенно это было важно, когда мы вместе с Анатолием Павловичем входили в состав Ученого совета университета и выступали в качестве консолидированной силы в тех вопросах, которые были крайне важны для сохранения потенциала, кадрового и научного, нашего исторического факультета.

Нельзя не отметить вклад Анатолия Павловича в развитие научного потенциала нашего факультета. Он долгое время был председателем Диссертационного совета по историческим наукам, через который прошло значительное число аспирантов, в том числе и моих первых аспирантов, некоторые из которых сейчас весьма успешно продолжают работать на факультете. И в этом тоже заслуга Анатолия Павловича. Работа этого совета в очередной раз оказалась связанной с судьбой моих близких. Именно в нем защитила свою диссертацию моя жена, научная тема которой носила ярко выраженный междисциплинарный характер (история и политология). Анатолий Павлович как председатель совета рискнул принять ее к защите, и все сложилось хорошо. И за это ему хотелось бы выразить особую благодарность как человеку, сопереживающему нашей семье.

Я благодарен Анатолию Павловичу и за ту поддержку, которую он оказал мне, когда я принял решение участвовать в выборах на должность ректора нашего университета. В сложной предвыборной борьбе, в самой процедуре выборов я всегда чувствовал понимание с его стороны, поддержку словом, эмоциями, тем наставническим духом, который сопровождает нашу совместную работу вот уже на протяжении 37 лет.

Я глубоко убежден, что целеустремленность, научная и педагогическая активность, благородство в поступках, присущие Анатолию Павловичу Толочко, еще долго будут нужны мне лично, моей семье, коллегам по факультету и всему Омскому государственному университету.

Счастье совместного бытования

Я знаю Анатолия Павловича Толочко две трети собственной жизни, без малого сорок лет. Все это время я имел полную возможность, по слову поэта Константина Симонова, исследовать его натуру своими боками. В итоге у меня сложился свой образ А.П. Толочко, который мне дорог и который я никому не навязываю, ибо в оценках качеств натуры Анатолия Павловича я глубоко и осознанно пристрастен и необъективен. Каков же он, мой Толочко?

Во-первых, это абсолютно цельный, гармоничный, твердый и самодостаточный человек. Мир не сумел заставить его прогнуться под себя, хотя жизнь, прожитую А.П. Толочко, легкой не назовешь. Он рано остался без отца, в детстве и молодости «узнал доподлинно, почему она, копеечка», выучился, что называется, на медные деньги, сам нашел и пробил себе дорогу в жизни. Непростой своей судьбой он повторил в основных чертах жизненный путь своего шефа, профессора Н.В. Блинова, только в другие, более мягкие исторические времена. Это закалило его и выковало характер, который и не мог сделаться ни простым, ни легким. Именно поэтому он смог стать в жизни надежной опорой многим и многим, в том числе и мне – уж я то достаточно беспардонно опирался на А.П. Толочко всю жизнь.

Цельность натуры не позволила А.П. Толочко легко менять убеждения, друзей, даже привычный круг обязанностей. Тот воз, который он взялся на моих глазах везти тридцать лет назад, он везет и сейчас, разве что охать стал чаще. Это означает, во-вторых, что А.П. Толочко человек высоких моральных принципов и обостренного чувства долга. Он и в партию вступил, когда все из нее побежали и публично стали жечь свои партбилеты. Он и до сих пор позиционирует себя как ученого социалистической ориентации. Он остается заведующим кафедрой и сегодня, когда эта должность перестала быть престижной и прилично оплачиваемой, а приносит, напротив, много непокая и, как модно стало говорить на управленческом сленге, «головняка». Ни расшалившееся здоровье, ни почтенный возраст не заставили его бросить свой крест, в то время как многие и многие, даже

на факультете, его бросили, не терзаясь муками совести, которые, как известно, вполне переносимы. Но не Толочко. Он желает жить и он живет в гармонии с миром, своими поступками и своей совестью.

Я не знаю, как это удается Анатолию Павловичу, но он умудряется, не греша против своих принципов, вполне по-христиански не делать никому никакого зла. Желание творить добро, помогать людям, обрекая себя на дополнительные работы, на ночные труды, характерно для Анатолия Павлович в высшей степени. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, как он работает со своими учениками: выпускниками, аспирантами и докторантами. Он, человек долга, считает своей прямой и непосредственной обязанностью довести ученика до защиты. Труд научного руководителя нелегко и неблагодарен. Я знаком со многими достойными людьми, которые, будучи научными руководителями аспирантов, полагали, что их дело – организовать саму процедуру защиты: пригласить надежных оппонентов, найти ведущую организацию, обеспечить положительные отзывы на автореферат и т. п. Качество текста диссертации их интересовало в гораздо меньшей степени. Анатолий Павлович всегда считал (и выучил этому меня), что дело шефа – довести текст диссертации аспиранта до такого состояния, когда защитить его можно хоть перед Господом Богом. Под моим руководством защищено полтора десятка весьма неодинаковых кандидатских диссертаций. Многие из них были превосходны. Но похвалы и благодарности от Анатолия Павловича я удостоился, когда у меня защитился в общем-то sereneкий аспирант, вовсе не блистающий дарованиями, причем вполне успешно, во всяком случае, бесппроблемно. А.П. Толочко прекрасно понимал, сколько трудов мне стоило довести данную работу до соответствующих кондиций, – отсюда и поздравления.

Иногда мне кажется (Анатолий Павлович как-то об этом обмолвился в приватном разговоре), что он поступает так в память о своих учителях, не давая распасться связи времен, свято храня традиции, времен связующую нить. Ему помогали – теперь помогает он. Из многих негативных человеческих качеств наиболее презируемо мною в последние годы – неблагодарность. И Анатолий Павлович, правда, в гораздо меньшей степени, чем я, бывает уязвлен человеческой неблагодарностью, «когда злом платят за предобрейшее». Его благородную душу чужая неблагодарность (на которую он, разумеется, и не рассчитывает, ибо нет и не может быть в этой плоскости отношений долженствования) язвит до боли. Сам он, я убежден, небла-

годарным не сможет быть никогда, и не потому, что так принято или что так положено, а потому, что так правильно. Иначе – нельзя.

Главное чувство, которое А.П. Толочко вызывает в людях, – безмерное уважение. Это чувство испытывает каждый мало-мальски знакомый с ним человек: сосед по даче и по подъезду, его учителя и наставники с университетской скамьи (профессор Томского государственного университета, глубоко и искренне почитаемая мною Зоя Яковлевна Бояршинова, как-то заявила мне о том, как мне повезло жить и работать с Анатолием Павловичем и под руководством Анатолия Павловича. Конечно, я был с ней совершенно согласен), его друзья и товарищи, коллеги, вообще все, с кем он работает или живет. Во многом это происходит из-за того, что сам Толочко не дает оснований для противоположного чувства. Довольно быстро привыкаешь (знаю по своему опыту) – если он сказал, он сделает, и нет силы, которая заставит его поступить иначе. Как-то много лет назад на одном банкете, который устраивали выпускники, он, в соответствующей обстановке, то есть под звон бокалов, согласился взять в аспирантуру Т.Н. Сорокину с темой о китайцах на Дальнем Востоке. Сама Татьяна Николаевна отнеслась к их разговору как к чему-то необязательному, хотя и весьма желательному, делая скидку на условия и обстоятельства их разговора. Она тогда еще не знала Толочко достаточно хорошо. Он перезвонил на другой день рано утром, напомнил о договоренностях – в итоге Т.Н. Сорокина успешно под его руководством защитилась, опубликовала незаурядную монографию, в которой он выступил научным редактором, заработала себе устойчивое профессиональное реноме.

Уважение к А.П. Толочко основывается также на его заботе о людях, своих подчиненных. Он искренне не понимает и не приемлет ситуации, с которой коллеги часто сталкиваются на других кафедрах: как это сотрудник, будучи кандидатом исторических наук и проработав много лет, не является доцентом. А у нас есть и доктора наук, которые не имеют доцентского аттестата. На кафедре А.П. Толочко такая ситуация была невозможна в принципе, вплоть до недавних времен, когда изменились правила игры. Вместе с тем Анатолий Павлович обладает важным качеством, которого я, скажем, лишен начисто. Он умеет говорить «нет». Это его «нет» также неизменно, как и его «да». Свое «нет» он говорит, ориентируясь на дело, вне зависимости от лиц. Скажем, он может отказать своим ученикам, если их амбиции становятся непомерными, и кто-то восхочет стать доктором

наук, не имея для этого достаточных оснований. В этих случаях он суров и правдив, поэтому обижаются на него редко. Обиды по этому поводу Анатолий Павлович презирует (по принципу: нет ума – пусть обижаются), поскольку уверен, что творит благо, избавляя человека от непомерных для него мук, расходов и усилий.

А.П. Толочко – известный ученый, много сделавший в науке, добившийся устойчивого авторитета в научном мире и общего признания своих заслуг. Ему совершенно чуждо стремление быть прогрессивным во что бы то ни стало. На все теоретико-методологические новации в исторической науке он посматривает свысока. Мы и в этом оказались схожи, оценивая сегодняшнюю ситуацию в исторической науке как во многом тождественную ситуации в науке 1920-х – 1930-х гг. Тогда молодые историки-марксисты позиционировали себя выше старых специалистов на том только основании, что они якобы овладели самой передовой научной теорией – во всем остальном они до поры до времени оставались вполне дремучими. Одну природу с этим имеют кажущиеся нам потешными потуги нынешнего поколения историков считать себя выше других потому, что они овладели новомодной теорией и с разной степенью успеха пытаются применять ее в конкретных исследованиях. Выводы при этом делаются банальные. «В древности были рабы и рабовладельцы. Рабовладельцы были плохие, но им жилось хорошо. Рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже», – издевался над подобными штудиями еще Л.Н. Гумилев. (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 14). При этом А.П. Толочко даже не против такого рода новаций, он лишь не приемлет их для себя.

Важным качеством Толочко-ученого является умение отделять знания от незнания. Сам он выполняет важнейшую функцию в науке – функцию хранителя знания, отражая нашествие дилетантов и фальсификаторов всех уровней и мастей. Он с ними не спорит и не полемизирует, почитая это ниже своего достоинства ученого, даже брезгуя, но его собственные труды задают такую высокую планку, что околonaучные и квазинаучные бредни меркнут сами собой. В целом ряде областей исторических знаний он выступил пионером. На представительной научной конференции в новосибирском Академгородке его так и позиционировали за вклад в разработку темы о городском самоуправлении в Западной Сибири. Я при этом присутствовал и этим гордился.

Будучи состоявшимся ученым и преподавателем, А.П. Толочко счастлив и на личном фронте. Он нежно и преданно любит свою

Нину Борисовну, а его дочь есть «папина» дочь в гораздо большей степени, чем «мамина».

Все мы портимся от времени, скажем вслед за поэтом. Вот и Анатолий Павлович стал в последнее время более ворчлив и раздражителен. Но это такие пустяки, на которые вовсе не стоит обращать внимание. Свое семидесятилетие Анатолий Павлович встречает бодрым, деятельным, энергичным человеком, который только мечтает о покое. Поблагодарим его за счастье совместного с ним бытования.

**Анатолий Павлович Толочко
в моей преподавательской жизни**

С Анатолием Павловичем Толочко мы знакомы с 1976 г., когда оба пришли работать на исторический факультет Омского государственного университета. Факультет переживал период становления: именно в том году был образован историко-филологический факультет, а прежняя кафедра истории была разделена на кафедры истории СССР и всеобщей истории. В первые годы существования университета преподавательский состав формировался из преподавателей и выпускников самых разных вузов, но среди историков особенно много было представителей Томского университета. Вот и Анатолий Павлович после окончания аспирантуры Томского университета был приглашен на кафедру истории СССР на должность старшего преподавателя. Тогда же, в 1976 г., в Омском университете начали работать Владимир Иванович Матюшенко, который возглавил только что созданную кафедру всеобщей истории, и Юрий Васильевич Балакин – преподавателем той же кафедры. Я же после окончания Омского пединститута заняла скромную должность старшего лаборанта кафедры всеобщей истории (кстати, в первом составе нашей кафедры были все томичи).

Конечно, в те годы мы с А.П. Толочко близко не общались – работали на разных кафедрах, потом я училась в аспирантуре в Казани, да и сферы наших научных интересов не пересекались. Более близко мы стали взаимодействовать с начала 2000-х гг. В 2002 г. по инициативе А.П. Толочко на базе нашего университета (а точнее, исторического факультета) был открыт совет по защите кандидатских диссертаций. Для факультета это было очень значимое событие. Анатолий Павлович и возглавил диссертационный совет. Он предложил мне войти в его состав, что для меня было, безусловно, большой честью. Пять с половиной лет работы в диссертационном совете стали для меня своеобразной научной школой, что очень помогло мне в дальнейшем в моей педагогической и научной практике, особенно когда я сама стала руководить аспирантами. Я не помню ни одной «формальной» защиты; высокие требования к соискателям сочетались с

неизменной доброжелательностью; создавались возможности для научной дискуссии, но при этом Анатолий Павлович строго следил за соблюдением всех «протокольных» моментов. В итоге за время работы в адрес нашего диссертационного совета не поступило ни одного серьезного замечания, а все диссертации, защищенные в нем, были утверждены ВАК. К сожалению, по ряду объективных причин, несмотря на все усилия А.П. Толочко и других наших авторитетных ученых, полномочия совета так и не были продлены, а был создан объединенный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе Омского педагогического университета.

В 1990-е гг., когда началось активное реформирование всей системы высшего образования, появилась возможность открыть новые специальности. Тогда на историческом факультете появились такие новые специальности, как «Регионоведение» и «Политология», а позже Анатолий Павлович предложил открыть специальность «Документоведение и документационное обеспечение управления» (сейчас это направление называется «Документоведение и архивоведение»). В 2003 г. был произведен первый набор – платный – на заочно-ускоренную форму обучения, а в следующем году появились и бюджетные места на очной форме обучения. Эта специальность имеет междисциплинарный характер, поэтому перед заведующим кафедрой стояла сложная задача кадрового ее обеспечения. Нужны были преподаватели по информационным технологиям, по праву, лингвистике, архивному делу и т. д. Ряд дисциплин читали и преподаватели других кафедр нашего факультета, но это были преимущественно дисциплины исторического блока. И вдруг Анатолий Павлович предложил мне читать курс «Правовые основы документационного обеспечения управления» (тогда еще не было столь жестких требований к базовому образованию, как сейчас). Признаюсь, что меня сначала удивило это предложение, но, немного подумав, я решила согласиться, тем более, что Анатолий Павлович сделал это предложение заранее и времени на разработку курса было достаточно. Я ни разу не пожалела об этом своем решении: как известно, лишних знаний не бывает, и сейчас, когда я стала заниматься административной деятельностью, знания, приобретенные при разработке и чтении этого курса, оказались очень кстати. Еще у документоведов несколько лет читала спецкурс по социальной политике, который я потом преподавала и у историков, вплоть до недавнего времени.

В 2008 г. не стало Генриха Кутдусовича Садретдинова, заведующего кафедрой всеобщей истории, и я стала исполнять обязан-

ности заведующего кафедрой. Надо сказать, трудностей было немало, тем более, что мое назначение совпало с изменением общей ситуации в высшем образовании и не в лучшую сторону. Тогда я стала присматриваться к стилю руководства Анатолия Павловича – не для того, чтобы воспринять его, у меня другой характер, но чтобы понять, как ему удастся сочетать принципы, если можно так сказать, единоначалия с доброжелательной и творческой атмосферой на кафедре. Я поняла, что он обладает огромным авторитетом – и как преподаватель, и как ученый, и как организатор, но при этом готов брать на себя ответственность. И если такой авторитет, как у Анатолия Павловича, мне заработать вряд ли удастся, то эту готовность отвечать за всё и всех на кафедре я попыталась использовать в своей практике руководства кафедрой.

В последние годы у нас с А.П. Толочко складывается новый формат отношений – декана и заведующего кафедрой. Хотя Анатолий Павлович не сразу поддержал мою кандидатуру на должность декана, но это никак не сказалось на наших служебных и, тем более, личных отношениях. Он пообещал деканату поддержку во всех начинаниях, и эту поддержку я ощущаю постоянно, за что ему очень благодарна, и искренне надеюсь, что наше сотрудничество будет продолжаться.

К юбилею моего российского коллеги и друга

Исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, заведующему кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Анатолию Павловичу Толочко. Он известный ученый, специалист по истории и историографии рабочего и партийно-политического движения в Сибири, внесший крупный вклад в исследования гражданской истории края, городского самоуправления, провинциальной многопартийности, образования. Он был пионером при изучении ряда актуальных проблем сибиреведения, выступая в качестве ответственного редактора многих фундаментальных трудов, коллективных монографий, сборников. Анатолий Павлович является организатором крупных научных форумов, конференций, посвященных актуальным вопросам новой и новейшей истории России и сопредельных стран.

Анатолий Павлович прошел славный путь от студента до профессора. Он относится к поколению, родившемуся после войны. Родители его были участниками Великой Отечественной войны и оказали большое влияние на формирование его личности и мировоззрения. Пройдя профессиональную школу Томского университета, он сумел воплотить в себе современную историческую позицию в изучении разных проблем гражданской истории. Его имя хорошо известно не только российскому и международному научному сообществу, но и широкому кругу читателей, далеких от исторической науки.

Способности и широкий кругозор проявились у него еще в студенческие годы в Томском университете, когда А.П. Толочко под руководством доцента Л.Г. Сухотиной выполнил дипломную работу «П.Н. Ткачев – идеолог бланкистского направления русского революционного народничества». После окончания университета он занимался изучением истории рабочего движения в Сибири в начале XX в. под руководством профессора Н.В. Блинова. Как историк, Анатолий Павлович представляет собой яркую индивидуальность, его труды отличаются глубиной анализа, отличным знанием историографии, богатым фактическим материалам из разных архивохранилищ страны.

Подтверждением этому служит кандидатская диссертация «Рабочее движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)», защищенная в 1977 г. в диссертационном совете при Томском университете. Наконец, А.П. Толочко успешно защитил докторскую диссертацию «Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)» по специальности «Отечественная история» также в родном ТГУ в 1990 г.

О диапазоне научных интересов юбиляра говорит разнообразная тематика его монографических исследований. К настоящему времени А.П. Толочко опубликовал солидное количество печатных трудов, среди них целый ряд монографий. Его работы отличают непрерывный поиск и вовлечение в научный оборот неисследованных первоисточников, что позволяет преодолеть череду идеологических ортодоксий в отечественной историографии и утвердить перспективные научные методы исторической реконструкции. И в настоящее время многие из них сохраняют свое историческое значение как фундаментальные, новаторские исследования.

С именем А.П. Толочко мы связываем создание ряда крупных коллективных трудов, сыгравших значимую роль в развитии отечественной историографии. В них наш юбиляр выступает и как автор, и как ответственный редактор. Свою исследовательскую деятельность А.П. Толочко сочетает с разнообразной научно-организационной и педагогической деятельностью как в качестве заведующего кафедрой, так и увлеченного лектора, читающего лекции и ведущего семинарские занятия со студентами.

Он давний и постоянный автор ряда научных журналов, на страницах которых не раз впервые знакомил научную общественность с результатами своих исследований. В ряде вузовских учебных пособий и энциклопедических изданий можно найти разделы и статьи, принадлежащие перу А.П. Толочко. Безусловно, публикуемые им научные статьи, доклады, эссе, сообщения пользуются пристальным вниманием коллег.

Строгая источниковедческая методика, тщательный анализ документов, сочетание академизма с увлекательной формой изложения – это характерные черты научных изысканий Анатолия Павловича. Приверженность к классическим источниковедческим методам и привязанность к поискам и анализу архивных материалов позволили ему открыть специальность «Документоведение и документационное обеспечение управления», организовать в свое время диссертационный совет по двум историческим специальностям.

Несомненно, авторитет А.П. Толочко как ученого и человека позволил ему активно участвовать в интеграции сибирских исследователей в единое научное сообщество с историками Казахстана. Проведенные в России и Казахстане конференции, посвященные гражданской истории под названиями «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)» и «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность», свидетельствуют о неутомимой деятельности нашего юбиляра в качестве главного инициатора и организатора столь значимых научных форумов. Так, в 1998 г. в Омске на первой конференции по Степному краю он выступил с докладом «Степное генерал-губернаторство (Степной край). 1882 – февраль 1917 г.: из истории социально-экономического развития, культурной и общественной жизни», в 2001 г. в Кокшетау на второй конференции озвучил тему «К истории открытия русско-казахских школ в Степном крае в начале XX в.». В Астане в 2003 г. на конференции «Степной край Евразии» представил интересный доклад «Роль Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в исследовании Степного края (конец XIX – начало XX вв.)». Как видим, тематика представленных научных сообщений касается казахско-русских связей. И, конечно, А.П. Толочко был главным организатором многих форумов. Именно под его редакцией выходили в печать сборники конференций. Ценность омского проекта, посвященного Степному краю, заключается еще и в том, что он органично интегрировался с казахстанским проектом Евразийского научного форума и совпал с «Годом Казахстана в России» и «Годом России в Казахстане». Эти конференции привлекли немало ученых из многих научно-образовательных учреждений России и Казахстана.

А.П. Толочко как ученый оставил след в Казахстане в подготовке научных и педагогических кадров. Он был научным руководителем и научным консультантом кандидатских и докторских диссертаций, участвовал в организации совместных российско-казахстанских научных форумов, являлся членом диссертационных советов в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (г. Алматы) и Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, редактировал ряд журналов, монографий, готовил отзывы на диссертации и научные публикации. Его научные рекомендации и товарищеские советы открыли путь в науку многим молодым ученым.

Историки Казахстана ценят работы юбиляра, посвященные истории Степи, богатой своими историко-культурными традициями.

Анатолию Павловичу присущи широта научных интересов, глубокие знания в области отечественной истории и истории русско-казахских взаимоотношений. Это особенно проявилось в ряде его научных статей, выступлений, докладов, озвученных на конференциях, представленных на страницах казахстанских и российских периодических изданий. Немало интересных статей А.П. Толочко можно найти в сборниках конференций «Валихановские чтения», прошедших в стенах Кокшетауского государственного университета. Заинтересовали сибирского ученого и актуальные проблемы, связанные с деятельностью казахского национального движения Алаш-Орда. Например, в Кокшетау в научном журнале местного университета вышла в свет статья А.П. Толочко «Участие А.Н. Букейханова в общественном движении в Степном крае в период первой российской революции 1905–1907 гг.». В 2007 г. в Новосибирске в сборнике «Личность в истории Сибири XVIII–XX веков» была опубликована статья «Алихан Нурмухамедович Букейханов в Омске». В 2005 г. А.П. Толочко выступил организатором конференции в Омске, посвященной 170-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина.

Кроме рабочих встреч, официальных выступлений на разных научных мероприятиях в моей памяти сохранились и неформальные дружеские беседы на разные бытовые темы за обедами и ужинами, во время прогулок по достопримечательным местам. Анатолий Павлович был не прочь поделиться своими мыслями, дать советы и, в свою очередь, с пониманием принимал мои доводы, размышления и комментарии. Как обычный человек, он общается с людьми, а, бывая у нас в Казахстане, старается выйти из городской суеты и побыть на природе. Его особенно привлекает красота казахстанской жемчужины – Боровое, он действительно искренне любит наш край и старается бывать здесь.

Мы, хорошо знающие Анатолия Павловича, по достоинству оцениваем его умение привлекать к себе коллег, порядочность и тактичность в отношениях с нами, стремление лояльно воспринимать чужие мнения. Его отличают такие душевные качества, как отзывчивость, такт, чувство юмора и непринужденность в общении, что обусловили симпатию и привязанность коллег. С особой чуткостью и доброжелательностью он относится к своим ученикам, и они берут с него пример. Как всегда наш юбиляр молод душой и телом, полон творческих замыслов и энергии, что очень необходимо в наше время.

Коллега и товарищ, подаренный судьбой

С Анатолием Павловичем Толочко я знаком со студенческих лет. Он приехал в Омский университет в 1976 г., когда наш курс, первый по набору в ОмГУ, уже был третьим. Лекционных и семинарских занятий на нашем курсе А.П. Толочко не вёл, но некоторые мои сокурсники выполняли дипломные работы под его научным руководством. Моим же научным руководителем неизменно был А.В. Минжуренко.

Мое общение с Анатолием Павловичем перешло на регулярную основу после того, как я в начале 1980-х гг. начал работу над кандидатской диссертацией, поступив в очную аспирантуру Омского педагогического института. Ректор вуза, профессор В.М. Самосудов, взваливший на свои плечи бремя научного руководства мной как аспирантом кафедры истории КПСС, предложил мне тему, хронологически охватывавшую период 1907–1914 гг. А.П. Толочко был уже кандидатом наук, а его диссертация выполнена в Томском университете по рабочему движению тех же самых лет. Мы стали встречаться на научных конференциях, которых в 1980-е гг. проводилось немало, в том числе в Омске.

В 1991 г. А.П. Толочко позвонил мне и предложил перейти на работу в Омский университет (университет тогда в городе был единственным) старшим преподавателем кафедры, которую он возглавлял. Занявшись размышлениями и самокопанием, я взвешивал все «за» и «против» и в конечном счёте принял почётное приглашение.

Вот уже более четверти века мы с Анатолием Павловичем коллеги. В 1999 г. была опубликована книга «Историки Омска». Составители этого труда просили всех, о ком идёт речь, помимо прочего, назвать фамилии трёх человек, которые оказали существенное влияние на формирование научных взглядов. Одним из своих учителей я назвал А.П. Толочко. И сегодня не подлежит сомнению влияние Анатолия Павловича на меня как исследователя.

Благодаря научному авторитету А.П. Толочко, я входил в состав оргкомитета многих научно-практических конференций, а также коллектива авторов, работавших над «Очерками по истории го-

рода Омска» (в двух томах), хроник общественного движения в Сибири начала XX в., других мероприятий и изданий. В том, что из-под моего пера до сих пор продолжают, пусть и не часто, выходить научные работы, а не только поэтические опусы, огромная заслуга Анатолия Павловича. Не перестаю удивляться его исследовательской энергии: с изучения проблем рабочего и партийно-политического движения в Сибири он в 1990-е гг. переключился на рассмотрение различных сюжетов российско-казахских отношений, городского самоуправления и профессионального образования в Западной Сибири, истории Омска. И во всех случаях выдавал на-гора результат – монографии (отдельные или в соавторстве), статьи в ведущих научных журналах.

В 2000-е гг. в мою профессиональную жизнь подул свежий ветер перемен. А.П. Толочко предложил мне стать его правой рукой в работе диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций, заняв должность учёного секретаря. После того, что Анатолий Павлович сделал для меня, как я мог ему отказать? В течение пяти с половиной лет (с середины 2002 г. по конец 2007 г.) работа в диссертационном совете отнимала немало времени и сил. Это был запоминающийся опыт. На посту председателя совета Анатолий Павлович ещё ярче, чем в должности руководителя кафедры, раскрыл свой талант организатора образования и науки. Сорок диссертаций были защищены в нашем совете, и все они утверждены ВАК. Никаких, как говорится, рекламаций.

Хочу особо подчеркнуть одну примечательную способность А.П. Толочко как руководителя – стратегическое мышление. Это проявилось наиболее рельефно в открытии новой специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления». Имеются все основания утверждать, что это решение стало для кафедры судьбоносным, способствовало ее сохранению в непростых современных условиях. После упразднения специалитета и перехода на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат – магистратура) набор студентов осуществляется на оба эти уровни по направлению «Документоведение и архивоведение». А.П. Толочко является руководителем магистерской программы, читает базовые курсы, руководит практикой студентов. Не будут преувеличением мои слова о том, что заведующий кафедрой делает всё возможное для того, чтобы сохранить её кадровый потенциал.

Мне посчастливилось не только работать с Анатолием Павловичем Толочко, но и дружить с ним и его замечательной семьей. Я бла-

годарен ему за то, что он доверил мне осуществлять научное руководство написанием кандидатской диссертации своей дочери. Юлии Анатольевне повезло, ведь крайне редко у аспиранта бывает, по существу, два научных руководителя. Первым из них неформально был Анатолий Павлович. Дружеские отношения были бы неполноценными без постоянного общения с неповторимой Ниной Борисовной, супругой А.П. Толочко. Открытие новой специальности способствовало нашим профессиональным контактам, поскольку Нина Борисовна является прекрасным практиком и архивного дела, и делопроизводительной сферы.

Моё отношение к людям чаще всего становится понятным по моим непрозаическим вещам. Анатолий Павлович и его семья занимают особое место в моём поэтическом творчестве. Это не угодничество, а желание выразить благодарность судьбе за то, что помогла встретить на пути таких замечательных людей. Чаще всего я пишу стихотворные поздравления на юбилеи. Но А.П. Толочко стал исключением, поскольку почти на каждый его день рождения меня посещает муза. Однажды мне задали провокационный вопрос, пишу ли я на своего шефа эпиграммы. Ответом стало вот такое шуточное четверостишие:

Друзья, никто не станет отрицать,
Таких, как шеф, по пальцам перечесать,
Я мог бы эпиграмму написать,
Но чувство самосохранения есть.

Проходят годы, и коллекция моих стихов, посвящённых А.П. Толочко, множится. Недавно Анатолий Павлович шутя сказал, что пора издать сборник «толочковских» стихов. Однако для сборника их все-таки маловато. Но мы все верим, что Анатолий Павлович проживёт очень длинную жизнь, и сборник будет издан непременно.

Приведу некоторые строки из поэтических поздравлений нашему юбиляру, написанные в разное время.

Мы находим повод, чтобы пообщаться,
«Покурить» минуту, позвонить домой,
Повезло мне в жизни с Вами повстречаться,
Дорогой наш Палыч, Друг-Учитель мой.
Вы живёте честно и совсем неброско,
В собственную душу загоняя гнев,
При любой системе, даже при болонской
Я хочу работать с Вами, добрый шеф. (2012 г.)

Не тратьте каждый день адреналин,
Для долгой жизни берегите силы,
Такой, как Вы, на кафедре один,
Вы уникальны даже для России.
В лице семьи у Вас надёжный тыл
И есть друзья, хоть преданных немного,
Желаю, чтоб вкус к жизни не остыл,
Счастливою была судьбы дорога. (2016 г.)

На всю оставшуюся жизнь запомнился мне один забавный случай, который характеризует Анатолия Павловича как человека, искренне заботящегося о профессиональном росте своих коллег. Был такой период, когда при смене квартиры у меня отсутствовал стационарный телефон. Эпоха мобильных тогда еще не наступила. Каналы нашего телефонного общения оказались отрезанными, и это обстоятельство несколько удручало Анатолия Павловича. Как-то на кафедре я собирался уходить домой, и А.П. Толочко долго не отпускал меня, ссылаясь на то, что он хочет сказать что-то очень важное. Наконец, по прошествии, наверное, получаса он подошел ко мне и спросил: «Ты когда напишешь монографию?». А не забывается мной этот эпизод потому, что положительного ответа на каверзный для меня вопрос заведующего кафедрой и одновременно моего старшего товарища я не смог дать до сих пор.

Есть такая когорта людей, о которых говорят, что за ними, как за каменной стеной. По моим представлениям, Анатолий Павлович из такой категории руководителей и друзей. Парадоксально, но мы начинаем всерьез считать, что иначе и быть не может. Конечно, дружеские и профессиональные отношения не бывают игрой в одни ворота. Но в случае с А.П. Толочко мы, его окружение, получаем практически всегда больше, чем можем или хотим поделиться.

Анатолию Павловичу Толочко присуща основательность. Это проявляется во всём: в научных изысканиях, в преподавательской деятельности, в руководстве кафедрой или другим коллективом. Кажется, с такой чертой характера наш юбиляр родился. Сегодня все мы, работающие в Омском госуниверситете имени Ф.М. Достоевского, находимся под дамокловым мечом аккредитации. Наблюдая за тем, сколько времени и нервных клеток тратит А.П. Толочко на подготовку кафедры к ней, ловлю себя на той мысли, что априори дела у коллег на других кафедрах должны обстоять никак не лучше, чем у нас.

Анатолий Павлович, по моему убеждению, прекрасный психолог. Он умеет поддержать в трудную минуту и, наоборот, выступить

с резкой критикой тогда, когда она необходима. Поскольку в этой критике никогда не бывает ничего личного, то обижаться на неё могут только недалёковидные и неадекватные люди. Меня радует то, что в нашем кафедральном коллективе это понимают абсолютно все коллеги. На мои переживания по поводу отраслевой политики кадрового сокращения А.П. Толочко неоднократно реагировал ссылкой на такое успокоительное средство, как получение пенсии по возрасту. В отношении других коллег (более молодых) он находит иные слова моральной поддержки.

Завершить штрихи к портрету А.П. Толочко хочу стихотворением, написанным совсем недавно, накануне его юбилея:

Таких, как Вы, на свете очень мало,
Всегда стремитесь ближнему помочь,
Была окружена заботой мама,
Боготворите Вы жену и дочь.
Коллеги и друзья Вам благодарны,
Ваш вклад в успехи каждого большой,
Вы снисходительны к тем людям, что бездарны,
И жёстки к тем, кто очерствел душой.
Грустить в День Юбилея не пристало,
Улыбка – в долголетие билет.
Таких, как Вы, на свете очень мало,
Здоровья Вам и плодотворных лет!

Слово об учителе

С моим будущим учителем и научным отцом Анатолием Павловичем Толочко я познакомилась в далекие ныне 80-е годы прошлого века. Впрочем, в моей веселой первокурсной юности ровным счетом ничего не предвещало ни продолжения этого знакомства, ни того, какую роль сыграет в дальнейшем Анатолий Павлович в моей судьбе.

Наше вхождение в разнообразную жизнь истфака Омского университета началось, как и у всех тогдашних студентов, с картошки. Честно говоря, не помню, ездил ли с нами в качестве сопровождающего преподавателя Анатолий Павлович, но точно знаю, что в это время мы уже познакомились и даже подружились с остроумным, ироничным и веселым нашим куратором Александром Ермолаевичем Плотниковым (светлая ему память). Александр Ермолаевич не особо загружал нас официальными мероприятиями, по крайней мере, кураторские часы по обсуждению очередного съезда партии он точно не проводил, да мы и сами были настолько активными, что лихо собой управляли. А вот с постановкой учебной работы в вузе, занятиями наукой и прочим были еще совсем не знакомы. И Александр Ермолаевич нам терпеливо объяснял, что мы должны с первого курса выбрать себе руководителя, писать у него курсовую работу в рамках избранной научной темы, постепенно углубляя исследование, представив его потом на защиту в качестве дипломной работы (неплохая, кстати, была практика). Все это пока было для нас темным лесом, но в силу близости к нам Александра Ермолаевича я попросилась писать курсовую у него на кафедре дореволюционной отечественной истории. На этой кафедре и работал Анатолий Павлович Толочко.

На первом курсе он не вел у нас занятий, поэтому мы весьма поверхностно знали этого строгого, серьезного и, как нам тогда казалось, довольно сухого человека. Впрочем, удивляло нас неизменно теплое и дружеское отношение к Анатолию Павловичу Александра Ермолаевича Плотникова. Да, мы знали, что они являлись соучениками по истфаку Томского университета, но все же казались совершенно разными людьми. Строгость Анатолия Павловича проявлялась при защите нами курсовых работ, во время обсуждений наших выступле-

ний на ежегодных студенческих конференциях. Признаться, мы его слегка побаивались.

Новый (и довольно неожиданный) штрих к образу Анатолия Павловича добавился осенью у нашего второго курса, когда значительная часть студентов истфака на месяц была отправлена на уборку урожая в совхоз Центрально-Любинский. Анатолий Павлович некоторое время был с нами в качестве одного из руководителей, со студентами не панибратствовал и, как всегда, строго держал дистанцию. Впрочем, заметно было, что никакого энтузиазма по отношению к пребыванию в совхозе Анатолий Павлович не испытывает, он с гораздо большим бы удовольствием занимался наукой, но обязанность есть обязанность, и он ее без удовольствия, но добросовестно выполнял. Выбивался из привычного образа только один эпизод, который и запомнился своей нестандартностью.

Молодому поколению трудно представить себе жизнь без сотовых телефонов. А связь советского времени – это платный телефон на почте, качество связи по которому было таким, что крики желающих поговорить с родными долетали если не до Омска, то до соседней деревни точно. Придя однажды на почту с переговорной целью, мы застали там уже бодро кричащего по телефону Анатолия Павловича. Говорил он с женой, повторяя фразы, поскольку треск в трубке явно мешал правильно понять сказанное: «Что Юлия просит? А, ежика привезти! Ну, что ж, придется побегать по лесам, поискать ежика...» Мы с подружками, представив серьезного Анатолия Павловича рыскающим по лесу в поисках ежика, так и покатались со смеху, долго потом вспоминая эту историю – слишком уж не соответствовала она нашим представлениям о строгом преподавателе. Тем не менее мы увидели в ней Анатолия Павловича другим – любящим мужем и заботливым отцом, что в условиях непубличности частной жизни, свойственной для советского периода, было от посторонних глаз скрыто.

Не помню точно, начались ли у нас занятия по курсу истории СССР, которые вел Анатолий Павлович, на втором или третьем курсе, но мнение о его строгости было в их ходе многократно усилено. Никаких отвлечений от курса, никаких шуток и неукоснительное следование теме – вот что отличало лекции Анатолия Павловича. Столь же строг он был и на экзамене, сопровождая, впрочем, многочисленные студенческие ляпы при ответах усмешкой и довольно едкими комментариями. Кстати, я получила по истории СССР оценку «хорошо», хотя могла рассчитывать на «отлично». До сих пор помню по-

следний вопрос, заданный Анатолием Павловичем на экзамене и решивший судьбу моей оценки. «Каковы особенности Морозовской стачки?», – спросил строгий экзаменатор. «Она носила политический характер, а остальные забастовки того времени – экономический», – наобум ответила я. «Нет», – хитро усмехнулся Анатолий Павлович, выставляя мне четверку. И, как я теперь понимаю, вполне обоснованную четверку, поскольку особенности Морозовской стачки я не знаю до сих пор.

Но время пролетело стремительно, и вот я уже держу в руках красный диплом университета и рекомендацию для поступления в аспирантуру после трех лет отработки (было и такое). Честно говоря, ни в какую аспирантуру я не собиралась ни сразу, ни через три года и вообще никогда. Однако у судьбы были другие планы. Отработав несколько лет в школе, я перешла в высшее учебное заведение, а там ребром был поставлен вопрос – нужна ученая степень, причем в ближайшие несколько лет. И призрак аспирантуры замаячил передо мной.

Не особо понимая, что и как нужно делать, я бросилась к моей подруге Свете Корусенко (ныне, конечно, Светлане Николаевне), уже работавшей в ту пору в университете. «Света, как быть? Нужна срочная защита! Что делать?!», – вопрошала я. Светлана долго не раздумывала. Ответ ее был краток и конкретен: «Иди к Анатолию Павловичу. Он надежный руководитель. С ним сто процентов защитишься».

С тем и поплелась я к Анатолию Павловичу. «Вот... хочу у Вас диссертацию писать», – промямлила я. «А на какую тему?», – поинтересовался Анатолий Павлович, с сомнением глядя на меня. Надо сказать, что несмотря на перерыв в занятиях наукой, интересная тема у меня все же была. Со времен защиты диплома меня занимали народники, а если точнее, то написанная ими так называемая «ряженая» литература. Эту тему я и озвучила. «Ну, нет, – ответил Анатолий Павлович, – тут я не специалист. Или меняйте тему, или меняйте руководителя». «Тему», – вздохнув, быстро согласилась я. Практические цели в тот момент явно преобладали над научными.

«Не расстраивайтесь, Оксана, – утешал меня Александр Ермолаевич Плотников. – Когда начинаешь заниматься любой темой, то она становится интересной». Жизнь подтвердила правоту Александра Ермолаевича, и выбранная нами с Анатолием Павловичем тема действительно оказалась самой интересной. Позже я узнала, что именно Александр Ермолаевич сыграл огромную роль в моей научной судьбе. «Когда ты, Оксана, ко мне пришла, научных задатков в тебе не было

никаких, – рассказывал мне спустя много лет Анатолий Павлович. – Но Плотников сказал: «Возьми ее, она толковая». Вот я и согласился». Так наш дорогой куратор еще раз мне помог, хотя мог бы вспомнить, как ругал меня на первом курсе за неудачную попытку составления курсовой работы из кусков научной литературы.

И началась моя новая учебная соискательско-аспирантская жизнь. Пять дней в неделю я добросовестно работала преподавателем, а на шестой превращалась в студента, посещающего занятия по философии и английскому языку для сдачи кандидатского экзамена. Да еще и наукой нужно было заниматься. Первую статью я написала такого качества, что, по-моему, сомнения Анатолия Павловича относительно моих способностей (а точнее, их полного отсутствия) только усилились.

«Что это Вы понаписали? Здесь не то, и здесь не так. Переделывайте, Оксана...» Как часто я потом слышала от Анатолия Павловича эти слова! И переделывала, переделывала, переделывала... Анатолий Павлович проверял мои писания до запятой, часто высмеивал, ни одной статьи я не провела через сито его контроля с первого раза. «Оксана, не торопитесь. Думайте над тем, что Вы пишете, – учил меня руководитель. – Вот я, например, пишу медленно. Я могу, конечно, написать статью быстро, но есть ответственность за каждое слово». И я училась отвечать за каждое слово и даже за знак препинания. «Что это у Вас, Оксана, запятая не на том месте?» – довольно ехидно вопрошал Анатолий Павлович. «Да у меня пятерка в школе была по русскому!» – отбивалась я. «А я учился в простой деревенской школе, но до сих пор пишу грамотнее вас», – парировал Анатолий Павлович. Возразить было нечего.

А уж когда дело дошло до текста диссертации! Кажется, где-то еще пылится кипа густо исписанных листов, сохраненных мной на память о муках научного творчества. Первый, второй, третий, пятый варианты параграфов – сколько их было, уже не помню. При этом Анатолий Павлович никогда меня не хвалил, отмечая только одно достоинство: «Почерк у тебя, Оксана, хороший, читается легко!» А еще он решал вопросы с моими командировками, внимательно следил за подбором источников и научной литературы, договаривался о размещении статей в научных журналах и решал множество других больших и маленьких проблем, которые, благодаря его участию, так и не стали для меня проблемами. «Ого, а у нас не так, – завидовали друзья-аспиранты. – Нам бы такого руководителя!» «Он

один такой», – задавалась я, привыкнув к требовательности Анатолия Павловича, но и ворча периодически по поводу его дотошности.

И снова время в работе, написании диссертации, командировках по архивам и библиотекам пролетело быстро, приближался час икс – защита. Что это такое, я представляла тогда весьма смутно. Причем мне не пришлось искать себе оппонентов, договариваться с отзывами на автореферат, находить себе ведущую организацию и т. д. Все это и многое другое взял на себя Анатолий Павлович. Мне было точно сказано – куда и во сколько идти, что нужно взять с собой, что написать и прочее. И опять же от друзей-аспирантов я узнавала, что далеко не каждый научный руководитель так пошагово, как будто за руку, ведет своего несмысленного подопечного к защите.

Диссертация доделывалась, переделывалась, шлифовалась. Автореферат Анатолий Павлович вычитывал несколько раз, на заседаниях кафедры были даны ценные замечания по содержанию текста. Вероятно, поэтому сама защита прошла довольно гладко, хотя я сильно волновалась. После нее меня интересовало другое – достойное проведение небольшого традиционного банкета. Вел его так же строго, как и все заседание диссертационного совета, его бессменный руководитель Виктор Николаевич Худяков (скольким ученым диссовет под его руководством дал дорогу в жизнь!), который слово соискателям предоставлял только один раз. И в этом слове я должна была поблагодарить и членов диссертационного совета во главе с председателем, и уважаемых оппонентов, и представителей ведущей организации, и родных, которые мне во всем помогали, и, конечно, самого главного человека, без которого эта защита бы не состоялась – моего научного руководителя. И вот, дойдя в своей речи до этого момента, я сказала, как уважаю и ценю Анатолия Павлович, который меня всегда ругал, никогда не хвалил, а из положительного отмечал только то, что почерк у меня хороший. Всеми присутствующими эта часть моего выступления была встречена дружным смехом.

Спустя некоторое время, пробегая с чайником по коридору, я встретила Анатолия Павловича, который сурово сказал: «Ну-ка, Оксана, зайдем в аудиторию, надо поговорить». Ничего хорошего тон речи руководителя мне не предвещал. «Ты чего это сейчас про меня наговорила? – напустился на меня Анатолий Павлович. – Когда это я тебя ругал?! Ну, не хвалил, но ведь и не ругал же! Сначала, когда ты ко мне пришла, я думал, что толку из тебя не выйдет. Но ты оказалась упорной, я делал замечания, ты переделывала. А теперь говоришь, что

только почерк твой хороший я отмечал! Ославила меня перед советом!..» «Ладно, – остыв немного добавил Анатолий Павлович, – отдохни пока, займись личными делами, а через несколько лет придешь ко мне в докторантуру». Вполне понятно, что ни о какой докторантуре в день защиты кандидатской диссертации я не помышляла, но Анатолием Павловичем моя дальнейшая научная судьба была уже определена.

Так все и вышло. Через несколько лет я продолжила обучение в докторантуре. Анатолий Павлович стал числиться моим научным консультантом, но слово «консультант» по отношению к нему я ни разу не употребила. Он как был, так и остался моим руководителем. Статьи теперь я писала сама. «Что это, Оксана, я статьи кандидата наук и доцента буду проверять, теперь все самостоятельно», – раз и навсегда сказал Анатолий Павлович. Фрагменты диссертации уже критиковал реже, но хвалить по-прежнему не хвалил.

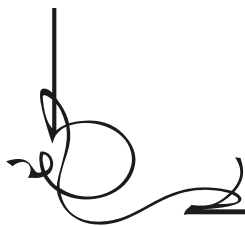
Вторая защита, теперь уже докторской диссертации, в том же совете в Омском педагогическом университете при бессменном председателе Викторе Николаевиче Худякове через 10 лет прошла для меня гораздо легче первой. Я была уже старше, опытнее, чувствовала себя намного увереннее, поэтому даже на фотографиях видно, что во время защиты я все время улыбаюсь. Да и Анатолий Павлович тоже был спокоен, понимая, что многому меня научил. Очень радостно было видеть в составе членов диссертационного совета моих дорогих преподавателей: Юрия Алексеевича Сорокина, Валентину Георгиевну Рыженко, моего оппонента на предыдущей защите Сергея Павловича Исачкина и многих давно знакомых ученых. Жаль, что Анатолий Викторович Ремнев в то время уже болел... Всем им я очень признательна.

И вот я стала доктором наук. Что изменилось в моих отношениях с Анатолием Павловичем? Ничего. Ровным счетом ничего. Он был, остается и останется навсегда для меня моим научным руководителем, благодаря которому я и достигла определенных научных результатов. Я трезво оцениваю свои силы и понимаю, что без него ни одна бы моя защита не состоялась. Я по-прежнему советуюсь с Анатолием Павловичем по многим вопросам, звоню, приезжаю на кафедру. При этом я точно знаю, что на кафедре дореволюционной отечественной истории и документоведения мне бескорыстно помогут и Юрий Алексеевич Сорокин, и Юрий Петрович Родионов, и Наталья Геннадьевна Суворова (простите все, кого не назвала!).

Таким образом, я описала, скорее не Анатолия Павловича, а годы моей жизни, проведенные с ним вместе. Скажу абсолютно искренне – все, чего я добилась, – это, прежде всего, заслуга моего руководителя. И это касается не только защиты диссертаций. Я до сих пор медленно пишу статьи, помня, что отвечаю за каждое слово. Я не могу издавать десятки публикаций в год, занимаясь самоцитированием для поднятия индекса Хирша, потому что это непорядочно и к науке не имеет никакого отношения. Я так же, как мой руководитель, не хвалю своих аспирантов, чтобы не расслаблялись, вычитываю готовящиеся к публикации статьи, критикую их тексты и ехидничаю по поводу допущенных ошибок. («Вы можете запятые написать на отдельном листе, я сама их в нужное место поставлю!») Всему этому меня научил Анатолий Павлович, и, надеюсь, что его уроки я усвоила хорошо.

Представляю, как Анатолий Павлович, прочитав это текст, позвонит мне и скажет: «Ну, Оксана, ты понаписала! Да когда такое было! Ну ты даешь!» Однако я хочу, чтобы в веках остался именно тот образ моего дорогого научного руководителя, который сложился у меня лично. Кто знает, может быть, спустя годы, какой-нибудь исследователь займется темой «Научное руководство защитой диссертаций в России в конце XX – начале XXI вв.», и мои воспоминания станут для него важным историческим источником. А мы должны, прежде всего, думать о науке, как учил и учит нас Анатолий Павлович!

С Юбилеем, мой Учитель, Руководитель и Человек с большой буквы!

Секция
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А.В. Филимонов

Омск, госуниверситет им. Ф.М. Достоевского

Местный переселенческий персонал
1890-х – начала 1900-х гг.
в воспоминаниях А.Н. Куломзина*

Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923) – крупный государственный деятель Российской империи, историк, экономист, служивший в Комитете министров, Министерстве государственных имуществ, Комитете Сибирской железной дороги (далее – КСЖД), Государственном совете, участвовавший в принятии ряда важнейших государственных решений. Мемуары Куломзина представляют собой уникальный источник, содержащий ряд сведений о различных сторонах жизни российского государства и общества конца XIX – начала XX в. Большая их часть была написана в 1903 г. на отдыхе в швейцарском курорте Веве, затем в 1916–1917 гг. полный текст был отредактирован для печати (Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 16). Куломзин так и не сумел договориться с издательствами о публикации своего труда. Полный авторский текст сохранился в Российском государственном историческом архиве, отредактированный – в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Из исследователей особое внимание этому источнику уделил А.В. Ремнев. Он показал основные принципы функционирования высшего бюрократического аппарата на примере КСЖД, управляющим делами которого бессменно являлся Куломзин (Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // По-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Колонизационные эксперты между империей и советской властью», № 17-01-00446.

литика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1987. С. 42–57).

Одной из наиболее часто освещаемых Куломзиным тем было переселенческое дело, как ключевое направление деятельности Подготовительной комиссии КСЖД, которой он руководил более 10 лет. Среди прочего он писал о проблеме формирования местного состава переселенческих чиновников. Прямая зависимость успешности реализации переселенческой политики на местах от подбора этих людей объясняет исследовательскую значимость выявления соответствующей информации в мемуарах Куломзина. В настоящий момент данная проблематика получила освещение в работах лишь нескольких авторов (Родигина Н.Н. Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории. Новосибирск, 2003. С. 88–104; Васильева Т.Г. Вклад забайкальской интеллигенции в переселенческую политику (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013. 248 с.). Местный кадровый состав переселенческого ведомства в период деятельности КСЖД в отечественной историографии освещен слабо. Это связано с трудностью нахождения соответствующих источников. Если при исследовании периода 1906–1914 гг. в нашем распоряжении имеются изданные воспоминания представителей Переселенческого управления (В.Ф. Романов, А.А. Татищев, Г.К. Гинс), то для 1890-х – начала 1900-х гг. подобных источников не имеется. Официальная документация и личные дела чиновников также не дают полного представления о составе местных переселенческих учреждений. Отчасти подобное положение дел компенсируется травелогами Г.И. Успенского и В.Л. Дедлова, однако содержащаяся в них информация не может считаться исчерпывающей.

Мемуары Куломзина в этом отношении особенно важны, поскольку содержат личные впечатления автора от общения с переселенческими чиновниками в рамках работы Подготовительной комиссии КСЖД и во время его поездок по Сибири. Скрупулезность, проявленная автором при составлении воспоминаний, сыграла здесь положительную роль. Ему было важно подробно показать как процесс принятия решений Подготовительной комиссией, так и осуществление намеченных ей мероприятий на практике. Нас будут инте-

ресовать особенности формирования и личностные характеристики местного состава переселенческих чиновников, зафиксированные мемуаристом.

С середины 1880-х гг. в связи с возобновлением регулярных государственных мероприятий по оказанию помощи переселенцам на места были командированы представители двух министерств – внутренних дел и государственных имуществ (чиновники особых поручений по переселенческим делам и землеотводные чины). Отсутствие полноценного переселенческого закона, ограниченность финансовых ресурсов и инфраструктуры пунктов, слабая исследованность территорий за Уралом затрудняли их деятельность. После учреждения КСЖД ситуация постепенно начала меняться. Чиновники особых поручений по переселенческим делам, помогавшие крестьянам в путевых пунктах, по-прежнему направлялись Земским отделом (позднее – Переселенческим управлением) на линию Сибирской железной дороги в места наибольшего скопления переселенцев, однако теперь их число заметно выросло и в их распоряжение поступили значительные кредиты специального фонда вспомогательных предприятий КСЖД.

Несмотря на достаточно сухой язык повествования, в мемуарах Куломзина нашлось место для ярких личностных характеристик чиновников особых поручений. Наиболее часто автором упоминались «бескорыстные труженики» П.П. Архипов и А.А. Станкевич (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 523–524). Архипов был направлен в Тюмень для руководства крупным остановочным пунктом, в котором крестьяне пережидали зимнее время. Помимо медицинской помощи и питания, в пункте была организована продажа лошадей и телят переселенцам в счет путевых ссуд (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 524). В 1902 г. в связи с решением Подготовительной комиссии активизировать заселение Дальнего Востока, Архипова командировали на место для организации и руководства переселенческим делом. При рассмотрении плана мероприятий на 1903 г. Подготовительная комиссия по его ходатайству расширила землеотводные работы в амурском бассейне для устройства переселенцев на степных черноземных землях (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 867).

А.А. Станкевичу в середине 1890-х гг. была поручена организация врачебно-питательных пунктов по линии Сибирской железной дороги. По словам Куломзина, несмотря на ограниченный кредит, чиновник «внес неисчислимы улучшения в порядок следования», при

этом Подготовительная комиссия практически неизменно поддерживала реализацию его предложений (фрахт барж и пароходов, приобретение телег и лошадей для переселенцев), ограничиваясь «разъяснением необходимости отдельно испрашиваемых сумм» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 524). В первые годы существования КСЖД благодаря информации Станкевича удалось установить наиболее частую причину жалоб переселенцев. Из-за длительной переписки об ассигновании средств постоянно происходили задержки при выдаче пособий (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 569). В результате чиновникам были выделены специальные авансы в 3 тыс. руб., которые можно было расходовать, не дожидаясь одобрения губернским присутствием. Во время поездки по Сибири в 1896 г. председатель Подготовительной комиссии вместе с чиновником организовали помощь цинготным больным в Петропавловском уезде (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 602). Большое значение имело назначение Станкевича заведующим деятельностью чиновников особых поручений в районе Сибирской железной дороги: к 1902 г. число его помощников было доведено до 9 (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 849). После передачи местных сельскохозяйственных складов в ведение Переселенческого управления руководство ими также было поручено Станкевичу. По словам Куломзина, ожидалось, «что он их поставит в живую связь с переселенцами» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 570).

Архипов и Станкевич пользовались полным доверием Подготовительной комиссии. В 1896 г. в связи с резким ростом переселенческого движения возник вопрос о необходимости взимания платы за питание на пунктах. Существовали опасения, что даровая раздача пищи вызовет нежелательные слухи, спровоцировав новую волну переселения. В результате Архипову и Станкевичу как «главным руководителям дела» были даны полномочия, позволявшие самостоятельно определять плату в зависимости от конкретной ситуации (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 566). Летом 1896 г. во время личной встречи с Куломзиным оба чиновника высказали идею о необходимости перед переселением отправлять ходоков от каждой семьи, что впоследствии и было проведено на высшем уровне (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 660).

Еще одним выдающимся представителем Переселенческого управления был А.В. Кривошеин. После назначения помощником управляющего этого учреждения он был командирован в Сибирь и занялся организацией помощи переселенцам в пути и при водворении.

Куломзин признавал его «замечательный организаторский талант при не менее замечательном умении выбирать себе энергичных, преданных делу сотрудников» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 431). В 1899 г. Кривошеину было поручено обревизовать сельскохозяйственные склады в ведении Станкевича. Принятое им решение незначительно увеличить цены продаваемых орудий помогло снизить убытки складов, кроме того, по его рекомендации Подготовительная комиссия увеличила их основные капиталы (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 800). Подобные действия, ставшие, по словам Куломзина, первым удачным применением «выдающегося административного таланта» Кривошеина, способствовали переводу складов на коммерческую основу и расширению их деятельности (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 800).

Помимо отдельных личных характеристик, Куломзин во время своих поездок по Сибири также писал о непростом труде персонала переселенческих пунктов («бесконечно усердные люди с огромной любовью к человечеству») (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 600). Особо председатель Подготовительной комиссии указывал на высокую загруженность медицинского состава. Подобное положение объяснялось помимо наплыва переселенцев предоставлением старожилам права на равных пользоваться врачебной помощью в связи с отсутствием в Сибири сельских лечебниц и врачей (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 566). Позднее по инициативе КСЖД Медицинский департамент МВД занялся развитием сельской медицины в Западной Сибири и Степном крае.

Руководствуясь примером чиновников особых поручений, Куломзин в самом начале работы Подготовительной комиссии КСЖД предложил МВД учредить должности специальных чиновников по водворению и хозяйственной помощи переселенцам (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 442). По итогам обсуждения вопроса возобладала позиция главы МВД А.С. Стишинского. Поскольку крестьяне на тот момент в основном селились рядом со старожилами, было решено подчинить их чиновникам по крестьянским делам, чтобы не подрывать авторитет административной власти и не дробить полномочия (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 442). В результате было принято решение об увеличении числа крестьянских начальников до 12 и создании двух новых должностей переселенческих чиновников при иркутском генерал-губернаторе (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 442). Куломзин критиковал «ничтожность сделанной прибавки» и указывал на сильную зависимость качества состава крестьянских чиновников от лич-

ного подбора местной администрацией. Если при тобольском губернаторе Н.М. Богдановиче крестьянские чиновники «работали с замечательным самоотвержением» (автор мемуаров приводил примеры В.В. Казаринова, Л.Л. Оноре), то вскоре увеличение числа переселенцев и бюрократическая переписка вынудили их выбирать «между личным участием в деле водворения переселенцев и аккуратным ведением канцелярской отписки» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 443, 619). В Степном крае ситуация была еще хуже: из-за отсутствия должностей крестьянских чиновников водворение, перечисление, выдача ссуд лежали на начальниках уездов, что приводило к «абсолютному произволу» при принятии решений. В конце 1890-х гг. по инициативе КСЖД институт крестьянских начальников был введен и в Степном крае (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 758–759).

В дальнейшем Куломзин неоднократно возвращался к проблеме некачественного состава крестьянских начальников. В 1896 г. Подготовительная комиссия отказалась предоставить чиновникам право выдавать хозяйственные ссуды сельскохозяйственным инвентарем из-за опасения навязывания новоселам ненужных предметов (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 569–570). Мемуарист также писал о «произволе» «чиновников-формалистов», не позволявших селиться самовольным переселенцам до появления осенью свободных участков ради точного соблюдения формулировки постановления Государственного совета («устраивать их (самовольных переселенцев. — А. Ф.) на тех свободных душевых долях, которые остаются за занятием переселенцами, имеющими разрешение») (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 584). В 1899 г. КСЖД выступил против предложения МВД о предоставлении крестьянским начальникам права на арест и принудительную продажу приобретенного на ссуду имущества для обеспечения возврата казенных средств. Куломзин характеризовал данную меру как «установление над переселенцами полнейшего произвола» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 784).

Несмотря на проблемы с кадровым подбором крестьянских чиновников, Подготовительная комиссия вынуждена была соглашаться на увеличение их числа в связи с ростом переселенческого движения за Урал. Подобное распоряжение было сделано в начале 1898 г. (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 667). Дальнейшее ухудшение ситуации вынудило МВД вернуться к разработке идеи Куломзина о введении специальных переселенческих чиновников. В 1901 г. было принято решение об учреждении должностей переселенческих чиновников с пра-

вами крестьянских начальников в местностях, преимущественно занятых новоселами. На территориях с преобладанием старожильческого населения ведение дел по-прежнему сохранялось за крестьянскими начальниками (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 850). Идея МВД и Переселенческого управления о выведении переселенческих чиновников из подчинения местной администрации была отклонена в Подготовительной комиссии (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 850). В 1902 г. были расширены полномочия уездных съездов крестьянских начальников. В ссудные правила было внесено положение о передаче им права определения размера ссуд в рамках установленной нормы (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 864). Тогда же в связи с постоянным увеличением числа переселенческих районов были учреждены дополнительные должности переселенческих чиновников (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 865). Куломзин по-прежнему констатировал недостаток кредитов на содержание переселенческих чиновников и «возраставшую негодность» крестьянских начальников из-за неудачных назначений Земского отдела МВД, однако начало русско-японской войны и последовавшее закрытие КСЖД не позволили принять какие-либо меры по этому поводу (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 896).

Куломзин достаточно скептически оценивал инициативы Министерства земледелия и государственных имуществ (далее – МЗиГИ) в отношении формирования местного состава специалистов, в том числе для проведения научно-исследовательских, землеотводных, гидротехнических работ. С его точки зрения, глава министерства А.С. Ермолов, несмотря на многочисленные речи, отчеты, записки, пожелания, не смог реализовать ни одной существенной идеи «для поднятия сельскохозяйственного умения народа» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 423). В частности, Куломзин невысоко оценивал попытку развития сельскохозяйственного образования путем реорганизации высших и открытия ряда низших учебных заведений. Хотя на дело были ассигнованы значительные кредиты, не удалось наладить массовую подготовку специалистов (в том числе, для переселенческого дела) и серьезно поднять уровень сельскохозяйственной грамотности населения. Тем не менее, Куломзин высоко отзывался о работе отдельных представителей министерства в деле заселения Сибири.

Важнейшую роль в колонизационно-переселенческих планах КСЖД должен был играть поиск пригодных для водворения земель. С этой целью Подготовительная комиссия через МЗиГИ командировала на места землеустроительных чинов. Исследователем экономи-

ческого быта государственных крестьян и инородцев С.П. Каффкой было обнаружено более 900 тыс. десятин удобных земель в северной части Тарского уезда (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 568). По заказу КСЖД и Департамента земельных имуществ МЗиГИ с 1896 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях началось исследование кочевого и переселенческого хозяйства. Организация и выполнение работ были поручены главе статистического бюро воронежского земства Ф.А. Щербине. В период земской работы он составил детальную программу бюджетных опросов крестьянских семей, которая в доработанном виде была использована для исследования Степного края (Носкова Ю.А. Организация статистического исследования степных областей Казахстана экспедицией Ф.А. Щербины (1896–1903) // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Вып. 2. М., 2001. С. 96–97). Промежуточные результаты экспедиции Щербины привлекались в качестве экспертной оценки на высшем уровне. На заседании Подготовительной комиссии по вопросу о подготовке земельного фонда для переселенцев в 1899 г. необходимость активного заселения Степного края подтверждалась позицией Щербины, констатировавшего широкое распространение в Степном крае аренды земель кочевого населения переселенцами, что приводило к подъему материального благосостояния казахов, заимствовавших «привычку к посеву хлебов» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 776). К 1901 г. экспедиция выявила более 2,3 млн десятин удобных для переселения земель (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 835).

После первой поездки по Сибири в 1896 г. Куломзин возглавил работу междуправительственной комиссии в Забайкальской области для размежевания земель между крестьянским, казачьим и бурятским населением. Не ограничиваясь этими задачами, он решил выяснить возможность выделения земель под крестьянское заселение, для чего было принято решение организовать экспедицию. По рекомендации Куломзина ее начальником был назначен В.Ю. Григорьев, известный по статистическому обследованию крестьянских хозяйств Енисейской губернии в начале 1890-х гг. В состав вошел ряд лиц, находившихся под негласным надзором полиции: этнограф и археолог Д.А. Клеменц, статистик, этнограф и юрист М.А. Кроль, а также Д.М. Головачев, руководивший в 1892 г. работой санитарного переселенческого отряда в Томске и составивший программу изучения условий проживания местного населения и переселенцев в Горном Алтае (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 676; Васильева Т.Г. История обществен-

ных научных организаций Забайкалья и проблемы гражданского общества // Гуманитарный вектор. 2009. № 2. С. 91). Куломзин писал о том, что вынужден был отказаться от привлечения к делу многих опытных статистиков, находившихся под постоянным наблюдением полиции, однако сумел договориться о снятии надзора с Клеменца, Кроля и Головачева, доказавших в ходе работы комиссии свой профессионализм. Последнему Куломзин поручил землеустройство населения Забайкальской области, положительно оценив его «тактичность» при ведении дела (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 728–729).

В 1890-х – начале 1900-х гг. ряд исследований для МЗиГИ и Подготовительной комиссии выполнил А.А. Кауфман, зарекомендовавший себя при проведении работ по описанию хозяйственного быта крестьян в уездах Тобольской и Томской губерний в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Подготовительная комиссия часто командировала его для исследования колонизационного фонда в различных местностях (Тургайская, Уральская, Акмолинская области), как человека, по свидетельству Куломзина, умевшего «отыскивать свободные земли там, где местное начальство отрицало их существование» (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 833). В 1900 г. при получении информации о недостатке пригодных для заселения земель в Южно-Уссурийском крае председатель Подготовительной комиссии рекомендовал министру земледелия Ермолову командировать Кауфмана, считая, что он сможет не только обнаружить новые переселенческие районы, но также «внушить большее усердие землеотводным чинам» и наладить взаимодействие между центром, местной администрацией и казачьими учреждениями на Дальнем Востоке (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 823). После прибытия на место в 1901 г. Кауфман провел исследование переселенческих хозяйств в Приамурье и Приморье, в ходе которых сделал важные выводы о вреде занятия значительной части плодородной земли казаками и о преимуществе способа обработки земли китайцами по сравнению с переселенцами.

Работы по предварительному исследованию земель и образованию переселенческих участков велись землеотводными партиями МЗиГИ. Подготовительная комиссия по мере необходимости изменяла число партий, расширяла и корректировала их деятельность. После принятия в 1893 г. правил о порядке образования и заселения переселенческих участков к «немногочисленным межевым чинам» западносибирского переселенческого отряда добавились специальные землеотводные партии в Акмолинской области и восточносибирских

губерниях (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 435; Очерк работ по заготовлению переселенческих участков, 1893–1899. СПб., 1900. С. 25). Куломзин объяснял необходимость не только дальнейшего увеличения штата межевых чинов, но и их подчинения напрямую МЗиГИ на примере Амурской области: отводом участков там руководила местная администрация, что сильно тормозило дело (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 526). В 1899 г. в связи с исчерпанием запаса свободных участков чины землеотводных партий были переброшены с рекогносцировочных работ на образование переселенческих участков (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 775). Тогда же в связи с постепенной унификацией переселенческого законодательства на Дальнем Востоке были образованы партии для отвода переселенческих участков в Уссурийском крае (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 799). В 1902 г. Подготовительная комиссия, обратив внимание на формальный подход к определению пригодности участков для заселения многими комиссиями из землеотводных чинов и крестьянских начальников, потребовала жесткого соблюдения правила о личном осмотре чинами земель и предложила материально поощрять наиболее деятельных работников переселенческих партий (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 866).

Постоянным участником Подготовительной комиссии по гидротехническим делам являлся «фанатически преданный делу регулирования водных источников на пользу земледелия» геодезист, генерал И.И. Жилинский, спроектировавший и успешно осуществивший работы по осушению болот Полесья (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 429, 525). В 1894 г. председатель Подготовительной комиссии поручил ему составить план осушения Барабинских болот и общего гидротехнического обследования степных областей (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 525). С первым поручением Жилинский справился успешно: во второй половине 1890-х – начале 1900-х гг. при его непосредственном руководстве была устроена сеть каналов для осушения Барабы под переселенческие нужды, охватившая более 300 тыс. десятин земли (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 823, 854). С меньшим успехом велся поиск питьевой воды в Акмолинской степи, однако Куломзин признавал, что главной причиной медленного хода дела являлось недостаточное финансирование как научных, так и практических мероприятий КСЖД. Тем не менее, благодаря его активной деятельности в течение 6 лет было выкопано 1199 колодцев в степных местностях, а также началось устройство сложных водосборных сооружений (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 603, 647, 777, 853). Убедившись к этому вре-

мени, что большинство крестьян готово самостоятельно заниматься водоснабжением участков, Подготовительная комиссия приняла решение о постепенном сужении задач экспедиции Жилинского (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 824). Для согласования гидротехнической и межевой деятельности в 1902 г. часть его работников была переведена в состав землеотводных партий (Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 854).

В период действия КСЖД процесс формирования местного переселенческого персонала протекал достаточно медленно и не был завершен. Наиболее успешно действовал путевой штат: предоставление широких полномочий и значительных финансовых ресурсов позволило чиновникам особых поручений наладить врачебно-продовольственную помощь и организовать сеть сельскохозяйственных складов. Отчеты, статистические данные и предложения чиновников учитывались Подготовительной комиссией при принятии решений по переселенческому делу. Учреждение должности заведующего по линии Сибирской железной дороги позволило улучшить координирование многочисленного штата на местном уровне. В деле водворения и хозяйственной помощи переселенцам инициатива Куломзина по созданию специальных переселенческих чиновников не была поддержана МВД. Соответствующие функции были переданы крестьянским начальникам. Удачно подобранный первоначальный состав справлялся со своими обязанностями, однако со второй половины 1890-х гг. при расширении переселенческого движения начинают нарастать негативные моменты, например, увеличился объем бюрократической переписки, ухудшилось качество работ. В качестве временного решения несколько раз увеличивалось число крестьянских начальников, однако в начале 1900-х гг. МВД частично реализовало идею Куломзина, направив в местности с преобладанием переселенцев специальных переселенческих чиновников. Штат МЗиГИ по переселенческому делу на местах был представлен как участниками партий (исследовательских, землеотводных и гидротехнических), так и отдельными лицами, командированными с особыми заданиями. Подобные деятели занимались сбором информации о пригодных для заселения территориях и руководили общим ходом статистических и гидротехнических работ. Территория действия землеотводных партий постепенно расширялась. Подготовительная комиссия при необходимости принимала решения о переброске межевых чинов с одних работ на другие. Ближе к концу существования КСЖД началось согласование деятельности землеотводных и гидротехнических чинов.

Ряд личностных характеристик, представленных в мемуарах Куломзина, раскрывает его видение местного персонала. С точки зрения председателя Подготовительной комиссии такие качества, как ответственность, инициативность, трудолюбие, компетентность были необходимы при реализации переселенческих мероприятий местными чиновниками. Соответствовавшие данным требованиям работники пользовались особым доверием Подготовительной комиссии, получали широкие полномочия, их рекомендации становились основой для принятия решений по переселенческому делу на высшем уровне.

***Местные подотделы Западно-Сибирского отдела
Русского географического общества
в дореволюционный период:
история создания и деятельности****

Созданный в 1877 г. в Омске Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (ЗСОРГО) ставил своей целью изучение Западной Сибири и «сопредельных стран Средней Азии и Западного Китая в отношениях: собственно географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археологическом». После образования в 1882 г. с центром в Омске Степного генерал-губернаторства (широко распространенное неофициальное название – Степной край), в состав которого входили Акмолинская, Семипалатинская и некоторое время также Семиреченская области, исследовательская работа на территории не только Западной Сибири, но и казахской степи становится одним из приоритетных направлений деятельности ЗСОРГО. Члены отдела совершили немало поездок и путешествий по малоизученным местам Западной Сибири и Степного края, в ходе их они собрали обширный экспедиционный материал, их перу принадлежит значительное число работ по истории и этнографии, фауне и флоре, хозяйственной жизни населения зауральской окраины России. Важное значение члены ЗСОРГО придавали также постановке музейного дела и организации выставок. Вместе с омскими исследователями свою роль в изучении родного края сыграли местные подотделы ЗСОРГО – Алтайский (г. Барнаул) и Семипалатинский.

Возникшему в 1902 г. в Барнауле Алтайскому подотделу Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (ЗСОРГО) предшествовала деятельность «Общества любителей исследования Алтая», которое заявило о своем существовании в 1891 г. В начале 90-х гг. XIX в. Барнаул числился уездным центром Томской губернии с населением 23 тысячи человек. Хотя 68 % местных жителей

---

* Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-11-55007.

были в это время неграмотными, здесь имелась прослойка лиц с высшим (84 человека) и средним образованием (299 человек). В городе функционировали горное училище (в 1897 г. преобразовано в реальное), духовное училище, женская прогимназия и несколько других учебных заведений (Барнаул. Летопись города. Ч. 1. Барнаул, 1994. С. 88, 96, 98). Поскольку Алтай являлся крупным центром горной промышленности, в Барнауле работали ряд талантливых инженеров, которые наряду со своей профессиональной деятельностью занимались также исследованиями в сфере горного дела. Возросший во второй половине XIX в. поток переселенческого движения на Алтай повлек увеличение численности населения региона с 432 тысяч человек в 1862 г. до 1 млн 326 тысяч в 1897 г. (Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 136) и способствовал ускорению социально-экономического развития края. Как следствие, наряду с исследованием различных аспектов горного дела усилилась потребность в широком и всестороннем изучении Алтая.

9 ноября 1891 г. в Барнауле по инициативе политехсильного С.П. Швецова состоялось организационное собрание местных краеведов, на котором присутствовали 32 человека. Участники собрания поддержали предложение о создании «Общества любителей исследования Алтая» и избрали председателем этой организации начальника горного округа Н.И. Журина, а его заместителем – врача Ф. Е. Засса (Барнаул. Летопись города. Ч. 1. С. 91). Возникшее общество активно включилось в работу по изучению природы, населения, хозяйственной и культурной жизни Алтая. В 1892 г. обществом была напечатана и разослана заинтересованным лицам «Программа для собирания сведений о природе и населении Алтая», что позволило упорядочить краеведческие изыскания по указанным вопросам, придать им большую результативность (Алтай в эпоху капитализма. Барнаул. 1986. С. 226). В 1894 г. силами «Общества любителей исследования Алтая» проведено обследование 114 начальных школ региона, а А.Н. Недзвецким одновременно была проделана работа по обследованию школ города Барнаула по более широкой программе. Результаты обследований затем обработала Е.П. Рылова и они были опубликованы в 1898 г. в одном из местных изданий (Барнаул. Летопись города. Ч. 1. С. 94). В марте 1895 г. «Общество любителей исследования Алтая» участвовало в проведении однодневной переписи населения Барнаула. В последующие годы краеведческое общество занималось изучением быта переселенцев и так называемых «инородцев», организовывало чте-

ние популярных лекций для населения, содействовало публикации статей своих членов по различным проблемам Алтая в научных сборниках и журналах (Очерки истории Алтайского края. С. 232–233).

Важным начинанием «Общества любителей исследования Алтая» в сфере публикаторской деятельности стало, в частности, издание «Алтайских сборников». В связи с тем, что общество не располагало необходимыми денежными средствами для издания первого выпуска «Алтайского сборника», ему пришлось прибегнуть к подписке. Это затянуло публикацию первого выпуска на два года. Тем не менее, в 1894 г. первый выпуск «Алтайского сборника» был опубликован. В сборник вошли статьи Н.М. Зобнина «Приписные крестьяне на Алтае», Н.И. Наумова «Сарбыска», А.А. Кауфмана «Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа», Г.Н. Майера «Алтайские серебряные рудники», И.И. Казаринова «Холерная эпидемия 1892 г. в Сузуне», Ф.Е. Засса «Список растений, собранных в Алтайском округе с 1875 по 1893 г.», а также ряд других материалов, связанных с изучением Алтая (Базылева Е.А. Фрагменты истории освоения Сибири на страницах изданий Императорского Русского географического общества // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2009. С. 294–295).

Уже в начальный период существования «Общество любителей исследования Алтая» пыталось согласовывать свою деятельность с Русским географическим обществом и его Западно-Сибирским отделом, но это удавалось далеко не всегда. Исследовательская и просветительская работа краеведческого общества в Барнауле тормозилась и рядом других факторов. Если ЗСОРГО в Омске имел право на получение субсидий от казны, а также пользовался возможностью бесплатной пересылки почтовых отправок, то «Общество любителей исследования Алтая» могло полагаться только на свои, весьма ограниченные материальные ресурсы (Историческая энциклопедия Сибири. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 801; Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 216–222). Все это со временем побудило членов барнаульского общества решиться на присоединение к ЗСОРГО на правах подотдела. Инициативной группой был подготовлен проект устава Алтайского подотдела ЗСОРГО, согласно которому для управления его делами создавался Совет, состоящий из председателя, заместителя председателя и

четырёх членов. Совет, как указывалось в проекте устава, «имеет распорядительную власть в пределах финансовой схемы, заведует делопроизводством и библиотекой, хранением коллекций, материалов и сумм, поступающих в подотдел, созывает общие собрания, назначает дни очередных заседаний и научных бесед, рассматривает и намечает к печатанию статьи и представляет их список на утверждение общему собранию» (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 150. Л. 12).

Проект устава определял и цель учреждения Алтайского подотдела, которая заключалась в следующем: «а) собирать материалы для всестороннего изучения Алтайского округа и сопредельных с ним мест...; б) по мере возможности обрабатывать собранные материалы и распространять их...; в) заботиться о поддержании в местном обществе интереса к исследованию Алтайского округа» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 150. Л. 9). Для достижения поставленной цели, как отмечалось в проекте устава, Алтайский подотдел «а) собирает сведения и материалы чрез своих членов, а также обращается с просьбою о содействии в этом к посторонним частным лицам и учреждениям...; б) содействует организации экскурсий и предпринимает их на свой счет, устраивает выставки коллекций, содействует своими указаниями, пособиями и в случае нужды ходатайствами частным лицам, желающими принять участие в трудах общества...; в) устраивает заседания, в которых обсуждаются поступающие сообщения по предметам занятий подотдела...; г) организует ученую переписку..., по мере накопления материала печатает его в собственном издании или помещает в трудах других обществ...» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 150. Л. 9).

После решения организационных вопросов согласие со стороны Русского географического общества на создание на базе «Общества любителей исследования Алтая» подотдела ЗСОРГО в Барнауле было получено. Алтайский подотдел был открыт 6 марта 1902 г. Учрежденная в Барнауле краеведческая организация стала пользоваться правом на бесплатную почтовую переписку и ежегодную субсидию в сумме 500 руб. (Барнаул. Летопись города. Ч. 1. С. 106–107). Последнее обстоятельство дало возможность Алтайскому подотделу получить дополнительное финансирование и значительно расширить исследовательскую работу. В частности, начиная с 1902 г. заметно оживилась экспедиционная деятельность подотдела. Так, в 1902 г. Алтайским подотделом было выдано пособие члену Совета подотдела В.И. Верещагину на экскурсионную поездку в долину реки Ча-

рыш для ботанических исследований. В 1903 г. Алтайский подотдел оказал финансовое содействие в организации экспедиции члену подотдела Н.С. Гуляеву и приват-доценту Томского университета, известному знатоку флоры П.Н. Крылову. При составлении маршрута этой экспедиции Совет подотдела отобрал территории, предназначенные для исследования, руководствуясь следующими соображениями: 1) разнообразие растительного и животного мира; 2) относительная нетронутость территории; 3) уникальность природных объектов; 4) база для проведения познавательных экскурсий (Катрушенко А.Е. Деятельность Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в организации научно-исследовательских экскурсий на юге Западной Сибири // Научно-методический журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 1211–1215. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53245.htm>). Благодаря финансовой поддержке Алтайского подотдела ЗСОРГО ряд экспедиций в Кулундинскую степь совершил после 1902 г. орнитолог А.П. Велижанин. Достаточно результативными являлись экспедиции под руководством энтомолога Е. Г. Родда, которые были проведены в Горном Алтае, Усть-Коксе, окрестностях города Барнаула, некоторых других местах (Там же).

Алтайский подотдел ЗСОРГО предпринимал усилия, чтобы координировать исследовательскую работу и с теми лицами, которые проводили научные экспедиции в регионе самостоятельно, без согласования с Советом подотдела. Показательно в этой связи обращение Алтайского подотдела к Г.Д. Гребенщикову, который принял летом 1910 г. путешествие по Алтаю на территории Убинского края. «Совету Алтайского подотдела, – говорилось в письме на имя Г.Д. Гребенщикова, – известно, что вами летом сего года предпринято путешествие в Алтай по Уби... Не признаете ли удобным и возможным составить доклад о результатах поездки в Убинский край, каковой материал и представить Алтайскому подотделу для сообщения на одном из очередных общих собраний его членов» (История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. С. 322).

Желание Алтайского подотдела ЗСОРГО привлечь к участию в деятельности краеведческой организации в Барнауле Г.Д. Гребенщикова было далеко не случайным. Г.Д. Гребенщиков к этому времени был уже известен в Сибири не только как писатель, но и любитель путешествий. Еще в 1905 г. в газете «Семипалатинский листок» появились его первые публикации: очерки, зарисовки, стихи, кор-

респонденции. Из газетных публикаций Г.Д. Гребенщиковым была составлена книга «Отголоски сибирских окраин: Рассказы первые», вышедшая в 1906 г. в Семипалатинске. В 1907 г. он служил на золотых приисках в Усть-Каменогорске, где написал пьесу «Сын народа». Пьеса была поставлена в 1908 г. в Усть-Каменогорске, затем она шла в театрах Омска, Томска и Семипалатинска (Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000. С. 210).

После успеха пьесы «Сын народа» Г.Д. Гребенщиков жил исключительно литературным трудом, печатаясь в различных газетах. Осенью 1909 г. был приглашен в Томск на работу в редакцию журнала «Молодая Сибирь», здесь познакомился с Г.Н. Потаниным и стал разделять его областнические воззрения. В это же время он увлекся этнографией и 1909–1910 гг. провел в поездках по Алтаю. По итогам своих поездок Г.Д. Гребенщиков выступил с докладами и лекциями в Томске и Санкт-Петербурге. Кроме того, откликнувшись на обращение Алтайского подотдела ЗСОРГО, он подготовил историко-этнографический очерк «Река Уба и убинские люди», который затем был опубликован в Барнауле (Там же).

Особенно значимую роль в организации Алтайского подотдела ЗСОРГО и в определении направления его исследовательской деятельности сыграл ссыльный народник С.П. Швецов. Находясь в Барнауле, он работал в статистическом бюро Алтайского округа и провел целый ряд статистических обследований переселенческих поселков, крестьянской общины, населения, промышленности и торговли Барнаула (Очерки истории Алтайского края. С. 233). В своих воспоминаниях, касаясь пребывания на Алтае, С.П. Швецов писал: «В Барнауле, в то время административном центре богатейшего Алтайского округа, я получил возможность работать в земельном архиве управления округа, где были сосредоточены дела по земельным вопросам XVIII столетия. К моим услугам оказался богатейший архивный материал по алтайской земельной и податной общинам. Проработав в архиве около двух лет, я собрал обширный фактический материал по истории общины, часть которого мною была обработана в двух монографиях, напечатанных в изданиях юридического общества при Московском университете: «Формы общинного владения на Алтае» и «Формы общинного землепользования на Алтае». От архивных изысканий я перешел к непосредственному изучению крестьянской общины – податной и земельной – и общины туземных племен, населяющих Алтай. В общей сложности мои работы по исследованию

народной жизни на Алтае охватывают семнадцать лет (1888–1905 гг.). В этот период мною была исследована община – земельная и податная – в Томском округе и у туземцев в горах Алтая. В первом случае была исследована община оседлого населения – русского крестьянства, татар и обрусевших телеутов; во втором – кочевников Алтая: алтайцев, теленгитов, черневых татар, телеутов, шорцов и кумандинцев» (цит. по: История Алтая в документах и материалах... С. 320–321).

Наряду со С. П. Швецовым много сделал для организации и плодотворной работы «Общества любителей исследования Алтая», а затем и Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества ботаник и краевед В.И. Верещагин. Он родился в 1871 г., окончил Петербургский университет. С 1899 г. стал заниматься педагогической деятельностью в Барнауле, сочетая свои профессиональные обязанности с краеведческой работой. В.И. Верещагин известен как организатор ботанического отдела музея в Барнауле и участник 15 поездок по различным районам Алтая. Результаты этих поездок нашли отражение в его публикациях, в частности, таких как «По Восточному Алтаю», «От Барнаула до Монголии», «Поездка по Алтаю в 1908 г.», «По Катунским белкам» и ряде других (Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Сибкрайиздат, б. г. Стб. 88, 458).

Материалы экспедиций, статистических обследований и архивных изысканий служили в дальнейшем основой для подготовки научных докладов и статей также и другими членами Алтайского подотдела ЗСОРГО. Научные доклады и сообщения по тематике были достаточно разнообразны. Назовем лишь некоторые из них: «Костеносные пещеры в долине реки Чарыш», «О минеральных ключах в деревне Новой Белокурихе», «Естественно-исторические очерки Южной Сибири», «Кулундинская степь», «Южная часть реки Лебедь и ее население» и т. п. (Катрушенко А.Е. Указ. соч. С. 1211–1215). Важно отметить, что среди слушателей докладов и сообщений были не только члены Алтайского подотдела ЗСОРГО, но и жители Барнаула, интересовавшиеся теми или иными проблемами истории, природы и хозяйственной жизни родного края.

Заслугой Алтайского подотдела ЗСОРГО явилось его стремление продолжить издание «Алтайских сборников». Если первый, второй и третий выпуски «Алтайских сборников» издавались «Обществом любителей исследования Алтая», то четвертый и последующие выпуски, а всего их было опубликовано 11 (Очерки истории

Алтайского края. С. 233), выходили как печатный орган Алтайского подотдела ЗСОРГО. На страницах «Алтайских сборников» публиковались труды как членов подотдела, так и сотрудничавших с ним лиц. Так, на страницах «Алтайского сборника» в выпуске за 1907 г. увидели свет работы И.И. Тыжнова «Из истории горнозаводского населения на Алтае» и Н.М. Трегубова «Сибирское переселенческое селение Чистюнька Барнаульского уезда Барнаульской волости». В 1910 г. в этом издании были напечатаны труды П.П. Пилипенко «Алтайский метеорит в 1904 году» и А. Выдрина «Список высот некоторых пунктов Кузнецкого уезда по барометрическим наблюдениям 1908–1909 годов», а в выпуске за 1912 г. помещена публикация Г.Д. Гребенщикова «Река Уба и убинские люди», в которой освещены результаты исследования автором старообрядчества во время поездок на Алтай (Базылева Е.А. Указ. соч. С. 295–296; Катрушенко А.Е. Указ. соч. С. 1211–1215). Укажем, что здесь названы лишь некоторые из трудов, опубликованных в этих и других выпусках.

Экспедиционная деятельность Алтайского подотдела позволила его членам собрать большие коллекции по минералогии, фауне и флоре, археологии и этнографии родного края. Чтобы разместить коллекции и обеспечить возможность знакомства с ними всех желающих, подотдел предпринимал попытки найти более или менее подходящее для этой цели помещение. В декабре 1910 г. Совет подотдела обратился с ходатайством к начальнику Алтайского округа о передаче в пользование краеведческой организации одного из принадлежащих округу зданий в Барнауле. «Алтайский подотдел Географического общества, – указывалось в обращении, – узнав об имевшемся в управлении округа предположении передать Кабинетскую библиотеку и Горный музей одному из высших учебных заведений, ходатайствует перед Вашим превосходительством о передаче библиотеки и музея подотделу с тем, чтобы округ уступил для них одно из своих зданий. В этом же здании подотдел надеется поместить свои музей и библиотеку, которые в настоящее время занимают часть лаборатории. Ввиду того, что лабораторию предположено перевести в другое помещение, подотдел ходатайствует о переделке занимаемого лабораторией здания для музея и библиотеки... Если уступка подотделу здания лаборатории не могла бы состояться, подотдел ходатайствует о передаче библиотеки и Горного музея вместе с заводским зданием. Тогда библиотека и музей остались бы на своих местах, а подотдел мог бы поместиться в свободных верхних комнатах. Ввиду

того, что здание это расположено в непосредственном соседстве с двигательной силой пруда, может заниматься библиотекой и музеем лишь временно, расход на капитальный ремонт его не исчислялся» (История Алтая в документах и материалах... С. 322–323). В 1913 г. состоялось решение чиновников Кабинета о передаче подотделу ЗСОРГО в Барнауле здания бывшей лаборатории Алтайского округа, в котором в 1915 г. был открыт музей (Очерки истории Алтайского края. С. 233).

Количество членов Алтайского подотдела ЗСОРГО в разные годы колебалось от 42 до 107 (Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Сибкрайиздат, б.г. Стб. 88). Актив подотдела составляли лица, участвовавшие в проведении экспедиций, чтении научных докладов и просветительской деятельности. Конечно, далеко не все, что намечал Алтайский подотдел было выполнено. Зачастую решению поставленных задач мешали финансовые проблемы. Дело в том, что пособие от казны подотдел в Барнауле в отдельные годы, особенно в период первой мировой войны, получал с большим запозданием, а частные пожертвования поступали эпизодически. В конце 1914 г., например, Алтайский подотдел после долгого ожидания обратился с просьбой в правление ЗСОРГО прислать причитающуюся ему субсидию за текущий год (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 181. Л. 5). При всех имевшихся проблемах, подотдел ЗСОРГО в Барнауле тем не менее, безусловно, играл в начале XX в. важную роль в научном исследовании Алтая и просветительской работе среди местного населения.

Наряду с Барнаулом в составе ЗСОРГО, в том же 1902 г., был открыт подотдел в Семипалатинске. Город Семипалатинск являлся административным центром одноименной области, входившей в состав Степного генерал-губернаторства. В конце XIX – начале XX вв. Семипалатинская область включала в себя Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Каркаралинский и Зайсанский уезды (Степное положение Высочайше утвержденное 25 марта 1891 года об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, с приложением извлечения из положения об управлении Туркестанским краем. Омск, 1895. С. 1). Характерной особенностью этой области являлось ее территориально-хозяйственное устройство, в котором преобладал скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и превосходство кочевого населения. Кочевое население представляли казахи, оседлое же население – горожане, казаки и крестьяне – по национальному составу было преиму-

щественно русское (Буктугутова Р.С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. Кокшетау, 2006. С. 4–5). По данной Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., из общей численности населения Семипалатинской области в 684 тыс. человек на долю казахов приходилось 90,6 % (Абилов К.Ж. История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Караганда, 2005. С. 29; Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.). Караганда, 2007. С. 28).

Сам Семипалатинск, хотя и являлся в области первым по численности населения в ряду других городов, был сравнительно небольшим по количеству жителей. В конце XIX в. в нем проживало немногим более 20 тыс. человек (Козина В.В. Указ. соч. С. 27). Вместе с тем, поскольку Семипалатинск был областным центром, здесь находился ряд административных учреждений, а также учебных и просветительских заведений (История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Алматы, 2000. С. 524, 560). Как следствие, в городе имелся определенный круг образованных людей, в среде которых с течением времени стала проявлять себя группа любителей родного края, возглавляемая Н.Я. Коншиным. Значительная удаленность этого города от Омска, что затрудняло возможность участия местных краеведов в собраниях и заседаниях Западно-Сибирского отдела, необходимость более тесной увязки исследовательской работы с нуждами и потребностями своего региона побудили членов географического общества, проживавших в Семипалатинске, поставить вопрос об открытии здесь подотдела ЗСОРГО. В мае 1898 г. по поручению инициативной группы губернатор Семипалатинской области А.Ф. Карпов возбудил ходатайство об этом перед руководством Русского географического общества. Излагая свои аргументы в поддержку открытия в Семипалатинске подотдела ЗСОРГО, он писал: «Лежащая вдали от всяких культурных центров Семипалатинская область занимает громадное пространство около 450 тыс. кв. верст, с большим разнообразием природных условий и не менее разнообразным составом населения. Как природные условия области, так и жизнь ее населения, особенно инородческой его группы (киргизы и татары) в настоящее время изучены крайне мало. А между тем это знание, помимо высокого научного интереса, было бы особенно ценно теперь, когда наша окраина, судя по многим признакам, переходит в новый момент жизни, и в виду этого возникает ряд вопросов,

требующих очень осторожного решения. Для примера можно указать на вопрос о переходе киргизов в оседлое состояние, на тесно связанный с ним вопрос о присоединении области к земледельческой культуре и проч., и проч.» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 18). В ходатайстве губернатора А.Ф. Карпова был назван ряд факторов, способствующих открытию в Семипалатинске подотдела ЗСОРГО. В городе, по его мнению, имелось большое число желающих (около 50 человек) стать членами географического общества, и по инициативе любителей родного края уже проделана определенная работа по сбору этнографических и архивных материалов. «Но все это, – замечал А.Ф. Карпов, – по большей части были единичные усилия, которые не встречая должной поддержки, обрывались и задуманные работы не заканчивались» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 19).

Процесс согласования вопроса об открытии подотдела ЗСОРГО в Семипалатинске занял тем не менее несколько лет. Значительные сложности возникли из-за того, что требовалось найти помещение для размещения краеведческого общества и определиться с выделением ежегодных денежных субсидий, без чего подотдел не смог бы эффективно работать. Лишь после полученного в 1901 г. согласия распорядительного комитета ЗСОРГО назначить учреждаемому подотделу ежегодные субсидии в размере 500 руб. и заверения семипалатинского губернатора А.Ф. Карпова о том, что для проведения заседаний членов географического общества временно можно будет использовать здание городского общественного собрания у местных любителей краеведения появилась уверенность в воплощении их задумки в жизнь. Свою роль на положительное решение руководства Русского географического общества, безусловно, оказало также и обещание семипалатинского губернатора А.Ф. Карпова содействовать передаче в ведение подотдела областного музея, а для размещения библиотеки подотдела выделить помещение в здании статистического комитета (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 22, 51). Наконец, после согласования всех вопросов, разрешение со стороны Русского географического общества на создание в Семипалатинске подотдела ЗСОРГО было получено и на 31 марта 1902 г. была назначена официальная церемония его открытия. На состоявшемся в этот день собрании правителем дел распорядительного комитета Семипалатинского подотдела ЗСОРГО был избран секретарь областного статистического комитета Н.Я. Коншин (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 61). В связи с открытием подотдела в Семипалатинске в его адрес из Ом-

ска правлением ЗСОРГО была направлена телеграмма следующего содержания: «Западно-Сибирский отдел приветствует свой Семипалатинский подотдел в радостный день его открытия и вместе с поздравлением шлет ему горячие пожелания расти и преуспевать на пользу науки и просвещения родной страны» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 60).

Деятельность Семипалатинского подотдела определялась уставом Русского географического общества и «Положением о ЗСОРГО» и имела следующие направления: 1) исследовательская работа; 2) лекционная деятельность; 3) издание научных трудов; 4) организация собственной библиотеки; 5) музейное дело; 6) метеорологические наблюдения (Казбекова Н.А. Научная и культурно-просветительская деятельность отделов Императорского Русского географического общества на территории Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Карагандинского университета. 2007. № 4 (48). Серия: история, философия, право. С. 21). В первые годы существования Семипалатинского подотдела ЗСОРГО его распорядительный комитет основное внимание уделял привлечению новых членов в ряды краеведческого общества, а также организации работы библиотеки и музея. На 1 января 1904 г. в состав подотдела входило уже более 100 членов. При нем функционировал музей, который был открыт для бесплатного посещения с 12 до 2 часов дня. В среднем ежедневно музей посещали около 20 человек. Была проделана определенная работа и по налаживанию библиотечного дела. С этой целью по инициативе распорядительного комитета был составлен подробный систематический каталог, что заметно облегчило для читателей пользование имевшимися в библиотеке книжными и журнальными изданиями. Кроме того, распорядительный комитет приступил к выпуску своего печатного органа – «Записок Семипалатинского подотдела ЗСОРГО» (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 96. Л. 107–108).

Руководящую роль в деятельности Семипалатинского подотдела ЗСОРГО наряду с Н.Я. Коншиным в разное время играли также Н.Ф. Ницкевич (председатель распорядительного комитета), В.К. фон Герн (заместитель председателя), П.В. Арефьев (казначей), И.Ф. Ремезов, Н.Я. Дегтярев, О.Б. Герасимов, Н.И. Лукьянович, ряд других сотрудников (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 96. Л. 107–108). Все они, как и большинство членов этого краеведческого общества, являлись чиновниками или лицами интеллигентских профессий. В работе Семипалатинского подотдела участвовали и представители казахской на-

циональной интеллигенции. В их числе можно назвать А.С. Аблайлакова, Я.А. Акпаева, Р.М. Ельнибаева, И.Т. Тарабаева и Н.К. Кульджанова (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 181. Л. 11–14).

Семипалатинский подотдел работал наиболее активно в первое десятилетие своего существования, затем в его деятельности имел место известный спад, вызванный начавшейся первой мировой войной. Как следует из записки председателя распорядительного комитета Семипалатинского подотдела ЗСОРГО, относящейся к апрелю 1912 г., за истекший период с момента открытия краеведческого общества, подотделом было организовано более 10 научных экспедиций, издано 5 выпусков «Записок» и 3 выпуска каталогов библиотеки. На заседаниях подотдела его членами было прочитано также 46 научных докладов и общедоступных лекций (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 150. Л. 3). Прделанная Семипалатинским подотделом работа тем более впечатляет, если иметь ввиду, что распорядительный комитет располагал достаточно ограниченными денежными средствами. Ежегодный бюджет краеведческого общества был действительно невелик: он слагался из пособия от ЗСОРГО в размере 500 руб., пособия от местного общества попечения о начальном образовании на содержание музея в размере 120 руб. и небольших членских взносов (ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 96. Л. 108).

Примером бескорыстного служения науке для рядовых сотрудников Семипалатинского подотдела ЗСОРГО являлась деятельность правителя дел общества Николая Яковлевича Коншина и некоторых других членов распорядительного комитета. Н.Я. Коншин, бывший политссыльный, после окончания срока надзора, некоторое время жил в Омске, а затем обосновался в Семипалатинске, где и проходила его разносторонняя деятельность. Став одним из основателей местного подотдела ЗСОРГО и будучи загружен повседневными делами по его управлению, он находил возможности и для занятий научной работой. С 1904 г. активно участвовал в собирании коллекций и вел поисковую работу в архивах, неоднократно выступал с докладами на заседаниях краеведческого общества. В первом, втором и пятом выпусках «Записок» подотдела Н.Я. Коншин опубликовал свои исследования «Материалы для истории Степного края», «О памятниках старины в Семипалатинской области» и другие труды. Им было сделано 61 пожертвование в библиотеку и 52 – в музей подотдела. За свои научные исследования Н.Я. Коншин был награжден в 1911 г. серебряной медалью Русского географического общества (см. об этом

подробнее: Хазиахметов Э.Ш. Н.Я. Коншин – исследователь Степного края // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)*. Омск – Кокшетау, 2001. С. 139). В документальном очерке Л.Л. Дебоган, хранящемся в Государственном архиве Карагандинской области, справедливо отмечено, что «обретя в Сибири вторую родину, Николай Яковлевич увлеченно отдавался работе по изучению края, внося в нее колоссальный личный вклад» (Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1487. Оп. 1. Д. 98. Л. 31).

Одной из заслуг распорядительного комитета являлось его стремление привлекать в качестве докладчиков на собраниях и авторов в научных изданиях Семипалатинского подотдела представителей казахской интеллигенции. Так, в заседаниях подотдела активное участие принимал казахский писатель Ш. Кудабердиев. В научных изданиях краеведческого общества были напечатаны труды Ж. Акпаева и А. Букейханова. Важным событием для Семипалатинского подотдела стало научное собрание в 1914 г., посвященное памяти Абая (*История Казахстана с древнейших времен до наших дней*. Т. 3. С. 698–690). Казахская интеллигенция участвовала и в других мероприятиях, проводимых подотделом ЗСОРГО в Семипалатинске.

В целом, подводя итоги, следует сказать, что деятельность Семипалатинского подотдела ЗСОРГО оставила заметный след в исследовании Степного края, она, несомненно, содействовала развитию культурных связей между русским и казахским народами.

Боевая работа анархистов в Омске в годы первой российской революции

Российские анархисты подразделялись на различные направления: анархо-синдикалисты, анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, махаевцы, толстовцы и др. В Сибири первые организованные группы анархистов стали возникать на рубеже XIX–XX вв., например, на станции Тайга Томской губернии (1904 г.) и в Барнауле (1905 г.) (Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: в 2 ч. Ч. 1. (1909–1918). Омск, 1996. С. 81). Однако анархисты значительно уступали другим левым политическим силам – социал-демократам и социалистам-революционерам. В Западной Сибири в годы первой российской революции анархистские группы наблюдались в Омске, Томске и Колпашево. Для западносибирских анархистов характерным являлось направление анархо-коммунистов или хлебовольцев, выступавших за «безгосударственный коммунизм», который должен наступить революционным насильственным путём. Исключение представляла только барнаульская группа анархо-кооператоров-толстовцев (Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века... С. 93).

В своей революционной деятельности анархисты обращали основное внимание на так называемые «прямые действия» или боевую работу, в которой преобладали террористические акты и экспроприации. Агитационно-пропагандистской работе сибирские анархисты отводили второстепенное значение. Иногда они занимались пропагандистской работой в армии, но так как своих военных союзов у них не было, то часто действовали вместе с социалистами-революционерами. С последними их объединяло стремление к решительным действиям, таким как участие в вооружённых выступлениях, что часто имело место во время первой российской революции.

Практически весь 1905 г. в Западной Сибири прошёл под влиянием РСДРП и отчасти партии социалистов-революционеров (ПСР). Анархисты оказывали лишь эпизодическое влияние на развитие ре-

волюционного движения в крае. Только начиная с 1906 г., то есть в условиях отступления революции, для местных анархистов стало образовываться благоприятное поле деятельности. Неудачи революционного движения, усиление политической реакции и падение жизненного уровня толкнули часть политически активных трудящихся в их ряды.

Осенью 1906 г. образовалась группа анархистов в Омске, принадлежавшая к группировке анархо-коммунистов-хлебовольцев. Исследователь анархистского движения в Сибири А.А. Штырбул привёл ряд аргументов доказывающих, что состав омской группы сформировался из левоэкстремистского крыла местной организации ПСР. В частности, одним из руководителей группы анархистов стал бывший активный член омских социалистов-революционеров Е.Д. Ключев (Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века... С. 85–87).

Сферой деятельности данной группы стала пропагандистская и военно-боевая работа. В ноябре 1906 г. омские анархисты выпустили листовку под названием «Хлеба и Воли, Воли и Хлеба!». В листовке кратко разъяснялась программа деятельности анархистов, включающая в себя боевую работу, а конкретно экспроприации: «Нас анархистов, обвиняют в том, что мы экспроприируем частную собственность лично для себя – это злой вымысел, мы такие же социалисты и, экспроприируя у капиталистов, награбленные в течение целых веков у наших отцов и дедов желаем возвратить вам. Нас обвиняют в разбое и убийстве, но могут ли указать хоть один случай убийства, совершённый анархистами над людьми, так или иначе не приносящие вреда идее социализма» (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 478-а. Л. 185).

21 ноября 1906 г. в Атаманском хуторе Омского уезда полиция произвела обыск в квартире омского фотографа Н. Васильева и обнаружила вещественные доказательства принадлежности последнего к группе местных анархо-социалистов. При обыске были найдены типографский станок, 12 фунтов шрифта, набор прокламаций с заголовками «Хлеба и Воли, Воли и Хлеба», две пустые не начинённые шарообразные свинцовые бомбы, один снаряд без начинки, химические вещества обладающие взрывными свойствами. В руки полиции попала печать с изображением мёртвой головы и с надписью «Группа Анархо-социалистов – Омск». Было обнаружено письмо к владелице местного магазина госпоже Кох с «вымогательством

200 рублей». В письме содержалась угроза, что при отказе отдать деньги и обращении за содействием в полицию магазин будет разрушен бомбой, а его владелица лишена жизни. В найденной прокламации популярно излагались взгляды анархистов. Подчёркивалось значение анархизма как особой формы социализма, которая отрицает государство и проводит принцип коммуны-общины. Прокламация начиналась словами: «Товарищи рабочие, Нас, анархистов-коммунистов обвиняют в том, что мы ничто иное, как разбойники...» Далее объяснялось, что экспроприации имеют не личный интерес, а возвращение пролетариату отнятого у него капиталистами, убийства же совершаются анархистами не бесцельно, а лишь над людьми вредными для идей социализма (ГИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 329. Л. 2–5).

Обнаруженному снаряду давалось подробное описание. Указывалось, что его разрывная сила действует в радиусе 100 саженей (около 200 метров), и бросающему боевику остаётся мало шансов на сохранение жизни. Поэтому рекомендовалось бросать бомбу из экипажа с расстояния 5–10 саженей (10–20 метров). Сотрудниками полиции было сделано предположение, что анархистами намечался взрыв квартиры командира 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка в районе вокзала (в одной из найденных бумаг был изображён план квартиры). Бомба же, вероятно, предназначалась для взрыва поезда карательной экспедиции, курсировавшей по линии Западно-Сибирской железной дороги (ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 569. Л. 19–20).

К началу 1907 г. группа прекратила своё существование, но в городе продолжали действовать её остатки и отдельные сторонники анархизма, которые находились в рядах местной организации социалистов-революционеров (Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века... С. 87–88).

В общественном движении всегда активно проявляла себя учащаяся молодёжь. «Под влиянием идей революционных партий учащиеся нередко вставали на путь конфронтации с властями, в первую очередь с учебной администрацией. Воспитанники учебных заведений именно в своём начальстве и педагогах видели носителей окружающего их зла. Иногда эти проявления ненависти принимали крайние формы» (Ищенко О.В. Основные формы движения воспитанников учебных заведений Степного края в начальный период революции 1905–1907 гг. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции. Омск, 2007. С. 153).

В центрально-фельдшерской школе Омска 13 октября 1906 г. 65 учащихся подали протест, выдвинув ряд требований к учебной администрации. Через два дня решением педсовета 64 учащихся были исключены из школы (Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905–1907). Омск, 1957. С. 279). Ученическая группа в ответ приговорила к смерти директора школы В.М. Мариупольского. Теракт был осуществлён 25 октября 1906 г. во время большой перемены. Убийство совершил бывший учащийся этой школы Стручков, а помогал ему Г. Новохацкий, казнённый впоследствии за участие в многочисленных экспроприациях. Стручков был пойман, но сумел бежать из каторжной тюрьмы (ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 372. Л. 158). Оба террориста входили в группу местных анархистов-коммунистов. Имеются факты совместного участия омских анархистов с эсерами во время покушения на генерала Н.М. Литвина 15 декабря 1906 г. (ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 398. Л. 158).

Таким образом, анархисты в Омске стали организовываться в самом начале XX в., но реальную политическую силу стали набирать только в период отступления первой российской революции. «Развернуться» в плане боевой работы омским анархистам в этот период времени не удалось в силу их немногочисленности, поэтому их деятельность сводилась к отдельным экспроприациям и в ряде случаев к участиям в боевых операциях с социалистами-революционерами. В целом же, анархисты стояли особняком по отношению к революционным партиям и поэтому фактически не входили в состав левого блока.

Численность, состав и материальное положение секретных сотрудников политической полиции в Тобольской губернии (1906–1917 гг.)

Во все времена власть обращалась к услугам тайных помощников в деле борьбы с политическими противниками. До XX в. основными тайными методами работы органов политического сыска были наружное наблюдение и перлюстрация. С развитием массового революционного движения приобретает широкое использование секретная агентура. Такие сотрудники «приписывались» к жандармским управлениям и охранным отделениям. По материалам фондов Департамента полиции, Тобольского губернского жандармского управления (ГЖУ), Пермских охранного и районного охранного отделений, Иркутского районного охранного отделения, Томского охранного отделения и жандармско-полицейского управления Сибирской железной дороги нами выявлено 38 секретных сотрудников, действовавших в Тобольской губернии в 1906–1917 годах (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность секретных сотрудников политической полиции в Тобольской губернии (1906–1917)

	1906–1907	1908–1910	1911–1914	1914–1917
Тобольск	2	2	2	1
Тюмень	1	5	6	1
Курган	4	3	5	1
Туринск	–	1	2	–
Берёзово	–	1	–	–
Место не установлено	–	–	1	–
Всего	7	12	16	3

Почти все секретные сотрудники осуществляли свою деятельность в ключевых пунктах губернии: центре губернии, крупных железнодорожных станциях и местах водворения политических ссыльных. Один сотрудник сообщал сведения о лицах, содержащихся в То-

больской каторжной тюрьме. С началом Первой мировой войны многие лица из числа секретных сотрудников были призваны на фронт, что в известной степени осложнило работу органов политического сыска. Так, один из ценнейших сотрудников Тобольского ГЖУ П.П. Мартемьянов был призван в действующую армию и Февральскую революцию встретил на фронте.

Рассмотрим, на какие же противоправительственные организации было направлено внимание секретных сотрудников сыска (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Объекты наблюдения секретных сотрудников
политической полиции в Тобольской губернии (1906–1917)**

<i>Организации</i>	<i>Кол-во, чел.</i>	<i>% от общего числа в губернии</i>
РСДРП	12	36,4
ПСР	11	33,3
Прочие	10	30,3
Всего	33	100,0

Основное внимание жандармских учреждений было направлено на наблюдение за социал-демократическими и эсеровскими организациями в губернии. В графу «прочие» нами отнесены перлюстраторы и представители военных организаций.

Немалый интерес вызывают личности секретных сотрудников. Кто же они были по сословной принадлежности, роду занятий, возрасту, получаемому вознаграждению? Материалы жандармских управлений далеко не всегда полно отражали такую информацию о своих сотрудниках.

Сведения о сословном происхождении секретных сотрудников по Тобольской губернии были определены лишь у 4 чел. (трое крестьяне и один сын священника). В целом по Сибири сословная принадлежность была установлена у 157 секретных сотрудников, из них 83 (53 %) были из крестьян, 63 (40 %) из мещан, 11 (7 %) из дворян.

По роду занятий в период сотрудничества с охранкой из 11 установленных лиц 6 чел. являлись служащими, 2 – рабочими, 2 – политическими ссыльными, 1 – студентом. Это вполне соответствует общей картине по Сибири: из общего числа 280 сотрудников, о которых имеются подобные сведения, 58,9 % были служащими, 21,8 % – политическими ссыльными, 14,6 % – рабочими, 4,7 % – студентами.

Сведения о возрасте тайных помощников тобольских жандармов ещё более скудные. Нам удалось определить возраст лишь у двух лиц на момент начала их сотрудничества: почтальон «Сидоров» в возрасте 44 лет, занимавшийся перлюстрацией в Кургане, и 22-летняя уроженка Вятской губернии под кличкой «Лесной», дававшая сведения по социал-демократическим и эсеровским организациям Тюмени. В целом по Сибири распределение 56 секретных сотрудников по возрастным группам было таковым: 44,6 % – в возрасте 21–25 лет, 26,8 % – 26–30 лет, 14,3 % – 31–35 лет, по 3,6 % – моложе 20 лет и 36–40 лет, 5,4 % – 41–45 лет и 1,8 % – 46–50 лет.

В зависимости от характера оказываемых услуг секретные сотрудники подразделялись на следующие группы: сотрудники (25 чел.), вспомогательные сотрудники (5 чел.), «штучники» (1 чел.). К вспомогательным сотрудникам относили, как правило, почтовых служащих, занятых перлюстрацией, и лиц, не входивших в состав тех или иных подпольных организаций, но имевших тесные связи с их участниками. «Штучниками», или случайными заявителями, называли, получавших оплату разово за каждый отдельный факт информирования. Ещё у 5 чел. определить статус не удалось. От статуса «работника» и ценности сообщаемой им информации зависела и оплата его «труда» (см. табл. 3).

Таблица 3

**Вознаграждение секретным сотрудникам
за оказываемые услуги в Тобольской губернии (1906–1917)**

<i>Вознаграждение, руб.</i>	<i>Кол-во, чел.</i>	<i>%</i>
1–10	3	27,3
11–20	4	36,3
21–30	2	18,2
31–40	1	9,1
41–50	1	9,1
Всего	11	100,0

Наиболее высоко ценились тобольскими жандармами сотрудники С.И. Ушанский (он же «Георгий», «Беве», «Юрий»), получавший 40–45 руб. в месяц за информацию о деятельности курганских социал-демократов и сыльных поляках, и П.П. Мартемьянов (он же «Бывалый», «Сознательный»), зарабатывавший по 40 руб. в месяц за сведения о тюменской социал-демократической организации с авгу-

ста 1911 г. по октябрь 1914 г. По сведениям З.И. Перегудовой, высокооплачиваемых сотрудников в российских органах политического сыска было немного. Так, известный Роман Малиновский получал до 500 руб. в месяц. Но таких было не более трех десятков по стране. Еще около 50 чел. получали по 60–150 руб. (Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 198–199). Минимальную оплату в 10 и менее рублей получали лица, оказывавшие разовые услуги или выполнявшие отдельные поручения.

Секретные сотрудники вербовались из представителей членов местных ячеек политических партий, общественных организаций, участников рабочего и профессионального движения. Поэтому по своему возрасту, происхождению, роду занятий они в известной мере отражали и состав наблюдаемых ими групп. Численность осведомителей, их распределение по пунктам также соответствуют наличию подпольных организаций, концентрации рабочих, политических ссыльных. Особое же внимание уделялось крупным железнодорожным узлам — станциям Тюмень и Курган.

***Развитие идей интернационализма
в сибирской ссылке (историографические
и документальные источники)***

Сущность интернационализма как идейно-политической платформы заключалась в классовом сплочении пролетариата разных стран против империалистических войн. Поэтому неудивительно, что свое наибольшее развитие она получила в социал-демократических кругах периода Первой мировой войны. Данный процесс особенно остро протекал в России, где интернационалистская идеология разделялась на несколько направлений. Лучше всего в отечественной историографии изучены ленинские взгляды на мир, войну и революцию, благодаря в первую очередь трудам советских историков. Вместе с тем они не могли игнорировать и интернационалистские позиции меньшевиков, проявлявшиеся даже в самых отдаленных уголках страны. В частности, ученым советского времени было хорошо известно антивоенное воззвание социал-демократов Минусинска, выпущенное осенью 1916 г. По утверждению авторов солидного монографического труда, оно было написано Ф.И. Даном и И.Г. Церетели в целях поддержки платформы Ю.О. Мартова в отношении империалистической войны (Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций». Омск, 1980. С. 203). Однако данная трактовка вопроса представляется очень сомнительной. Во-первых, И.Г. Церетели в рассматриваемое время отбывал ссылку в Иркутской губернии, в силу чего не мог быть соавтором указанной листовки. Во-вторых, ее текст, составленный Ф.И. Даном, не мог отражать платформу Ю.О. Мартова, поскольку эти политики представляли разные направления меньшевиков-центристов. Конечно, нельзя не учитывать того факта, что оба они поддерживали лозунг «Мир во что бы то ни стало!». Механизм его заключения был разработан П.Б. Аксельродом и состоял в давлении пролетариата на партийные верхи с целью созыва специальной международной конференции для принятия решения об одновременном отзыве социалистов из правительств воюющих стран и отказе парламентских фракций от голосования за военные кредиты. Потеряв опору в социал-де-

мократии, империалисты Европы, по замыслам П.Б. Аксельрода, не смогли бы продолжать кровопролитие и вынуждены были бы заключить мир (Тютюкин С.В. Война, мир, революция. М., 1972. С. 117). Такова была позиция правого центра российской социал-демократии, которую пропагандировали в Сибири Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, С.Л. Вайнштейн и ряд других видных партийцев. Не был против такого развития событий и Ю.О. Мартов, но он при всем этом предпочитал более решительные меры борьбы с империалистической войной. Возглавляя левый центр меньшевиков-интернационалистов, Ю.О. Мартов призывал к мировой революции. Особенно отчетливо это прозвучало в письме «К российским товарищам» Заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП, членом которого являлся Юлий Осипович. Там содержались следующие призывы: «Пусть в России народ поднимется для того, чтобы взять судьбы своей страны в свои руки, чтобы дотла уничтожить оплот всемирной реакции – царизм, чтобы сбросить с себя иго дворянского землевладения, – и германские милитаристы почувствуют, что каждый дальнейший их шаг вглубь России начинает им грозить восстанием в тылу!» (Меньшевики: Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996. С. 387).

Эта позиция нашла наиболее яркое выражение на страницах русской эмигрантской газеты «Голос». Даже В.И. Ленин называл ее лучшим социалистическим изданием в Европе (Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 214). В свою очередь Ю.О. Мартов в докладе на совещании меньшевистских лидеров в Цюрихе заявлял, что его воззрения на войну в главных чертах совпадают с ленинскими (Ионичев Н.П. Российская социал-демократия против милитаризма и войны. М., 1990. С. 42). В статье «Русский марксизм и война» он констатировал: «Судя по некоторым признакам, у нас боятся, что, заняв непримиримую позицию, мы можем лить воду на мельницу ленинизма... Гораздо горшая опасность совпасть кое в чем существенном с нашими демократами марксистскообразными и народническими, идущими на поводу у кадетских руководителей общественного мнения» (Меньшевики... С. 367). Интересно, что даже агенты царской охраны прогнозировали слияние мартовцев с ленинцами (Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С. 265, 266). Однако этого не произошло, поскольку для первых из них был неприемлем тезис о поражении правительства

своей страны в мировой войне. По мнению Ю.О. Мартова, «неверно то положение, будто всякое поражение ведет к революции». «Можно признать, – размышлял он, – что и при победе создадутся условия, облегчающие общественный прогресс. Заранее учесть для России вероятные последствия победы и поражения невозможно» (Меньшевики... С. 366). Поэтому выдвижение соответствующего лозунга он считал бессмысленным.

Ю.О. Мартов и его единомышленники были также против открытых призывов к гражданской войне. Они полагали, что лозунг мира является «кровным братом» лозунга гражданской войны, а агитация социалистов за прекращение кровопролития уже сама по себе означала «призыв к восстанию в Германии, к перевороту во всех странах, где существует несправедливость и гнет» (Меньшевики... С. 366). Иначе говоря, если господствующие классы будут не в состоянии заставить народы истреблять друг друга, то они потеряют власть над трудящимися, к которым она и должна перейти.

Единомышленники Ю.О. Мартова искренне верили, что лозунг мира не только гуманнее, но и эффективнее призывов к гражданской войне, не понимая всю его иллюзорность. Однако во всех тонкостях данной платформы разбирались лишь руководители левого меньшевистского центра, а рядовые его представители нередко объединялись с большевиками, принимая их программные установки. Об этом наглядно свидетельствует контрвоззвание «Группы революционных социал-демократов» Минусинска на упомянутую декларацию Ф.И. Дана (Воззвание «Группы революционных социал-демократов» в Минусинске 1916 г. // Красная летопись. 1924. № 2. С. 213–215).

Данные факты указывают на существование двух социал-демократических объединений в Минусинской ссылке. Одно из них представляло собой союз левых интернационалистов, но выступало все же под ленинскими лозунгами. Поэтому правомерно говорить о большевистской ориентации «Группы революционных социал-демократов» Минусинска. Параллельно ей в городе действовала меньшевистская группа правоцентристского толка. В общей массе изданий она чаще всего воспринималась неформальным кругом единомышленников, с чем нельзя согласиться. Группа активно пропагандировала свои взгляды, выпустила широко известное в политической жизни воззвание, поддерживала партийные связи с меньшевистскими центрами и ссыльными соратниками. Сам факт присутствия в ссылке двух параллельных структур социал-демократов свидетельствует

о непримиримых противоречиях внутри РСДРП в период Первой мировой войны.

Примечательно, что наряду с Ф.И. Даном и И.Г. Церетели, советские историки обвиняли в социал-шовинизме Л.Д. Троцкого, работы которого в годы Первой мировой войны проникали в Сибирь. Это было в корне неверно, так как он сразу же занял интернационалистскую позицию, отстаивая типично центристский лозунг «Ни побед, ни поражений» (Старцев В.И. Л.Д. Троцкий. М., 1989. С. 21).

Понимали ли всю сложность программ российских интернационалистов советские ученые? Принимая во внимание проблемно-теоретические статьи Н.Н. Щербакова, Э.Ш. Хазиахметова, В.М. Самосудова и некоторых других авторов, можно утвердительно ответить на этот вопрос. Вместе с тем исследователи так и не смогли преодолеть идеологических стереотипов своего времени. Для этого, в частности, требовалось критически переосмыслить ленинское положение о единстве центризма и оборончества (Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 289, 290). Естественно, в советское время таких возможностей у историков не было.

В свою очередь с точки зрения современной науки есть основания утверждать, что В.И. Ленин объединял данные направления российской социал-демократии из чисто политических соображений, действуя по принципу «кто не с нами, тот против нас». На Международной социалистической конференции в Кинтале он даже пытался добиться непризнания мандатов делегации Организационного комитета меньшевиков по причине их социал-патриотических наклонностей (Большевики... С. 161, 162). Однако доводы В.И. Ленина были признаны несостоятельными. Таким образом, упомянутое положение большевистского лидера неправомерно использовать с целью научной классификации позиций российской социал-демократии в отношении империалистической войны.

В целом, как показывают историографические и документальные источники, многие идеи интернационализма сознательно искажались или умалчивались в советской историографии, что привело к деформации истории социал-демократического движения в России периода Первой мировой войны. Разумеется, данный вывод носит общетеоретический характер, но сделать его было оправдано на примере политической истории Сибири.

***Периодическая печать в уездном городе
Петропавловске в 1906–1917 гг.***

До именного «Высочайшего указа о временных правилах о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. разрешение на выход нового периодического издания давал лично министр внутренних дел, который и определял, разрешить издание такового с предварительной цензурой или без нее. Решение министра зачастую оказывалось по разным причинам отрицательным. По этой причине до принятия «Временных правил» выходило крайне небольшое количество изданий. Так, накануне 24 ноября 1905 г. во всей Акмолинской области печаталось лишь 6 изданий, одно из которых имело общественно-политический характер. Более того, все эти повременные издания выходили в ее административном центре – Омске. В других же городах Акмолинской области – Петропавловске, Атбасаре, Акмолинске, Кокчетаве – своя периодическая печать отсутствовала (Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г). Томск, 2001).

Среди перечисленных уездных городов наиболее динамично развивавшимся в начале XX в. был город Петропавловск, что было обусловлено строительством Сибирской железной дороги. Численность его населения за период 1894–1914 гг. достигла 43,2 тыс. человек (История Казахстана. Алматы, 1993. С. 261).

Периодическая печать Петропавловска, одного из самых значительных уездных городов Акмолинской области в начале XX в., во многом повторяла путь развития уездных городов не только Степного края, но и большинства губерний Сибири в целом. До Февральской революции 1917 г. общее количество периодических изданий в Петропавловске, составляло лишь 7 наименований. Следует отметить, что большинство повременных изданий выходило в свет непродолжительное время – от нескольких недель до полутора-двух лет. Лишь одна газета издавалась в течение четырех лет.

Первым повременным изданием, печатавшимся непосредственно в Петропавловске, городе с развитой торговлей, стал справочный листок «Корреспондент», выпускавшийся в 1906–1907 гг. Его редактором-издателем был потомственный почетный гражданин

К.И. Геркулесов. Первоначально издание выходило не менее трех раз в неделю, а после 8 ноября 1906 г., когда газета была переименована в «Сибирский справочный листок», издание стало ежедневным. Свою задачу первая газета видела, прежде всего, в освещении «цен рынка и менового двора на продукты и товары в г. Петропавловске», а кроме того, здесь же публиковались телеграммы Российского Телеграфного агентства и «разные объявления частных лиц и учреждений» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1906. Д. 123. Л. 1–2). Попытка превратить «Сибирский справочный листок» в общественно-политическую и литературную газету «Степная жизнь» окончилась для редактора-издателя К.И. Геркулесова неудачей. С 3 июня по 6 июля 1907 г. было выпущено лишь 3 номера, после чего вплоть до 1912 г. Петропавловск остался без собственного печатного издания (Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). С. 20).

Следующая и более удачная попытка наладить выпуск собственного печатного органа связана с оживлением общественно-политической жизни в Российской империи накануне Первой мировой войны. В этот период меняется и содержательная составляющая периодических изданий города, стремившихся основное внимание уделять общественно-политической проблематике и местным нуждам.

Общественно-политическая, экономическая и литературная ежедневная газета «Ишимский край» издавалась со 2 ноября по 1 декабря 1912 г. Ее редактором-издателем был С.К. Воронков. Основной задачей газеты было «наряду с общими политическими вопросами, наиболее ярко осветить «обширное поле местных краевых нужд» (отсутствие подъездных путей, обуславливающее зависимость производителя от городов, недостаток учебных заведений, несовершенство органов самоуправления и пр.). Отметим, что раздел «Хроника» публиковался на «русском и мусульманском языках».

Направление газеты, как сообщал в Главное управление по делам печати акмолинский губернатор Неверов, – оппозиционное и «горячо приветствуется «Сибирской жизнью» – самой популярной и наиболее распространенной сибирской газетой. Стремясь соответствовать заявленной цели, издание приветствовало организацию всевозможных «лекционных бюро», с трудами которых редакция предполагала знакомить читателя.

По мере возможностей «Ишимский край» старался расширить круг читателей за счет публикаций «корреспонденций из разных мест

России и заграницы на мусульманском языке», Однако это являлось нарушением п. 15 прилож. к ст. 114 Устава о цензуре и печати (изменение программы, по которой Воронкову разрешено издавать газету). Редактору же было разрешено печатание статей на этом языке лишь из местной жизни. В результате решением мирового судьи 1 участка Петропавловского уезда от 1 декабря 1912 г. редактор-издатель Воронков был приговорен, по совокупности проступков, к 300 рублям штрафа, с заменой при несостоятельности 3-месячным арестом, а само издание прекратило свое существование (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1912. Д. 213. Л. 1–3).

Вскоре после прекращения выхода в свет «Ишимского края», С.К. Воронковым было начато печатание новой газеты, свидетельство на право издание которой было получено еще 4 марта 1912 г.

Программа «прогрессивно-демократической, общественно-политической и литературной» газеты «Ишимская степь» во многом совпадала с программой «Ишимского края», но больше внимания было уделено местной жизни, а также добавлен раздел «мусульманская жизнь» (статьи, заметки, корреспонденции, хроника, фельетоны и перепечатки из газет и телеграмм), на русском и «мусульманском языках».

Основное внимание «Ишимская степь» уделяла вопросам местной жизни, в частности, связанным с деятельностью образовательных учреждений города Петропавловска и отношением учащихся к системе образования.

Так, в № 11 от 25 сентября 1913 г. появилась корреспонденция, в которой сообщалось о злоупотреблении своими полномочиями вне учебного заведения директора Петропавловского реального училища Барсова в отношении одного из учеников Московского частного училища, встреченного им в городском саду «с папиросой в зубах». Однако поскольку информация не соответствовала действительности, то 1 октября 1913 г. решением акмолинского губернатора Неворова редактор-издатель С.К. Воронков на основании ст. 3 п. а. обязательного постановления Степного генерал-губернатора от 4 сентября 1912 г. – «оглашение или публичное распространение ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение», был подвергнут, в административном порядке, штрафу в 200 рублей, с заменой, при несостоятельности, арестом на 1 месяц.

В номере от 29 сентября 1913 г. в статье «В стальных руках системы» подчеркивалось, что преподаватели средних учебных заведений Петропавловска «всячески отвращают мысли учащихся от того, что творится в жизни там, за стенами учебного заведения; затыкают им уши, закрывают глаза и всякой антинаучной белибердой замусоривают их головы...». «Недавнее время показало, что учащиеся средних учебных заведений могут, при иных обстоятельствах, вполне определенным образом реагировать на явления жизни...» «Что же можно говорить в наше время о чистых юных воспитанниках средних школ, которые никогда не подчиняются физическому насилию со стороны нашего “культурного” отечества, а наоборот, если они на оскорбление и не ответят оскорблением, то будут реагировать пассивно “самоубийством”». «Учащиеся совершенно бессильны изменить что-либо в школьных порядках...» «Они гибнут в стальных руках системы». «Гибнут так целые поколения».

6 октября 1913 г. последовало новое постановление акмолинского губернатора в отношении редактора-издателя «Ишимской степи». На тех же основаниях, что и пять дней ранее, С.К. Воронков был подвергнут в административном порядке аресту на 3 месяца. Учитывая, что 1 октября редактор был подвергнут уже в административном порядке, штрафу в 200 рублей, с заменой, при несостоятельности, арестом на 1 месяц, Воронков был заключен под стражу, «по совокупности преступлений... аресту всего на три месяца». Вскоре после этого и «Ишимская степь» прекратила свое существование (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1913. Д. 65. Л. 1, 3, 6).

В том же 1913 г. акмолинским губернатором было выдано еще два свидетельства на право издания в Петропавловске ежедневных газет под названием «Степная жизнь» и «Приишимские вести». «Степная жизнь» под редакцией ишимского мещанина К.Ф. Яворовского предполагала значительную часть своих материалов, а именно разделы: «1) русская и заграничная жизнь как в виде оригинальных статей, так и перепечаток; 2) телеграммы; 3) литературный отдел; 4) фельетоны; 5) местная и областная жизнь; 6) театр, торгово-промышленная и сельскохозяйственная жизнь; 7) справочный отдел и объявления» печатать не только на русском, но и на «мусульманском языке». «Приишимские вести» под редакцией А.С. Чалбашева основное внимание предполагали уделять «статьям по краевым вопросам и на местные темы». Однако эти издания, несмотря на полученное разрешение властей, так и не вышли в свет (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1913. Д. 92. Л. 1; Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1913. Д. 228. Л. 1).

Вместо прекративших свое существование газет «Ишимский край» и «Ишимская степь» подписчикам рассылалась издававшаяся в 1913-1917 гг. общественно-литературная газета «Приишимье». Ее редактором были: Е.Н. Ужгина, с 11 января 1914 г., а затем с 12 июля 1916 г. – Т.В. Тючкалова, с 19 августа 1914 г., а потом с 13 августа 1916 г. – Л.С. Ушаков. Издателями в разное время являлись Е.Н. Ужгина, М.Л. Кудряшов, а с 3 марта 1914 г. – Товарищество печатного дела «Прогресс».

В отличие от своих предшественниц, «Приишимье» значительно больше внимания уделяло не только вопросам местной и краевой жизни, но и общероссийским событиям. Кроме того, рубрики «корреспонденции» и «перепечатки из газет» давали обзор событий в стране на основе статей, перепечатанных из других изданий, главным образом, либерального направления.

Пытаясь не повторить участь тех изданий, которые подвергались штрафам и арестам, газета, несмотря на свое «прогрессивное направление» не стремилась выступать с резкой критикой действительности, предлагая читателю делать собственные выводы на основе публикуемых материалов. Тем не менее, она дважды была подвергнута в административном порядке штрафу: за помещенную в № 123 от 9 июля 1914 г. статью под заглавием «Учительские курсы», а также за «Письма в редакцию», напечатанные в № 126 от 12 июля 1914 г. 16 июля 1914 г. акмолинский губернатор Неверов, «усматривая в означенных статьях стремление автора к дискредитированию деятельности учебного персонала курсов, к возбуждению курсистов и широких слоев общества к действиям и мероприятиям правительственной власти, к распространению заведомо ложных слухов», подверг редактора Т.В. Тючкалову штрафу в 200 рублей, с заменой, при несостоятельности, арестом на 30 суток.

14 августа 1914 г. последовало новое постановление губернатора Неверова, которым редактор «Приишимья» за публикацию в № 148 от 10 августа 1914 г. заметки «Разгром Барнаула», в которой говорилось о пожаре и грабежах в Барнауле и на казенном винном складе, был подвергнут денежному взысканию в размере 500 рублей, с заменой, в случае несостоятельности, арестом на 30 суток.

Наложение двух крупных денежных штрафов привело к замене редактора газеты, а вместе с тем, вплоть до февральских событий 1917 г., более взвешенным и осторожным становится и содержание публикаций издания (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1913. Д. 59. Л. 1–10).

Лишь пять номеров газеты «Еженедельный обозреватель» под редакцией М.Л. Кудряшова, вышли в свет в ноябре-декабре 1914 г. Постановлением Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита за помещение в № 3 статьи «Яд злобы» она была «приостановлена на все время объявленного в Акмолинской области чрезвычайного положения» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1914. Д. 363. Л. 5).

Последним периодическим изданием, которое выходило в Петропавловске накануне Февральской революции, стала газета «Степная речь». И это издание оказалось недолговечным. Редакция газеты ставила своей задачей «обслуживать громадный район Приишимья, усиленно колонизовавшийся в последние годы». За период ее существования, с 17 по 31 декабря 1916 г., вышло лишь 10 номеров, а в ее руководстве сменилось два редактора – первоначально им был И.Н. Шантуров, а затем его сменил Б.И. Сорокин (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1916. Д. 101. Л. 4).

Таким образом, попытки петропавловских редакторов-издателей выпускать местную газету, публиковать в ней острые, злободневные статьи, освещавшие наиболее насущные проблемы края, наталкивались на административные препоны. Отсутствие денег на уплату значительных штрафов, налагавшихся в этом случае на периодические издания, заставляло редакторов смягчать тон публикуемых материалов, а в этом случае уездная печать не могла конкурировать со столичной периодикой и изданиями губернских сибирских городов.

***Новейшая историография
по истории органов городского самоуправления
в Сибири в годы Первой мировой войны
(июль 1914 – первая половина 1918 г.)***

В настоящее время в отечественной науке не ослабевает внимание ученых и общественных деятелей к институту местного самоуправления и, в частности, к органам городского самоуправления. За последнее десятилетие в научный оборот был введен огромный пласт неопубликованных архивных материалов, проведена большая работа по их систематизации и изданию.

Изучение истории органов городского самоуправления на современном этапе отечественной историографии напрямую связано с теми изменениями, которые произошли в нашей стране еще в 1990-е гг., вызванные процессом демократизации политической системы, становлением институтов гражданского общества, что оказало влияние на освобождение исследователей от идеологических штампов и стереотипов.

В первое десятилетие XXI в. была опубликована целая серия исследований по изучению органов городского самоуправления конца XIX – начала XX в., в которых предпринимались попытки по-новому оценить дореволюционное законодательство в сфере местного самоуправления, определить место его органов в системе государственного аппарата, а также обобщить реальные результаты их деятельности на материале городов Российской империи (См., напр.: Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь, 2001; Заманова Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003; Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережникова И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003; Ефимова В.В. Петрозаводское городское самоуправление (1870–1918 гг.). Петрозаводск, 2004; Король Ж.В. Деятельность институтов местного управления по благоустройству городов Западной Сибири во второй

половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010; Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010; Черджиев А.В. Система городского самоуправления Владикавказа (последняя треть XIX – конец XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011).

В 2000-е гг. также появляются научные работы, в которых исследователи приступили к анализу политики Временного правительства в области развития местного самоуправления. В частности, московский исследователь А.В. Мамаев в своих научных трудах на материалах городов Московской, Тульской и Вятской губерний сумел проанализировать деятельность городских самоуправлений в период революционного процесса 1917–1918 гг., а также рассмотреть финансовую базу новых органов городской власти в период революционных событий и гражданской войны (Мамаев А.В. Кризис муниципальных финансов в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 73–83; Он же. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917–1918 гг. (на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2010). Финансовую политику большевиков рассматривал в своих работах Е.Н. Соколов, который сквозь призму общегосударственной политики охарактеризовал взаимоотношения центральных и местных органов власти по вопросам финансирования муниципалитетов (Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.). Рязань, 2008; он же. Большевики и финансы (август-декабрь 1918 г.) // Российская история. 2010. № 2. С. 3–15).

Появление новых аспектов в разработке проблемы не могло не сказаться на характере аналогичных исследований, проводимых в Сибири. В частности, сибирскими историками были предприняты шаги по мобилизации конкретно-фактического материала, способного расширить представления о деятельности городского самоуправления в первые два десятилетия XX в. Прежде всего, внимание исследователей все больше уделялось реализации городских реформ 1870 и 1892 гг. в Российской империи, освещению их влияния на развитие городского самоуправления, рассмотрению деятельности городских органов власти в годы Первой мировой войны и революционных потрясений и взаимодействию их с общественными организациями (Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013; Захарова К.Л. Комитеты общественной

безопасности в Сибири (весна-лето 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 3–28; Собожников Н.А., Чедурова Е.М. Судьба сибирского региона в контексте Первой мировой войны // Мир Евразии. 2015. № 2 (29). С. 60–65; Каргаполов П.А. Установление власти советов в Сибири (1917–1918 гг.) // Инновационные процессы в науке и технике XXI века: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) студентов, аспирантов, ученых, педагогических работников и специалистов-практиков, посвященной 35-летию филиала Тюменского индустриального университета в г. Нижневартовске. Нижневартовск, 2016. С. 72–76; Шереметьева Д.Л. Электоральное поведение горожан Сибири на начальном этапе гражданской войны (июль-ноябрь 1918 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 3. С. 184–194; Павлова И.П., Павлов П.А. Органы местного самоуправления в России в период революции 1917 г. и проблемы организации социальной помощи // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2017. № 1(5). С. 228–237). Однако во многих исследованиях вопросы организации органов городского самоуправления в период революционных потрясений либо оставались в стороне, либо были представлены сквозь призму борьбы политических сил в Сибири.

Значительный вклад в локально-историческое изучение городского самоуправления внесли работы К.Л. Захаровой, И.П. и П.А. Павловых, О.В. Чудакова и некоторых других авторов. В исследованиях историков представлено комплексное изучение проблем, связанных с историей деятельности органов городского самоуправления в период военных и революционных потрясений, образования и функционирования комитетов общественной безопасности (КОБов) в Сибири, а также с изучением процесса становления советской власти и ликвидации земских и городских органов местного самоуправления в регионах и городах Сибири. В то же время стоит отметить, что эти вопросы до сих пор остаются актуальными в научной литературе, поскольку исследование данных проблем является важным компонентом в формировании целостного понимания феномена Февральской революции 1917 г. В частности, О.В. Чудаков выявил особенности организации городского самоуправления в Сибири в рассматриваемый период, охарактеризовал социальный состав городских дум, деятельность городских властей в хозяйственной и социально-куль-

турной сферах, взаимоотношения городских дум и общественных организаций, а также и ряд других вопросов (Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013). К.Л. Захаровой были изучены порядок формирования КОБов, их состав, структура, направления и результаты деятельности, а также взаимоотношения комитетов с другими элементами политической системы. Автором были сделаны выводы о том, что комитеты общественной безопасности, являясь воплощением идеи участия широких слоев населения в управлении, исполняли роль чрезвычайных органов власти на местах, что демонстрируется масштабом и характером деятельности КОБов. Однако отказ Временного правительства включить КОБы в систему государственного управления, динамика взаимоотношений с центром, перешедших от сотрудничества к конкуренции, а также ряд других факторов не позволили комитетам в полной мере реализовать свой потенциал в деле укрепления политического единства в регионе (Захарова К.Л. Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна-лето 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 3–28).

Усилившийся интерес исследователей к истории городского самоуправления нашел свое выражение и в появлении работ диссертационного характера, в которых были раскрыты вопросы, связанные с подготовкой и проведением городских реформ 1870 и 1892 гг., организацией городского самоуправления, сословным составом городских дум, их хозяйственной деятельностью, а также развитием местного самоуправления в 1917 г. (Король Ж.В. Деятельность институтов местного управления по благоустройству городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2010; Купченко К.В. Формирование и деятельность органов городского самоуправления Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2010; Кондрашова А.А. Городское самоуправление России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополя: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2013; Бочаров А.В. Эволюция законодательства о выборах в органы городского самоуправления и его влияние на развитие системы управления городами в Российской империи: на примере губернских и уездных городов Центрального Черноземья: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011; Свиридова Н.Б. Деятельность городско-

го общественного управления в Забайкальской области в последней четверти XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015; Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017).

Солидный конкретно-фактический материал систематизирован и обобщен в новейшей литературе при рассмотрении практической деятельности органов городского самоуправления в хозяйственной и социально-культурной сферах (Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. Абакан, 2010; Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1922 годов в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 167–178; Анкушева К.А., Кутепов В.А. Сибирский социум в условиях тылового региона (1914–1916 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 10 (48). В 3 ч. Ч 3. С. 13–16; Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. Москва, 2014; Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. С. 70–75; Болонкина Е.В., Ермакова Е.Е. Взаимодействие органов городского самоуправления и общественных объединений Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (58). С. 45–49; Башкуев В.Ю. Становление и развитие муниципального здравоохранения в Верхнеудинске / Улан-Удэ в XIX – первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 4 (20). С. 60–77; Башкуев В.Ю., Башкуева Е.Ю., Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М., Башкуева У.В. Геомедицина и политика здравоохранения в байкальском регионе: история и современность. Иркутск, 2016; Павлова И.П., Катцина Т.А., Мезит Л.Э., Долидович О.М. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века. Красноярск, 2016; Семенова Е.Ю. Будни российской провинции в годы Первой мировой войны в контексте деятельности городского самоуправления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 31–36; Шумилова Э.И. Продовольственное обес-

печение в крупных городах Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 69–72; Дементьев А.П., Катцина Т.А. Социальная политика комитетов общественной безопасности и советов в Енисейской губернии (март-май 1917 г.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 31–42). Выявляя сильные и слабые стороны повседневной деятельности органов общественного управления, большинство исследователей вполне обоснованно считают, что в целом городские органы самоуправления играли заметную роль в решении сложных повседневных вопросов городской жизни, а также чрезвычайных, вызванных Первой мировой войной, несмотря на то, что их полномочия были существенно ограничены рамками существующего законодательства.

Таким образом, на данном этапе развития отечественной историографии продолжается работа по выявлению нового фактического материала, исчезают крайние оценки института городского самоуправления в России. В результате чего, с одной стороны, мы наблюдаем конкретизацию исследований по вопросам функционирования городского самоуправления на региональном уровне, в частности, в Сибири, а с другой – более пристальное внимание к его деятельности в хозяйственной и социально-культурной сферах.

**И. Броз Тито:
сибирские страницы биографии**

Биография Иосипа Броз Тито связана с Сибирью и Омском двумя периодами. Первый: Иосип Броз – бывший унтер-офицером австро-венгерской армии, попал в русский плен, оказался в Сибири, здесь трудился, симпатизировал большевикам, встретил здесь первую жену. Второй: Иосип Броз Тито как глава Социалистической Федеративной Республики Югославия, посетил омскую землю. Первый изучен в литературе явно недостаточно. Внесем свою лепту в его изучение.

Иосип Броз родился 7 мая 1892 г. в Австро-Венгрии (став лидером Югославии, он сам в качестве даты рождения называл 25 мая 1893 г.). В 1913 г. был призван в австро-венгерскую армию и служил в 25-м Домобранском Загребском пехотном полку. Вёл антивоенную пропаганду, за что подвергался аресту (Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 17). Но в Первую мировую войну добросовестно исполнял долг и воевал против русских в Галиции и Карпатах, продвинулся по службе: стал штабс-фельдфебелем и адъютантом при штабе. Был представлен к медали за храбрость, но никогда её не получал. Впоследствии он вообще отказался от факта этого награждения. Во время визита в 1967 г. в Вену, когда австрийцы попытались вручить эту медаль, он её не принял, заявив, что это ошибка и наградили какого-нибудь другого Броза (Матонин Е.В. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 18).

С началом русского наступления в Карпатах весной 1915 г. Загребский пехотный полк перевели в Буковину, где Иосип Броз был ранен и попал в плен в бою у села Миткеу (даты он сам называл разные: 22 марта, 25 марта, 4 апреля; в литературе встречается даже 12 апреля (Новиков С.В. Омский период И. Броз Тито в советской литературе // Омская областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Омск, 1992. С. 97; Матонин Е.В. Указ. соч. С. 18). После госпиталя он находился в лагерях для военнопленных в Казанской губернии, затем в Симбирской, с конца 1916 г. – в Пермской губернии. Это были именно «концентрационные лагеря»,

а не «трудовые», как ошибочно пишут некоторые авторы (Онуфриенко Г.Ф. *Портреты. Личность в истории и культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 4. М., 1999. С. 104*). Более того, труд военнопленных-славян до весны-лета 1915 г. предполагалось сделать добровольным.

Вступить в одну из добровольческих военных частей, сформированных Антантой из военнопленных для войны против Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции), он отказался. Унтер-офицеры, согласно принятому в дореволюционной России положению о военнопленных, не подлежали принудительному назначению на работы, поэтому Броз трудился добровольно и вне лагеря. Это позволяло не только поправить материальное положение (довольствие пленных ухудшалось по мере затягивания войны), но и избежать строгости казарменного содержания. Также это позволяло относительно свободно общаться с местными жителями, вопреки официальным правилам и постановлениям.

После Февральской революции пленных унтер-офицеров стали назначать на работы в принудительном порядке, одновременно были снижены расценки на труд военнопленных. В мае 1917 г. Иосип Броз бежал в Петроград. Там он самостоятельно устроился на работу и участвовал в демонстрациях 3–5 июля 1917 г. После их разгона Броз пытался бежать в Финляндию, но был арестован. Под арестом он долго не признавался, кто он такой, а когда сознался, что беглый пленный, то был отправлен в прежний лагерь в Пермскую губернию. Невозможность определить в нём иностранца сам Броз объяснял тем, что «неплохо уже говорил по-русски, даже на вятском диалекте» (*Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонёк. 1957. № 45. С. 7*).

До места он не доехал, вновь бежал и оказался в Омске. Некоторые авторы ошибочно пишут, что он был сразу направлен именно в Омск, а не прибыл сам (См., напр.: *Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: материалы международной научно-методической конференции, г. Омск, 1999 г. Омск, 1999. С. 138*). В интервью советскому журналу «Огонёк» в 1957 г. сам Броз утверждал, что «...бежал и стал пробираться где пешком, где поездом в Екатеринбург... Приехал туда... Из Екатеринбурга я поездом отправился в Омск» (*Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонёк. 1957. № 45. С. 7*). Заметим, что бежавших пленных обычно возвращали в те лагеря, где они числились. Почему Броз отправился

в Омск – не ясно. Воспоминания самого Броз о пути в Омск сжаты и расплывчаты, будто повторяются с чужих слов: «Долго ехал. В поезде шла драка, солдаты выкидывали из вагонов белых офицеров. Приехали ночью» (Там же).

В Омске Броз оказался в конце октября 1917 г. Зимой 1917–1918 гг. вступил в один из интернациональных красногвардейских отрядов, активно формировавшихся большевиками в основном из военнопленных. Там же, в Омске, к новой, Советской власти в России он обратился с просьбами о гражданстве и вступлении в РКП (б). Были ли они рассмотрены, неизвестно. Сам Броз, став лидером Югославии, упоминая эти факты, подчёркивал, что «...прослужил несколько месяцев в Красной интернациональной гвардии, но никогда не сражался на фронте, поскольку всё ещё был слаб после ранения и болезни...» (Матонин Е.В. Указ. соч. С. 21). Напомним, что ранен Броз был в марте-апреле 1915 г., и это не мешало ему неоднократно бежать, устраиваться на работу, участвовать в политической жизни России, вступить в Красную гвардию и т.п., а вот сражаться мешало.

В литературе можно найти утверждения, что Иосип Броз участвовал в установлении Советской власти в Омске (вопреки воспоминаниям самого Иосипа Броз). Последнее – явное недоразумение, поскольку Советская власть в Омске установилась мирно и бороться за неё с оружием он не мог (Новиков С.В. Указ. соч. С. 98). Ряд авторов повторяет мнение о сражении интернационалистов с белогвардейцами на хуторе барона Унгерна под Омском, в котором участвовал Броз. Хутор Унгерн – это немецко-русское поселение к западу от Омска (современный Любинский район Омской области). О серьёзных сражениях здесь сведений мы не имеем.

Возможно, речь идёт о марьяновских боях 25 мая – 6 июня 1918 г. (у ст. Марьяновка Сибирской железной дороги). Именно их, видимо, имел в виду Броз Тито, когда много лет спустя утверждал, что весной 1918 г. в составе интернационального отряда был направлен на ст. Татарская, но попасть туда не смог, поскольку уже 25 мая 1918 г. ст. Марьяновка, располагавшуюся ближе к Омску, заняли белочехи. И здесь он, ничего конкретного не вспоминая, повторяет как с чужих слов, что хорошо организованный и вооружённый чешский полк разбил красногвардейский рабочий батальон, силы были неравны и т. п. Далее он утверждает, что 3–7 июня вступил в бой с белыми, бой продолжался 4 дня (это явно марьяновские бои). Тито здесь противоречит собственным словам, приведённым выше, что не сражался на фронте.

С падением в июне 1918 г. Советской власти в крае, красногвардеец Броз 5–6 месяцев скрывался в деревне Михайловка (сейчас относится к Марьяновскому району Омской области). На работу он устроился в соседней Боголюбовке механиком на мельницу зажиточного казаха Джаксенбаева (у разных авторов разный вариант имени этого казаха, чаще всего Исайя или Мусса). Поскольку сама мельница находилась в степи, вероятность быть опознанным и схваченным была меньшей. При этом для работы механику был нужен мазут, а рабочие на железнодорожной станции в Омске продавали его из-под полы. Под предлогом его покупки Броз неоднократно наведывался в Омск, встречался с железнодорожными рабочими (Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонёк. 1957. № 45. С. 7). Таких же, как и он, красногвардейцев, по его словам, прятавшихся от белых, было много. Он сам позже прятал несколько человек, о чём вспоминал в интервью советским журналистам в 1957 г. (Там же. С. 7–8). Незадолго до падения диктатуры Колчака Броз был всё же пойман и арестован. По словам Броз Тито, за то, что рабочий, значит, большевик (Там же. С. 8). Когда к селу подошли красные, стража сбежала, и его освободили. Под селом, очевидно, имеется в виду Боголюбовка.

Почему Иосип Броз надолго остановился в Михайловке неясно. Марьяновский краевед Я.П. Чарыков утверждал, что он был направлен в сельскую местность, а Михайловка стала местом жительства. Там Броз создал революционный кружок из жителей и красноармейцев. Однако сам Броз Тито вспоминал, что он просто бежал после поражения красногвардейцев, причём бежал из деревни в деревню, а Михайловка просто оказалась одним из пунктов, где он скрывался (Там же. С. 7). Я.П. Чарыков в своих публикациях называл имена членов революционного кружка Иосипа Броз и рассказывал о его связях с партизанскими отрядами, боровшимися против белых (Чарыков Я. За власть Советов // Авангард (Марьяновка), 1981. 12 дек.; Чарыков Я. Они знали, на что шли // Авангард (Марьяновка), 1988. 7 нояб.). Я.П. Чарыков приводит эпизод, когда Броз прятал одного из членов кружка, заживо погребённого «колчаковскими карателями», но выжившего (Чарыков Я. Они знали, на что шли // Авангард (Марьяновка), 1988. 7 нояб.), подтверждая приведённые выше слова Тито, что он укрывал революционеров. Тем не менее, авторы, писавшие о Тито после распада СССР, называли сведения о его революционной деятельности в Сибири, листовках, которые он раскидывал по колчаковскому Омску, – вымыслом, ловким ходом правительства

СССР, решившего после смерти Сталина наладить отношения с Югославией (Метелева М.В. Иосип Броз Тито в Омске // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: материалы междунаро-д. на-уч.-практ. конф. Омск, 1999. С. 138). Тито обычно говорил о своей весьма скромной роли в Гражданской войне, но подчёркивал сотрудничество с РКП(б), местными рабочими и крестьянами.

В деревне Михайловка Иосип Броз познакомился Пелагеей Белоусовой, дочерью местных крестьян Дениса и Дарьи Белоусовых, с которой через год вступил в брак. Самое подробное свидетельство об этом факте биографии Броз Тито – протокол допроса в полиции Загреба от 5 августа 1928 г.: «Я обвенчался с Пелагеей Денисовной Белоусовой в церкви города Омска, когда там у власти находился Колчак. Потом, поскольку этот брак не был признан большевиками, я зарегистрировал гражданский брак с нею в Омске в 1920 г.» (цит. по: Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 19). На самом деле гражданский брак с 14-летней Белоусовой 25-летний Броз зарегистриро-вал 7 сентября 1920 г. в Боголюбском райисполкоме Омской обла-сти, о чём была сделана запись в книге актов гражданского состояния № 691 (порядковый номер 53). На руки молодожёны получили два документа. Первый – выписку из упомянутой книги, где говорилось, что «Иосиф Броз (Брозович) вступил 7 сентября в гражданский брак с Пелагеей Белоусовой в Боголюбовском районном исполнительном комитете Омской области»; второй – справку Боголюбовского район-ного революционного комитета Омской области от 7 сентября 1920 г. за № 1345, подтверждающую, что «Пелагея Денисовна Брозович дей-ствительно является супругой военнопленного Иосифа Брозовича» (Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 20–21). Впоследствии оба документа бы-ли изъяты в Загребе при аресте Иосипа Броза в 1927 г.

Официальный брак Иосипу Брозу был нужен, чтобы вернуть-ся на родину вместе с женой. Большевики возобновили массовую от-правку военнопленных Первой мировой войны на родину осенью 1920 г. Процесс эвакуации при этом был поставлен в зависимость от хозяйственных нужд региона. Власти, как и до революции, продол-жали направлять пленных на принудительные работы и ловить бег-лецов, пытающихся самостоятельно покинуть Россию. От трудовой повинности освобождали лишь получивших на руки удостоверение о зачислении в очередной эшелон на эвакуацию. Принадлежность Иосипа Броза к красногвардейцам и его коммунистические настро-ения ускорили процесс: такие люди назначались на эвакуацию в пер-

вую очередь, в соответствии ленинской политикой распространения социалистической революции.

Впоследствии Тито утверждал, что с падением режима Колчака вернулся в Омск, где секретарём обкома, по его словам, был Пётр Иванович Воеводин, и наладил контакт с югославской секцией Омской организации РКП(б) (Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонёк. 1957. № 45. С. 7–8). П.И. Воеводин – старый большевик, до чехословацкого мятежа отвечавший за заготовку продовольствия на Урале, в Сибири и Степном крае. В 1919 г. он был комиссаром фронтового агитпоезда, затем членом ВЦИК. Сведений, что он возглавлял обком в Омске, у нас нет. (Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 389). В коммунистическую партию Иосипа Броза «...приняли югославские товарищи» (Онуфриенко Г.Ф. Портреты. Личность в истории и культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 4. М., 1999. С. 105). Якобы до отъезда из Сибири он успел побывать агитатором и активистом этой секции. Так подчёркивалась, с одной стороны, – солидарность с советскими коммунистами, а с другой – некая дистанция (приняли в партию соотечественники, а не иностранцы). Есть точка зрения, что на самом деле в РКП(б) он тогда так и не вступил, из-за сомнительности его кандидатуры (подозревался в дезертирстве, так как он скрывался в деревне, а не сражался с белыми) (Матонин Е.В. Указ. соч. С. 23).

Есть другая интерпретация этих событий. Отсутствие партбилета облегчало репатриацию и последующие проверки на родине. Ряд пленных, не желая сложностей на родине, покидали РКП (б) перед эвакуацией и из-за этого имели трудности с зачислением в очередной эшелон. Тем же, кто хотел продолжить нелегальную работу на родине, не попадая сразу под подозрение, открытое членство в РКП(б) тоже было ни к чему. Некоторые исследователи пишут, что власть пыталась удержать в России часть иностранных коммунистов (Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Т. 1. Новосибирск, 2010. С. 322). При этом ссылаются на постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 21 июня 1921 г., по которому её члены, в том числе иностранных секций, эвакуировались с согласия партийных органов. Конечно, беспартийному пленному было легче вернуться на родину, но повышенное внимание к кадрам, на наш взгляд, объяснялось элементарным стремлением сохранить за ними контроль и восстановить дисциплину, нарушенную выходом ряда пленных из партии перед эвакуацией.

Ленинской идее распространения революции это не противоречило, а вот попытка удержать иностранных коммунистов в России явно бы помешала.

В сентябре 1920 г. Иосип Броз с очередной партией военнопленных и беременной женой покинул Омск. Некоторые авторы пишут, что на родину он уехал уже с родившимся ребёнком в августе 1920 г. (Новиков С.В. Омский период И. Броз Тито в советской литературе // Омская областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Омск, 1992. С. 99). Что в Югославию он вернулся в августе 1920 г., говорил сам Броз (Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонёк. 1957. № 45. С. 7). Он приехал в Хорватию, ставшую частью новой страны – Королевства сербов, хорватов и словенцев. Вновь Броз приехал уже в СССР, а Омск он посетил 26 июня 1965 г. как глава государства – Социалистической Федеративной Республики Югославии.

***Проблема дефицита профессиональных
рабочих кадров на железнодорожном транспорте
в годы НЭПа и пути ее решения***

Ко времени принятия X съездом партии большевиков в марте 1921 г. новой экономической политики молодая Советская республика находилась в тяжелейшем состоянии. Железнодорожный транспорт переживал глубокий кризис. Надо было восстановить 74 600 км разрушенных в годы гражданской войны железнодорожных путей, 3 672 сожженных и взорванных мостов, более 60 % «больных» паровозов (История индустриализации СССР. Документы и материалы. Железнодорожный транспорт в восстановительный период. М., 1979. С. 5–6). Выход из кризисного состояния виделся в отказе от политики «военного коммунизма», в допущении в определенных пределах многоукладности экономики, в использовании буржуазных принципов в ее осуществлении.

В этих условиях развернулось восстановление железнодорожного транспорта. На темпах и качестве восстановительных работ немедленно отразился дефицит рабочих-железнодорожников, особенно тех, кто имел профессиональную подготовку. Многие из них стали жертвами военных лет: кто-то погиб или стал калекой, кто-то в голодные годы ушел в деревню. Практика обучения рабочих перестала действовать. Для руководства страны было очевидным, что без решения проблемы рабочих кадров восстановить важнейшую отрасль хозяйства страны, каковой являлся железнодорожный транспорт, не удастся.

Естественно, такая перспектива не могла устроить партию большевиков и прежде всего ее лидера. Для В.И. Ленина национализированный железнодорожный транспорт представлял важнейшую материально-техническую базу строительства социализма. Из этого он исходил, разрабатывая новую советскую концепцию железнодорожного транспорта. Идеи социализма стали основополагающими при ее формировании. В соответствии с концепцией государство добровольно возлагало на себя ответственность за социокультурное развитие общества. Из этого принципиально важного положения вытекали конкретные меры и действия, направленные на рост культурного и про-

фессионального уровня железнодорожников, на улучшение их производственного и материально-бытового обеспечения. С введением НЭПа появлялись новые возможности для решения этих задач и ускорения процесса восстановления железнодорожного транспорта.

Однако восстановление железных дорог и подготовка новых кадров рабочих разворачивались крайне медленно, с большими трудностями. С одной стороны, катастрофически не хватало средств. С другой – новое пополнение рабочих-железнодорожников представляла в основном безграмотная городская и деревенская молодежь, ранее не имевшая никакого отношения к технике. Ее самостоятельные усилия по освоению профессией, меры, принимаемые участковыми и местными профсоюзами по производственному обучению подростков (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО) Ф. П-7. Оп. 1. Д. 66. Л. 1) решить проблему подготовки квалифицированных рабочих кадров для железных дорог не могли. Даже постановление VIII Всероссийского съезда Советов о транспорте, принятое в декабре 1920 г., в котором подчеркивалось, что основным условием дальнейших успехов железнодорожного транспорта является «всемерное улучшение материального положения рабочих и служащих, повышение их технического и культурно-политического уровня» (История индустриализации СССР. Документы и материалы... С. 15) в тех конкретно-исторических условиях, хотя и исходило из высшего органа Советского государства, мало что могло изменить. Скорее, оно относилось к формированию новой концепции транспорта, чем к его немедленной реализации. Однако постепенно, особенно с введением в хозяйственный механизм транспорта элементов НЭПа, ситуация начинает меняться в лучшую сторону. К концу 1925 г. количество «больных» паровозов сократилось до 21,5%. Внедрение мер, в том числе и нэповского, хозрасчетного характера, привело к росту прибыли. В 1923/24 хозяйственном году впервые в советские годы железные дороги получили прибыль в 36,3 млн руб., а в 1925/26 году прибыль от перевозок достигла 185,2 млн руб. (Там же. С. 12). Появилась возможность за счет части этих средств приступить к созданию системы подготовки профессиональных кадров.

Первыми структурированными формами рабочего образования на железных дорогах стали школы ученичества и ученические бригады. Они появились в 1923/24 г. В следующем хозяйственном году развернули работу 29 курсов повышения квалификации рабочих и 85 курсов рабочего юношества. На октябрь 1925 г. всеми эти-

ми формами подготовки и повышения квалификации было охвачено 22 396 рабочих-железнодорожников (Там же. С. 244).

В сложной ситуации оказались крупные железные дороги, проложенные в отдаленных от центра страны регионах с низкой плотностью населения. Таковой оказалась Омская железная дорога, эксплуатационная длина которой в 1928 г. (с ответвлениями на Тюмень, озеро Боровое, Павлодар и Семипалатинск) составила 3 605 км – 4,74 % к общей длине дорог СССР. На долю Омской дороги приходилось почти 7 % железнодорожных грузоперевозок страны (ГИАОО. Ф. П-7. Оп. 2. Д. 140. Л. 4). Повышенный уровень грузоперевозок и недостаточное обеспечение трудовыми ресурсами серьезно затрудняли решение проблемы подготовки квалифицированных рабочих для дороги.

В соответствии с заданиями Наркомата путей сообщения на Омской железной дороге, как и на других дорогах, начала формироваться сеть профессионального образования рабочих-железнодорожников. В 1927 г. в школах ученичества, ученических бригадах, в других профессиональных школах и курсах обучалось 1 002 рабочих. Кроме того, работали курсы (17 групп) по переквалификации и повышению квалификации по 10 специальностям. На этих курсах занимались 520 человек. Руководство дороги явно поспешило заявить, что подготовка «агентов транспорта» проводится «в размерах удовлетворяющих настоящую потребность дороги» (Там же. Д. 100. Л. 25). Речь могла идти о выполнении заданий Наркомата путей сообщения по численности курсов и обучающихся в них.

Однако, с возрастанием выпуска новых типов паровозов железнодорожное хозяйство требовало не просто большего количества квалифицированных рабочих, а качественно новых работников с более глубокой подготовкой. Краткосрочные курсы не отвечали этим требованиям. В те годы фабрично-заводское ученичество (ФЗУ) с трехдвухлетним сроком обучения на железнодорожном транспорте страны было развито слабо. В 1928 г. в 153 школах ФЗУ обучалось 18 685 учащихся. Ежегодные выпуски при столь длительном времени обучения составляли 5–6 тыс. человек, что не могло повлиять на серьезное сокращение дефицита квалифицированных рабочих на железных дорогах. Были приняты меры по ускоренному развитию школ ФЗУ. Только за один 1933 г. в них было подготовлено 69 400 чел. (История индустриализации СССР. 1926–1941 гг. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации. М., 1970. С. 249). Система ФЗУ стала основной формой подготовки квалифицированных рабочих кадров для

железнодорожного транспорта страны. Однако, это произошло позже, когда на железных дорогах уже действовали не нэповские принципы.

И все же новая экономическая политика не прошла бесследно для ликвидации дефицита квалифицированных рабочих на железных дорогах. Во-первых, она способствовала накоплению средств, необходимых для развертывания на дорогах сети школ и курсов, в которых началась систематическая подготовка рабочих по железнодорожным специальностям. Во-вторых, на повседневную жизнь железнодорожников все в большей степени стали оказывать влияние разные формы хозрасчета, учитывающие особенности труда рабочих, уровень их ответственности за безопасность производимых работ, экономию топлива и т. д.

Отметим, что введение НЭПа в стране в 1921 г. вовсе не означало, что экономические рычаги этой политики начнут работать сами собой: слишком много в стране было противников нэповского курса. И. Сталин в 1925 г. пообещал «отправить НЭП к черту». При таком отношении к НЭПу лидера правящей партии трудно рассчитывать на успех в использовании ее экономических стимулов. Нарком путей сообщения Ф. Э. Дзержинский был из тех немногих руководителей, который рассчитывал на то, что использование нэповских принципов поможет восстановить транспорт и направить все хозяйственное развитие по пути социализма. Стимулируя усилия рабочих-железнодорожников на эффективный труд, он ввел так называемую локнадбавку. Вскоре после его ухода она была отменена. В это же время профсоюзу омских железнодорожников пришлось выдержать нелегкую борьбу с администрацией дороги, чтобы доказать, что рабочие железнодорожных водокачек, сэкономившие для дороги за 5 месяцев 1925/26 г. 7 000 кубометров дров, заслужили право на премирование за экономию топлива. Третейский суд решил дело в пользу рабочих (ГИАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 66. Л. 91).

В годы новой экономической политики на железных дорогах элементы хозрасчета в форме разного рода доплат рабочим и служащим получили широкое распространение. Такой курс вытекал из постановления СНК от 16 января 1922 г. «О применении на транспорте начал хозяйственного расчета» (История индустриализации СССР. Документы и материалы... С. 58). Так, на Омской дороге на 1 августа 1926 г. из 11 999 чел. службы Тяги дополнительную оплату получали 11 285 чел. (94 %). Такой же процент охваченными разными видами дополнительной оплаты был у работников службы Движения. По

службе Пути он составил 76,0 %, а по службе Связи – 66,1 %. Причем, процент приработка по отношению к тарифной ставке был значительным. На этой же дороге за первое полугодие 1926 г. премия за маневровые работы по месяцам составляла от 44,4 % (май) до 63,6 % (июль) к уровню ставки. А в целом у машинистов, их помощников и кочегаров премии к уровню тарифной ставки составили в 1926 г. в январе – 38,6 %, в феврале – 35,9, в марте – 34,3, в апреле – 33,4, в мае – 25,3, в июне – 25,9 % (ГИАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 166. Л. 92, 95, 96). Подход, направленный на поддержку эффективной, качественной работы, дополнительных трудовых усилий отвечал интересам рабочих. Такой подход получил наибольшее распространение в конце первой половины и в первые годы второй половины 1920-х гг. Именно эти годы явились временем наибольшего использования на железнодорожном транспорте принципов НЭПа.

Таким образом, в 1920-е гг. Советской республике не удалось решить до конца проблему дефицита квалифицированных рабочих кадров для железнодорожного транспорта. Но именно в эти годы была создана система краткосрочных школ и курсов, где тысячи рабочих осваивали железнодорожные специальности. Это позволило значительно ослабить дефицит таких кадров и обеспечить бесперебойную работу железных дорог.

Положительным фактором в решении проблемы рабочих кадров стала попытка перевода железных дорог на хозрасчет. Несмотря на разруху, финансовые трудности, сопротивление противников НЭПа, хозрасчетные возможности в рамках этой политики позволили приступить к созданию системы подготовки квалифицированных рабочих, повысить их реальный заработок.

Советская концепция железнодорожного транспорта с ее установками на социализм, на решение насущных социокультурных задач, как показал опыт подготовки квалифицированных кадров рабочих-железнодорожников в 1920-е гг., может в процессе реализации этих целей и задач вполне успешно «сотрудничать» с буржуазной по своему содержанию новой экономической политикой. К сожалению, в те годы руководство правящей партии во главе с И.В. Сталиным не сумело в полной мере использовать предоставившиеся возможности для восстановления железнодорожного транспорта и дальнейшей его социалистической модернизации, для решения социокультурных проблем железнодорожников.

***Российское бюро филателии
и проблема монополии внешней торговли
в РСФСР / СССР в начале 20-х гг. XX в.***

Одним из ключевых вопросов во внешней политике РСФСР после окончания Гражданской войны был вопрос о сохранении или смягчении монополии внешней торговли. Особенно актуальным он становился в связи с переходом к новой экономической политике, с одной стороны, и необходимостью пополнения золотовалютных запасов страны, с другой. Как оказалось, столь далекое, на первый взгляд, от большой экономической политики занятие как филателии могло в тогдашних условиях превратиться в весьма существенный дополнительный источник доходов, поступающих из-за рубежа. Это объяснялось все возрастающим спросом на российские филателистические материалы как со стороны отдельных зарубежных коллекционеров, так и солидных марочных фирм и торговцев. В итоге, перед советскими государственными органами встал выбор: отпустить ли филателистическую торговлю в свободное плавание или поставить ее под жесткий государственный контроль.

Выбор был сделан в пользу второго варианта. Однако на деле ситуация оказалась гораздо более сложной, чем это виделось первоначально. Среди тех, кто, так или иначе, предполагал использовать государственную монополию на марочную торговлю, также не было единства. Фактически уже в начале 1921 г. начинают формироваться два подхода к марочной монополии. Объединяло оба эти подхода желание использовать имеющиеся в стране запасы филателистического материала в определенных интересах. Разъединял их конечный результат этого интереса. Одни предлагали использовать монополию внешней торговли, в том числе филателистическими запасами, в пользу общегосударственных проектов, сначала для ликвидации безграмотности, а после разразившегося голода, для помощи голодающим. Эту точку зрения отстаивал Ф.Г. Чучин, фактически получивший поддержку со стороны В.И. Ленина. Другие предполагали использовать государственные органы и провозглашенную монополию внешней торговли для личного обогащения. Костяк этих людей составляли чи-

новники Народного Комиссариата почт и телеграфа (НКПиТ), среди которых были бывшие члены Московского общества филателистов и коллекционеров, созданного в 1918 г. и прекратившего свое существование в феврале 1921 г. (Розов Б. Взгляд назад (К юбилею ВОФ) // Советский филателист. 1924. № 5(21). Май. С. 12–14).

В результате ожесточенной закулисной борьбы первоначально победу одержали последние. Пользуясь отсутствием Ф.Г. Чучина, эта группа сумела провести через Малый Совнарком проект создания Российского Бюро филателии (РБФ) как структурного подразделения НКПиТ. Результатом их действий и стало создание 26 сентября 1921 г. данного Бюро, на которое были возложены задачи организации и развития филателии с использованием возможностей почтового ведомства. В круг обязанностей РБФ входило изъятие всего филателистического материала от других ведомств, его классификация и передача ведомствам, осуществлявшим внешнеторговые операции. Бюро должно было следить за исполнением всех государственных распоряжений в области филателии. Кроме того, оно могло принимать участие в подготовке и выпуске знаков почтовой оплаты (Чучин Ф.Г. Ленин и филателия // Советский филателист. 1924. № 3(19). Март. С. 3–5).

Статус РБФ оказался весьма противоречивым. С одной стороны, бюро непосредственно было подотчетно НКПиТ, однако не имело самостоятельного выхода на внешний рынок. Монопольное право ведения всех зарубежных торговых операций принадлежало исключительно Наркомату внешней торговли (НКВТ), которому РБФ должно было передавать весь накопленный коллекционный материал для последующей его реализации на зарубежных филателистических рынках. Однако и руководство РБФ (А.Зискинд), и члены этого Бюро свои прямые обязанности выполняли халатно, а, наоборот, прикрываясь лозунгом пополнения Государственной коллекции, беззастенчиво использовали открывавшиеся возможности для пополнения своих коллекций и открытой спекуляции вразрез с принципом монополии внешней торговли (Шедлинг М. Государственная филателистическая коллекция РСФСР // Советский филателист. 1922. Сентябрь. № 1. С. 8). Неоднократные требования со стороны НКВТ о передаче ему филателистических запасов фактически руководством РБФ игнорировались.

Действия руководства РБФ привели к тому, что постепенно чаша весов начинает склоняться в пользу сторонников твердой мо-

нополии внешней торговли в сфере филателии. В результате в первой половине 1922 г. было проведено межведомственное совещание с участием представителей НКПиТ и НКВТ, итогом которого стало постановление, регулировавшее ввоз и вывоз почтовых марок в пределы и за пределы РСФСР, полностью запретившее РБФ самостоятельно осуществлять какие-либо внешнеторговые операции (Чучин Ф.Г. Филателия и монополия // Советский филателист. 1922. Сентябрь. № 1. С. 5).

Однако это не остановило потока нарушений монополии внешней торговли со стороны РБФ. Потребовалось вмешательство Рабоче-крестьянской инспекции, которая в том же 1922 г. провело широкомасштабную проверку деятельности РБФ, результатом которой стал арест А. Зискинда и предание его суду Ревтрибунала. На пост председателя РБФ был назначен член коллегии НКПиТ А.В. Мусатов (Чучин Ф.Г. Ленин и филателия // Советский филателист. 1924. № 3(19). Март. С. 3–5).

Но смена руководства мало повлияла на характер деятельности РБФ. Последней реальной попыткой отстоять свою позицию в области торговли филателистическими материалами стала работа Бюро в подготовке проекта Устава создававшегося Всероссийского общества филателистов (ВОФ). Этот проект Устава вызвал открытое противодействие со стороны другой государственной организации в области филателии, появление которой во многом было обусловлено обрушившимся на Советскую Россию голодом 1921/1922 гг. (Филателистическая хроника. Общество филателистов в Москве // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь – декабрь. С. 30).

Созданный при ВЦИК координирующий орган по борьбе с голодом – ЦК помощи голодающим (Помгол) – получил от НКВТ право марочной монополии и все накопленные в наркомате запасы филателистического материала, а последний вывел своего представителя из РБФ. 2 апреля 1922 г. ЦК Помгол учредил специальную должность Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей, поручив ему сбор, обработку и реализацию марочных пожертвований и доставшихся от НКВТ филателистических запасов. Окончательное отстранение РБФ от участия в зарубежной филателистической торговле было закреплено постановлением ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 г. Сторонники жесткой монополии внешней торговли в области филателии одержали верх (Чучин Ф.Г. Филателия и монополия // Советский филателист. 1922. Сентябрь. № 1. С. 5;

Он же. Итоги и перспективы // Советский филателист. 1923. № 1-2. Январь – февраль. С. 1–4; Он же. Коллекционирование и этика // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март – апрель. С. 1–5; Он же. Наша годовщина // Советский филателист. 1923. № 9-10. Сентябрь – октябрь. С. 1–6).

Полемика вокруг редакции Устава ВОФ развернулась по поводу возможного или невозможного членства в новой организации представителей марочных фирм, ведущих оптовую торговлю филателистическими материалами, в том числе и за рубежом. В проекте Устава, утвержденного НКПиТ, последние допускались в члены Общества, тогда как позиция Уполномоченного (Ф.Г. Чучина) была жестко противоположной. В итоге Административный отдел НКВД, регистрировавший подобные документы, отклонил предложения РБФ и занял сторону Уполномоченного. В дальнейшем новый Устав ВОФ был утвержден уже в трактовке Уполномоченного (Филателистическая хроника. Общество филателистов в Москве // Советский филателист. 1922. № 3-4. Ноябрь – декабрь. С. 30; Извещение // Советский филателист. 1923. № 3-4. Март – апрель. С. 35).

Судьба РБФ была предreshена, и хотя оно продолжало вяло исполнять свои функции по аккумулярованию почтовых марок, а затем и бон, из недоставленных адресатам почтовых отправлений, с целью их последующей передачи Уполномоченному, ликвидация Бюро было только делом времени. Точка была поставлена, когда летом 1924 г. НКПиТ внес в СНК СССР проект обязательного постановления о ликвидации Российского Бюро филателии и о передаче всех его функций и полномочий организации Уполномоченного по филателии и бонам СССР (Марки с нерозданной корреспонденцией – в ЦК Последгол // Советский филателист. 1923. № 5-6. Май – июнь. С. 46; Официальный отдел. Пересылка по почте бон и дензнаков // Советский филателист. 1924. № 4(20). Апрель. С. 28; Филателистическая хроника. Ликвидация РБФ // Советский филателист. 1924. № 9(25). Сентябрь. С. 25).

**Советские историки
о «торговом капитализме» М.Н. Покровского
в его «Очерке истории русской культуры»**

«Очерк истории русской культуры» был второй научной работой М.Н. Покровского, являвшейся общим курсом истории России. В нём была широко представлена и концепция торгового капитализма. Историки сходятся в том, что именно в «Очерке истории русской культуры» данная концепция присутствовала в большем объёме, нежели в его предшествующей работе – «Русской истории с древнейших времён». И дело здесь не только в количественных показателях. В «Очерке истории русской культуры» концепция торгового капитализма М.Н. Покровского приобрела целостный системный характер. Сам торговый капитализм приобрёл неотъемлемое с этой поры качество сущности русского общества и его развития в XVII–XIX вв. Настоящая работа, разумеется, не предполагает подробного рассмотрения всех аспектов, деталей и нюансов воззрений советских историков по поводу «Очерка истории русской культуры». В центре нашего внимания окажутся, прежде всего, самые общие оценки и выводы авторов. Также речь пойдёт о тех советских историках, которые занимались изучением научных взглядов М.Н. Покровского предметно и специально, в основном в 1960–1970-е гг. И лишь в случае с академиком М.В. Нечкиной хронология отчасти будет нарушена, что, впрочем, имеет очевидное объяснение. К сказанному следует добавить, что в данной работе затрагивается только первая часть «Очерка истории русской культуры».

Итак, весной 1914 г. учёный представил в издательство «Мир» первую часть «Очерка истории русской культуры». «Если в «Истории» предложен аналитический обзор русского исторического процесса в целом, то в «Очерке культуры» Покровский занимается синтезом данных, относящихся к истории отдельных областей культуры, расположенных им в естественной последовательности... При этом он не забывает о взаимосвязи всех этих сторон в истории общества, подчёркивает определяющее значение экономики» (Нардин В.В. Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1.

М., 1970. С. 3206). В «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский изложил те же взгляды, что и в «Русской истории с древнейших времён», но усилил роль торгового капитала и расширил место, отведённое ему в истории России (Найдёнов М.Е. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 54–55). Следовательно, за короткий отрезок времени между написанием этих работ историк качественно не изменил ни свои исторические взгляды, ни свою концепцию. Сам М.Н. Покровский считал, что «Очерк истории русской культуры» – «вполне самостоятельная работа, написанная по совсем иному плану, чем «Русская история», затрагивающая серии фактов, в последнем отсутствующие, и наоборот – не говорящая о многом, что там имеется. Две книги объединяет только одинаковое понимание исторического процесса». Значит, «Очерк истории русской культуры» понадобился учёному как своего рода дополнение к «Русской истории с древнейших времён». Видимо, он считал свою концепцию, изложенную в последней, недостаточно полной и основательной. Не исключено, что жёсткие сроки отправки в печать разделов «Русской истории с древнейших времён» привели к тому, что М.Н. Покровский не успевал внести в эту книгу какие-то принципиально важные для него положения. Кроме того, «Очерк истории русской культуры» предназначался им «для неспециалистов» (Покровский М.Н. Предисловие // Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. М., 1921. С. IV–V), то есть для иной целевой аудитории, нежели «Русская история с древнейших времён». Преемственность двух общих курсов М.Н. Покровского не укрылась и от М.В. Нечкиной, тогда молодого исследователя. М.В. Нечкина подчеркнула, что в «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский выделил с XVII в. капиталистическую стадию развития. Вместе с тем, по её мнению, и в «Русской истории с древнейших времён» учёный также обозначил «буржуазный период» в истории страны (Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 112–113).

Ведущий исследователь творчества М.Н. Покровского в 1960-е годы О.Д. Соколов упрекал его в том, что он превратил торговый капитал в самостоятельную силу, в петровскую эпоху – даже в господствующую, XVII веком заканчивая развитие феодализма. Также О.Д. Соколов перечислил те элементы хозяйственной и социальной эволюции, которые в построениях М.Н. Покровского были связаны с рынком (Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая

наука. М., 1970. С. 147, 148, 150). Примечательно, что исследователи творчества М.Н. Покровского, в видах осуждения его концепции торгового капитализма, выбирали из работ учёного, допустим, понятие «торговый капитал» и дальше констатировали, что он у М.Н. Покровского что-то породил, предопределил и т. п. При этом не учитывался системный характер торгового капитализма в изображении М.Н. Покровского, сочетание в его рамках и в связи с ним производства и обмена, базиса и надстройки, влияние разных элементов, подсистем, конкретных состояний торгового капитализма на рассматриваемое историческое событие. Полагая, что оппонировать М.Н. Покровскому, историки ссылались на первичность способа производства, на господство феодальных отношений и т. п., что подчёркивало не экономический материализм М.Н. Покровского, а их собственное в ряде случаев ограниченное, одностороннее понимание и сущности, и содержания концепции учёного. Например, если мы признаём преобладание феодальных отношений в России XVII в., то означает ли это, что выводы М.Н. Покровского о характере, уровне, параметрах экономического развития страны в XVII в. неверны? Если М.Н. Покровский писал о торговом капитале, обеспечивавшем связь хозяйства с рынком, означает ли это, что, по М.Н. Покровскому, производственные отношения в нём качественно изменились, то есть, перестали быть феодальными, а товарное хозяйство непременно преобладало? Вряд ли стоит тратить силы и время на доказательство того, что взгляды М.Н. Покровского на торговый капитализм в интерпретации его оппонентов должны быть хотя бы адекватны этим взглядам с учётом всей их совокупности и сложности.

Историк В.В. Нардин в своей диссертации полагал, что М.Н. Покровский и в «Очерке истории русской культуры» уделит большое внимание не только факторам обмена, но и факторам производства: «переворот» в технике земледелия, мелкие местные рынки, товаризация хозяйства (Нардин В.В. Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 1970. С. 248–249, 251, 253, 255–257). В.В. Нардин попытался также определиться с различиями во взглядах М.Н. Покровского, изложенными в «Русской истории с древнейших времён» и в «Очерке истории русской культуры». Во втором случае, по мнению В.В. Нардина, М.Н. Покровский упустил в своей схеме феодализм, ибо согласно ей между аристократией и купечеством с одной стороны и непосредственными производителями с другой не сложились производственные отношения фео-

дального типа, а классовое общество сформировалось на основе выделения ремесла, то есть, общественного разделения труда. Однако, по мнению М.Н. Покровского, этап городского ремесла в России по существу так и не реализовался, ибо началась эпоха торгового капитала. В «Русской истории с древнейших времён» у М.Н. Покровского, по В.В. Нардину, на месте этой эпохи был феодализм, элементами которого были класс феодалов, феодальная монархия, крепостничество и т. п. Следует отметить, что все эти элементы присутствовали и в «Очерке истории русской культуры», да и в «Русской истории с древнейших времён» речь шла не только о производстве, феодалах и т. п., но и о торговом капитализме, а в том, что касается XVI–XVII вв. не менее ярко, чем в «Очерке истории русской культуры». В данном случае В.В. Нардин исходил из того, что феодализм и торговый капитализм для М.Н. Покровского суть противоположности (Нардин В.В. Вопросы истории средневековой России в трудах В.О. Ключевского и М.Н. Покровского // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 128–131). Между тем, с точки зрения М.Н. Покровского, торговый капитализм не только сменял, но даже уничтожал старые формы феодализма, продвигая на авансцену истории крепостничество. К этому можно добавить и противоречия между государственными и негосударственными тенденциями и формами торгового капитализма, что не исключало их поступательной эволюции. Историк О.Д. Соколов справедливо полагал, что в «Очерке истории русской культуры» торговый капитализм представлял собой стадию экономического развития, основным производственным элементом которой были помещичьи хозяйства, а надстройкой – бюрократическая монархия. Причём, по его мнению, крепостное право рассматривалось М.Н. Покровским как рыночное явление, использовавшееся торговым капиталом (Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 147, 148, 150).

Применительно к истории России XVIII – середины XIX вв. в «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский чётко обосновал соотношение между внутренней и внешней торговлей, связь между помещиком и купцом в рамках торгового капитализма. Крепостничество было объявлено производственной базой торгового капитализма. Историк предостерег против её модернизации (перенесения хозяйственных форм пореформенной России, даже и некапиталистических, на более ранние периоды её истории). В «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский отметил наличие двух

тенденций развития промышленности, обнаруживших себя уже с XVII в., «приблизил» развитие промышленного капитализма к началу XIX в., показал наличие капиталистического уклада и его генезис в промышленности в XVIII в., влияние континентальной блокады на рост промышленного капитализма, слабость процесса первоначального накопления капитала в России к 1861 г. И всё это на фоне принципиально неизменного с точки зрения производственных отношений крепостничества.

Рассматривая «Очерк истории русской культуры» М.Н. Покровского, М.В. Нечкина не обнаружила в нём существенных расхождений с «Русской историей с древнейших времён». Её не насторожило освещение в нём целой эпохи торгового капитализма. Отступление в «Очерке истории русской культуры» от прежней периодизации истории России она отнесла на счёт иного принципа строения работы (изучение процессов, а не результатов) и не принимала его за свидетельство известных теоретических колебаний М.Н. Покровского (Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 112–113). М.Е. Найдёнов полагал, что в «Очерке истории русской культуры» его автор изложил те же взгляды, что и в «Русской истории с древнейших времён», однако усилил роль торгового капитала и отвёл ему большее место в историческом процессе (Найдёнов М.Е. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 54–55). А.Л. Шапиро, напротив, считал, что как раз в «Очерке истории русской культуры» торговый капитал у М.Н. Покровского стал двигателем исторического процесса. В «Русской истории с древнейших времён» он не был доведён до этой стадии (Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 198–201). Е.А. Луцкий позитивно оценивал «Очерк истории русской культуры». Он считал, что в этом исследовании историю общества определяла смена систем производства, были показаны образование и развитие классов, взаимосвязь базиса и надстройки, так сказать, в духе марксистской социологии. Интересно, что в отношении торгового капитализма критике Е.А. Луцкого подверглась как раз «Русская история с древнейших времён» (Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 350–352). О.Д. Соколов расценил «Очерк истории русской культуры» как шаг назад в сравнении с «Русской историей с древнейших времён». Вместе с тем, суждение М.Н. Покровского о том, что «обе книги объединяет одинаковое по-

нимание русского исторического процесса» не вызвало у него возражений (Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 104, 143, 144). По мнению А.А. Сидоренко, в «Очерке истории русской культуры» «знаменитая концепция Покровского» начала складываться «в стройную систему», хотя основные её элементы были известны учёному и ранее (Сидоренко А.А. Научно-историческая и политическая деятельность М.Н. Покровского. Дооктябрьский период: дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 336).

Как полагал В.В. Нардин, «Очерк истории русской культуры» явился качественно новым этапом в развитии исторических взглядов М.Н. Покровского. Хотя даже если учесть изучение самим В.В. Нардиным конкретных положений этого исследования М.Н. Покровского, перед нами предстаёт достаточно сложная картина, может быть, и сводимая к торговому капитализму, но не к одному только торговому капиталу. В.В. Нардин, конечно, оправданно сосредоточил своё внимание на специфике «Очерка истории русской культуры», но из его интерпретации взглядов М.Н. Покровского не видно, что в этой работе учёный создал именно новую концепцию истории России.

В.В. Нардин обвинил М.Н. Покровского в том, что в его концепции сущность торгового капитала оставалась неизменной, что предопределило статичность надстройки, например, в лице абсолютной монархии. Хотелось бы высказать ряд замечаний по этому поводу. Во-первых, если речь идёт о сущности торгового капитала, то она и должна оставаться неизменной. Во-вторых, если мы признаём наличие феодализма в России XV–XIX вв., то, по логике В.В. Нардина, получается, что система становится ещё более статичной, чем в схеме М.Н. Покровского. В-третьих, В.В. Нардин недооценил фактор эволюции торгового капитализма в концепции М.Н. Покровского. Очевидно, что форма правления в России и в XVII, и в XIX в. была самодержавной, однако это не означает, что экономическая основа, устройство, сфера применения государственной власти оставались неизменными. Впрочем, различия здесь не носили революционного характера. Как считал В.В. Нардин, М.Н. Покровский связывал понятие «класс» не только с производством, но и с обменом. Здесь следует напомнить, что именно при капитализме производство товаров, а, следовательно, и обмен ими, приобрели всеобъемлющий характер, капитализм немыслим без рынка товаров для капиталистической промышленности. Выделяя и торговый, и промышленный капитализм, М.Н. Покровский отмечал, что товарное хозяйство может принадле-

жать к различным типам экономической организации: от дворянского поместья XVI в. до капиталистической фабрики XIX в.

В.В. Нардин соглашался с выдающейся ролью обмена и торгового капитала в мировой истории. Однако М.Н. Покровский, по его мнению, гипертрофировал социально-политическую функцию торгового капитала. В тоже время В.В. Нардин полагал, что у М.Н. Покровского «сам по себе торговый капитал... не ведёт к перевороту в производстве: промышленный капитал вырастает рядом с ним и революционизирует отношения». Из этого утверждения В.В. Нардина следуют, по крайней мере, два вывода: 1) торговый капитализм в интерпретации М.Н. Покровского не являлся формацией; 2) преувеличение М.Н. Покровским роли торгового капитала было количественным, а не качественным. В.В. Нардин утверждал, что в концепции М.Н. Покровского ещё в XVI в. «торговый капитал ставит крепостное хозяйство на место патриархального феодального», а «второе издание» крепостничества и денежный оброк были торгово-капиталистическими явлениями. В этом случае В.В. Нардин просто посетовал, что у М.Н. Покровского торговый капитализм почему-то не совпадает с торговым капиталом. Следует отметить, что, отвергая торговый капитализм как целое, В.В. Нардин достаточно благожелательно относился к изучению М.Н. Покровским определённых этапов и проблем истории России с этих позиций. Поэтому концептуальная разница между «Русской историей с древнейших времён» и «Очерком истории русской культуры» свелась у В.В. Нардина к периодизации русской истории. На основании чего В.В. Нардин упорно настаивал на том, что «Очерк истории русской культуры» в теоретическом отношении проигрывал «Русской истории с древнейших времён». Иными словами М.Н. Покровский сошёл с дороги, ведущей к формационной схеме, на обочину экономического материализма. Также В.В. Нардин уверял, что учёный игнорировал понятие «способ производства» и всё подчинил эволюции обмена (Нардин В.В. Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 1970. С. 268, 270, 271, 276, 277). Эти высказывания настолько расходятся с фактами, многократно приводившимися самим В.В. Нардиным, что ничего кроме удивления не вызывают.

В «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский сделал акцент на вопросах обобщающего, теоретического характера. Меньшее место в нём заняли отдельные события русской истории и большее – крупные исторические процессы. Она была дана в этом

произведении в уменьшенном масштабе, когда детали отходят на второй план, а исторический процесс и его основные составляющие предстают в широких исторических обобщениях. На наш взгляд «Очерк истории русской культуры» выступал в качестве дополнения и разъяснения положений и выводов «Русской истории с древнейших времён». Мы не обнаружили никаких свидетельств того, что М.Н. Покровский отошёл от той концепции, которой он придерживался в последней. С другой стороны, в «Очерке истории русской культуры», конечно же, торговый капитализм был представлен с большей определённой, чем когда-либо ранее. Элементы русской истории, ранее остававшиеся разрозненными, теперь были собраны воедино, сконцентрированы, синтезированы в «торговый капитализм», получили должное терминологическое оформление. Учёный в этом произведении выделил фазу торгового капитализма в истории России XVII–XIX вв. Фрагменты торгового капитализма были включены в определённую систему и процесс, представлявшие собой динамическую сторону нового русского феодализма, который отражал сочетание позднего феодализма с ранними этапами генезиса капитализма. В «Очерке истории русской культуры» были установлены параметры использования концепции торгового капитализма для объяснения истории России и определено место в ней торгового капитализма.

Взгляды советских историков на концепцию торгового капитализма М.Н. Покровского в его «Очерке истории русской культуры» оставляют противоречивое впечатление. Они не смогли доказать, что торговый капитализм у М.Н. Покровского являлся формацией, качественно отличной от феодализма. Вне этого претензии к концепции М.Н. Покровского носили количественный характер в духе «преувеличил-недооценил». Более того, когда советские историки пытались вникнуть в сущность концепции торгового капитализма или разбирали что-нибудь торгово-капиталистическое более подробно, их суждения о ней принимали «оправдательный» характер.

**Кодификация российского
налогового законодательства в конце XX в.:
историко-правовой аспект**

В середине 1990-х гг. рассматривались два основных варианта реформирования российского налогового законодательства: внесение изменений в Закон РФ «Об основах налоговой системы» или принятие Налогового кодекса. Существовало мнение, что этот процесс мог бы идти постепенно, путем совершенствования уже принятых налоговых законов. Однако Правительство РФ избрало более радикальный способ и внесло в Государственную Думу РФ проект Налогового кодекса, который состоял из четырех частей. Первая, «Общая часть», должна была заложить правовой фундамент налоговых отношений, определить основы процесса налогообложения (была представлена в Государственную Думу 2 февраля 1996 г.). Последующие три части – «Федеральные налоги», «Региональные налоги» и «Местные налоги» были посвящены конкретному порядку налогообложения по всем федеральным налогам и сборам, а также принципам налогообложения по региональным и местным налогам и сборам (были внесены на рассмотрение Государственной Думы 30 апреля 1997 г.). Разработка этого варианта проекта Налогового кодекса осуществлялась группой специалистов под руководством заместителя министра финансов С.Д. Шаталова.

Следует отметить, что идея кодификации налогового законодательства подвергалась критике со стороны некоторых ученых и практикующих юристов (см., например: Брызгалин А.В. О кодификации налогового законодательства в современных условиях // *Хозяйство и право*. 1997. № 4. С. 72–78). Так, по мнению заслуженного юриста России В.И. Слома, принятие Налогового кодекса «должно не предшествовать налоговым реформам, как утверждает в президентском Послании Федеральному Собранию, а завершать эту реформу» (Каким быть Налоговому кодексу // *Юридический мир*. 1996. № 10. С. 11). С этим трудно не согласиться, поскольку кодификация фактически завершает процесс становления относительно самостоятельной отрасли права, тогда как место налогового права в правовой системе

России на момент разработки и принятия Налогового кодекса еще не было определено, и вопрос о соотношении налогового права с другими отраслями оставался дискуссионным (Брызгалин А.В., Кудреватых С.А. К вопросу о формировании налогового права как подотрасли права // Государство и право. 2000. № 6. С. 61–67).

Тем не менее, авторы проекта Налогового кодекса не просто провозгласили тезис о самостоятельности налогового права как отрасли права, но и сформулировали в качестве одной из задач принятия этого глобального документа: «создание самостоятельного налогового права в России, отличного от других отраслей права» (Налоговый кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. М., 1996. С. 310). Таким образом, игнорировалась необходимость естественного объективного внутреннего развития системы законодательства и теории налогового права, результатом которого и является кодификация. Впрочем, разработчики проекта вкладывали в понятие «самостоятельная отрасль права» свое содержание. В результате получилось настолько «отдельно», что для того, чтобы Кодекс в своем первоначальном варианте начал работать, впору было бы переписывать остальные законы и кодексы.

Так, понятийный аппарат проекта не соответствовал уже действовавшим правовым актам, прежде всего – Гражданскому кодексу РФ. Образно говоря, экономическая и налоговая «конституции» страны были написаны как бы на разных языках. В частности, в Гражданском кодексе идет речь о коммерческой деятельности, о коммерческих и некоммерческих организациях. А в «Общей части» проекта Налогового кодекса вместо понятия «коммерческая деятельность» вводилось понятие «экономическая деятельность», которое, естественно, не совпадало с первым. Дело дошло до того, что разработчики проекта Налогового кодекса пытались дать новое определение даже понятию «физическое лицо».

Свое стремление максимально изолировать налоговое законодательство от других отраслей права создатели проекта аргументировали следующим образом: нормы гражданского права не применяются к налоговым правоотношениям, следовательно, нормы налогового права применяются без учета требований Гражданского кодекса. Тот факт, что любой кодекс как высшая юридическая форма нормативного правового документа должен быть органично и непротиворечиво связан с другими отраслями законодательства, при этом не учитывался.

Сама возможность создания работоспособного Налогового кодекса по истечении едва ли пяти лет после появления первых российских налоговых законов, вызывала объективные сомнения. Такие сомнения были тем более оправданы, поскольку основной целью принятия Кодекса разработчики проекта предполагали «повышение собираемости налоговых платежей при сокращении налогового бремени», а не унификацию и систематизацию существующих законодательных норм, что с общетеоретической точки зрения противоречит самому значению термина «кодификация». Общеизвестно, что основными задачами любой кодификации как одной из форм систематизации законодательства, являются: переработка действующих правовых норм, устранение дублирующих правовых норм, несогласованностей и противоречий правового регулирования, восполнение пробелов нормативно-правового регулирования и отмена устаревших правовых норм в целях обеспечения единства правового регулирования.

Необходимо также отметить, что налоговый опыт страны до 1992 г. практически отсутствовал и нормотворчество в этой области носило во многом экспериментальный характер.

Сказанное выше определило нелегкую судьбу проекта Налогового кодекса в Федеральном Собрании, равно как и многочисленные технико-юридические недостатки проекта, в частности: чрезмерно большой объем (более 1000 статей), надуманность многих положений и разделов, и т. д. Слабость юридической проработки документа была во многом обусловлена тем, что его созданием занимались главным образом специалисты в области финансов, бухгалтерии и аудита. Среди разработчиков первого варианта проекта не было ни одного специалиста, знающего тонкости законотворчества, умеющего формулировать правовую норму и перспективу ее реализации. Неизбежным следствием этого стали правовая безграмотность проекта и нарушения законодательной техники.

Например, в своем первоначальном варианте Налоговый кодекс относил к числу налогоплательщиков филиалы, структурные подразделения юридических лиц, имеющие обособленный баланс и собственный счет в банке. Но для любого юриста очевидно, что филиал юридического лица не обладает правосубъектностью, не совершает самостоятельно сделок и не имеет собственности и прибыли, с которых взимаются налоги.

Некоторые «нововведения», привнесенные авторами проекта в законодательный процесс, заслуживают особого внимания. Прежде

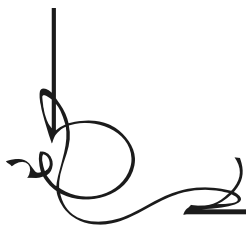
всего, это введение в текст закона так называемых «резервных» статей, т. е. просто обозначенных номерами и не содержащих никакого теста. Чем руководствовались разработчики проекта, оставляя после главы 7 три «резервные» статьи, после главы 64 – ни одной, а после главы 20 – десять, неизвестно, как и то, кем, по замыслу авторов, если не ими же, эти статьи могли быть заполнены. Сюда же можно отнести «изобретательство» причудливых и нелепых терминов, несовместимых с требованиями законодательной техники и правотворчества. Так, например, в статье 36 проекта имелся пункт 3 следующего содержания: «Дочерние предприятия одного материнского предприятия признаются по отношению друг к другу сестринскими предприятиями. При этом признание предприятий сестринскими не означает, что отношения между ними не могут быть квалифицированы как отношения между материнским и дочерним предприятием». Как справедливо заметила начальник одной из московских налоговых инспекций на состоявшейся в Москве 18 июня 1997 г. конференции, посвященной проблемам Налогового кодекса, «такое количество родственных терминов наводит на мысль, что нам предлагается новая редакция Семейного кодекса» (Специалисты налоговых органов о проекте Налогового кодекса // Юридический мир. 1997. № 8. С. 9).

Не удивительно, что в первоначальной редакции Налоговый кодекс подвергся резкой критике. Все претензии перечислить просто невозможно. Не подвергались критике разве что «резервные» статьи.

Впрочем, согласование Налогового кодекса с общественностью и специалистами не ограничилось его обсуждением в периодической печати и проведением традиционных конференций. В 1997 г. по поручению правового управления Государственной Думы на сервере компании «Гарант-Сервис» был дан старт интерактивной конференции по обсуждению проекта Налогового кодекса. Доступ к участию к ней был свободный, все желающие могли посмотреть полный текст документа на веб-сайте www.garant.ru и направить свои замечания по адресу project@garant.ru с пометкой «Ваш голос в Госдуме». Таким образом, проект Налогового кодекса стал одним из первых официальных документов, по отношению к которому был применен такой новый и достаточно прогрессивный метод привлечения широкой общественности к осуществлению кодификации в форме интерактивного обсуждения, главным достоинством которого является его большая доступность по сравнению с другими, традиционными способами профессионального общения юристов.

Проект «Общей части» Налогового кодекса был принят Государственной Думой в первом чтении 19 июня 1997 г. и отозван Президентом Российской Федерации 21 октября 1997 г. Второй вариант документа был внесен в Государственную Думу Правительством РФ 31 января 1998 г. Всего было представлено более десятка законопроектов, которые условно можно разделить на две большие группы. К первой группе можно отнести те из них, которые представляют собой попытку совершенствования и кодификации действующего налогового законодательства и подзаконных актов. Во вторую группу вошли проекты, коренным образом изменяющие налоговую систему России (Пансков В.Г. О некоторых проблемах Налогового кодекса // Финансы. 1998. № 4. С. 26). Правительственный вариант относился к первой группе, руководил его разработкой заместитель министра финансов М.А. Моторин. Впоследствии части третья и четвертая были консолидированы во вторую часть. Однако, в окончательном виде была принята только первая часть Налогового кодекса. Вторая часть, как и предполагалось, принималась в виде отдельных глав.

Как показало дальнейшее развитие событий, Налоговый кодекс на момент его принятия не решил всех поставленных перед ним задач, а низкий уровень законодательной техники пришлось компенсировать последующим внесением изменений и дополнений. Так, часть первая Кодекса, едва вступив в силу, была подвергнута весьма существенной корректировке. Аналогичная ситуация сложилась и с отдельно принятыми главами части второй Кодекса – не успели они начать действовать, как к ним были подготовлены поправки. На кодификацию налогового законодательства возлагались большие надежды, не все из которых оправдались. Связано это прежде всего с тем, что кодификация сама по себе – не панацея от экономических, политических и социальных проблем, это лишь один из способов систематизации правовых норм.

Секция
ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ
И АРХИВОВЕДЕНИЯ

О.В. Ищенко, А.В. Неверов
Сургут, госуниверситет

***К вопросу о специфике мемуаров
как источников личного происхождения***

Серьезные методологические изменения, произошедшие в отечественной исторической науке на рубеже XX–XXI вв., обусловили возрастание интереса исследователей к роли личности в историческом процессе. В связи с этим в последние десятилетия гораздо большее внимание стало уделяться изучению мемуарной литературы, представляющей собой довольно своеобразный исторический источник. Мемуары соединяют важные события с мелкими подробностями повседневной жизни, при этом они не тождественны ни автобиографии, ни хронике событий. Мемуарист пытается осмыслить исторический контекст собственной жизни, описывая свои действия как часть общего исторического процесса. Важная особенность мемуаров заключается в установке на «документальный» характер текста, претендующего на достоверность воссоздаваемого прошлого. Мемуары в полной мере являются субъективным источником, поскольку описываемые события преломляются в них через призму сознания автора, однако их нельзя лишать и объективного смысла, так как в мемуарах отражена степень осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2004. С. 467).

Согласно общепринятой точке зрения, мемуары входят в число источников личного происхождения, но вопрос о составе и характеристиках этих источников в исторической науке остается по-преж-

нему дискуссионным. Так, по мнению коллектива авторов учебника под редакцией И.Н. Данилевского, источники личного происхождения представляют собой группу видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэволюционном целом и автокоммуникации. В этом контексте к источникам личного происхождения отнесены дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары – «современные истории», эссеистика, исповеди (Там же. С. 466).

Известный историк Л.Н. Пушкарев, давая видовую классификацию источников, относит к виду исторически сложившуюся группу источников, которые имеют устойчивые общие признаки формы и содержания, возникшие и закрепившиеся в силу общности их социальных функций. В этом контексте он определяет источники личного происхождения как документы, фиксирующие личные впечатления современников, которые, в свою очередь, включают мемуары, дневники и переписку (Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 95, 267).

Историк права С.В. Кодан рассматривает источники личного происхождения как письменные исторические источники, которые отражают личностное восприятие произошедших событий и фиксируют их на документально-субъективном уровне в различной форме, отражая прошедшую через память информацию о прошлом с учетом личного опыта и социально-коммуникационных связей автора. В их число исследователь включает дневники, частную переписку, мемуары и сказания иностранцев (Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. 2014. № 3. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html#11).

Таким образом, сравнение нескольких точек зрения на содержание источников личного происхождения позволяет выявить как общие, так и не совпадающие позиции. В частности, не все исследователи выделяют в числе источников личного происхождения эссеистику, сказания иностранцев, исповеди. Однако мемуары, дневники и эпистолярные источники однозначно признаются всеми исследователями в качестве источников личного происхождения. Но и в этом отношении существуют определенные трудности. Одной из главных проблем является интерпретация самого термина «мемуары», который часто используется не только самостоятельно, но и как синоним

к слову «воспоминания». Отсюда следует как расширительное, так и более узкое толкование данного термина, что, в конечном итоге, влияет на состав текстов, включаемых в раздел мемуарной литературы. Для того, чтобы подробнее рассмотреть данную терминологию, следует обратиться к мнениям ряда историков-специалистов.

А.Г. Тартаковский, один из крупнейших советских и российских исследователей мемуаристики, считал, что мемуары – это повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора (Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 22–23). В «Словаре» Брокгауза и Ефрона сказано, что мемуары – это повествования о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://slovar.cc/enc/brokhauzeffron2/1914715.html>). Коллектив авторов учебника по источниковедению под редакцией И.Н. Данилевского, в отличие от традиционного в отечественной историографии понимания мемуаристики, где мемуары не разделяются на разновидности, предложил два вида мемуаров: 1) мемуары-автобиографии – вид источников личного происхождения, целью которых является установление вторичных связей мемуариста в эволюционном целом; 2) мемуары – «современные истории», целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий для передачи их в эволюционном целом (Источниковедение: Теория. История. Метод... С. 466–467). Таким образом, мемуары представляют собой некое литературное произведение, которое написано участником либо очевидцем событий через малый или большой промежуток времени.

Исследователь Л.И. Деревнина считает, что мемуары в широком смысле слова включают в себя дневники и воспоминания (Деревнина Л.И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 36 – 38). Эту точку зрения поддержала и С.В. Житомирская. Включая дневники в состав мемуаров, С.В. Житомирская тем не менее считает, что дневники все же отличаются от мемуаров приемами создания и структурой, а их близость к воспоминаниям объясняется тем, что фиксация в тексте событий сегодняшнего дня – это тоже воспоминание о них, основанное на памяти, пусть даже и после относительно небольшого промежутка времени. Воспоминания, по ее мнению, – это цельное, подчиненное общему замыслу произведение, еди-

ный связный текст, всегда написанный позже того времени, о котором пишет автор. Дневник же представляет собой отрывочные, часто не связанные между собой записи, которые ведутся изо дня в день, либо с промежутками, иногда весьма значительными, но всегда синхронно событиям. Однако заметным сходство воспоминаний и дневников становится в случае переноса на страницы последних размышлений автора о событиях его жизни, произошедших некоторое время назад. Кроме того, С.В. Житомирская утверждает, что дневники впоследствии могут стать частью воспоминаний (Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 43).

Дискуссию относительно включения дневников в разряд мемуарной литературы в разное время поддерживали многие исследователи, приводя различные аргументы в подтверждение своей точки зрения. Так, Л.И. Деревнина считает, что воспоминания и дневники являются записями, описаниями событий и переживаний, которые основаны главным образом на памяти, и в этом их общий признак (Деревнина Л.И. Указ. соч. С. 34). Похожая точка зрения высказывалась и А.С. Маджаровым, писавшим о том, что и в дневниках, и в воспоминаниях автор передает личный опыт (Маджаров А.С. К вопросу о классификации мемуаров по истории КПСС // Вестник ЛГУ. 1976. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 43). В этом отношении, пожалуй, стоит согласиться с мнением А.Е. Чекуновой о сложности разграничения дневников и воспоминаний, поскольку мемуары всегда были тесно связаны с дневниками, которые часто служили основой для составления воспоминаний, а иногда и наоборот – воспоминания переходили в регулярные дневниковые записи (Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. М., 1995. С. 3).

Один из главных исследователей отечественной мемуаристики А.Г. Тартаковский, признавая дневник первичной формой фиксации информации, а воспоминания – более сложной, тем не менее включал их в общую группу (Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 8). И.Л. Сиротина выделяла в составе мемуаров особые подгруппы, относя к ним мемуары-летописи, то есть произведения, созданные непосредственно вслед за событиями по первоначальным впечатлениям, и мемуары-воспоминания – записанные по памяти тексты. По мнению И.Л. Сиротиной, главным критерием такого выделения является наличие временного промежутка: дневники практически не имеют

разрыва между описываемыми событиями и написанием произведения, воспоминания же пишутся зачастую спустя годы (Сиротина И.Л. Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в.: материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Вып. 12. С. 228).

С.С. Дмитриев вводит другой принцип разграничения дневников и воспоминаний, утверждая, что воспоминания пишутся с прицелом на читателей, а дневникам присущ сугубо индивидуальный, доверительный характер (Дмитриев С.С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 393). Исследователь А.Е. Чекунова считает, что дневники фиксируют настоящее, воспоминания – прошлое. Кроме того, воспоминания – это цельное произведение, с ярко выраженной композицией и написанное единовременно (Чекунова А.Е. Указ. соч. С. 3–4). А.Г. Голиков и Т.А. Круглова, разделяя воспоминания, письма и дневники, утверждают, что, в отличие от дневников и частных писем, основой для написания воспоминаний является память и жизненный опыт автора, т. е. их содержание определяется индивидуальными особенностями долговременной памяти. Кроме того, воспоминания изначально ориентированы на то, что они будут прочитаны неизвестными автору читателями (Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2008. С. 2; они же. Методика работы с историческими источниками. М., 2014. С. 80 – 81).

Наличие в современной исторической литературе различных точек зрения на состав и классификацию источников личного происхождения заставляет исследователей четко определить свое отношение к этому вопросу, связав определенный вариант выделения указанных источников со спецификой изучаемого материала. Так, например, в монографии Н.П. Матхановой (Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010) вполне обоснованно за основу взята классификация С.В. Житомирской, которая употребляет термин мемуары как собирательный, относя к ним и дневники, и воспоминания. В данной монографии дана комплексная характеристика сибирских мемуаров, созданных в течение XIX в. Учитывая, что сибирская мемуаристика представлена воспоминаниями, дневниками и путевыми записками, автор выбрала наиболее подходящую для данного материала классификацию.

Кроме того, включение в состав мемуаров дневников во многом обусловлено немногочисленностью указанных произведений, что не

позволяет использовать их в исследованиях в качестве основного источника информации. Данное заключение вполне подходит и для характеристики обширного мемуарного комплекса, касающегося царствования императора Павла I. Из общего количества не менее 45 выявленных на сегодняшний день текстов, лишь 2 из них представляют собой дневниковые записи. Невозможность обоснования научных выводов на столь кратком материале еще раз подтверждает необходимость объединения воспоминаний и дневников в общую группу мемуарной литературы (Ищенко О.В., Неверов А.В. Отечественные мемуары второй половины XVIII–XIX в. как исторический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (68). Ч. 1. С. 83).

Таким образом, по нашему мнению, под мемуарами следует понимать авторские тексты, повествующие о людях и событиях современной автору эпохи, обусловленные спецификой личности и жизненного опыта их создателя и отражающие состояние общественного сознания в момент их написания. Вопрос же включения в состав мемуаров не только воспоминаний, но и дневников, может быть решен по-разному, в зависимости от авторской позиции, обусловленной спецификой изучаемого материала.

***Мемуары Л.Н. Энгельгардта о порядках
в русской армии в царствование Екатерины II***

Лев Николаевич Энгельгардт прожил жизнь заурядную, в которой не было ни подвигов на поле брани, ни актов гражданского мужества, ни, хотя бы, решительных, с большими последствиями, поступков. Он родился 10 февраля 1766 г. Родитель его, Николай Богданович, был человеком скромного происхождения и скромного достатка, имел лишь 80 душ крепостных, но удачная женитьба (супруга в качестве приданого принесла мужу 700 душ) и беспорочная служба (вершина его карьеры – должность вице-губернатора в Могилеве) позволили ему обеспечить Льву необходимые условия для «карьеры и фортуны». Впрочем, до восьми лет мальчик жил у бабушки, Н.Ф. Бутурлиной. Она и обеспечила внуку отменное телесное здоровье, не напрягая его учением. По признанию Льва Николаевича, она сама едва ли владела грамотой.

Возвращенный к отцу, мальчик был отдан в учение дьячку униатской церкви, затем отставному поручику, усилия которых пропали втуне «по тупоумию и лености ученика», то есть самого Л.Н. Энгельгардта. Мемуарист вообще был нелестного мнения о своих талантах и успехах в детстве (Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 17, 18). Если пытаться провести литературные аналогии (прием не нов в историографии), то юный Лев соединял в себе качества бессмертного фонвизинского Митрофанушки и пушкинского Петруши Гринёва. Правда, на год его поместили в пансион Эллерта в Смоленске. Эллерт прививал воспитанникам не столько знания, сколько послушание. За малейшие проступки дворянских недорослей секли без всякой пощады и розгами, и плетью, и деревянными лопатками, ставили на колени на три или четыре часа и проч. Юного Энгельгардта наказывали едва ли не ежедневно. Учение и воспитание, основанные на побоях, неожиданно принесли результат. Мальчик успешно овладел арифметикой и геометрией, отличался в фехтовании, был успешен на уроках французского, преуспел в танцах, что позволило ему стать желанным кавалером на уездных балах и поражать всех своей ученостью,

то есть умением бойко говорить обо всем («как попугай», уточнил мемуарист), при этом ничего не понимая и быстро все забывая. Между тем, год обучения в пансионе Эллерта стоил родителям 100 руб. В конце жизни, при написании мемуаров, Энгельгардт благословил свое учение и воспитание, пропев осанну телесным наказаниям. Главное их достоинство, по мысли автора, есть приноровленность к жизни. Воистину, в эпоху поборницы просвещения Екатерины II никто и не ждал другого качества в образовании дворянина. Такого рода воспитание в глазах Энгельгардта имело еще одно весомое достоинство – дети «с юности попривыкали даже к несправедливостям» (Там же. С. 19).

Итак, юный Лев готов к службе. В тринадцать лет он назначается аудитором, то есть чиновником с военно-судебными функциями, в Белорусский гусарский полк, что предполагало офицерский чин. С этого и началась армейская карьера Л.Н. Энгельгардта. Однако ему повезло – полк под свое командование принял В.В. Энгельгардт, которому Лев доводился внучатым племянником, а сам Василий Васильевич почитался племянником светлейшего князя Г.А. Потемкина. Родственные связи обеспечили Льву перевод в гвардейский Преображенский полк сержантом, причем в числе служащих, а не недорослей. Остановимся на этом эпизоде в военной службе 13-летнего Энгельгардта. Быть в числе служащих и быть в числе недорослей на службе – разница колоссальная. Сам мемуарист объяснял ее так: все дворяне мечтали записать своих отпрысков в гвардию, но, если не было надлежащих связей, дитяню в гвардейский полк записывали недорослем. Это означало, что они не получали жалованья, им не шли чины, награды и прочие отличия – они именно числились. Записанные же, подобно Льву Николаевичу, в службу, также реально не служа, все это получали, начиная с чина капрала, унтер-офицера или сержанта. «Гвардии сержант» даже в пушкинскую эпоху выступает как великосветский повеса. Матушка пушкинской Татьяны Лариной была в девичестве влюблена в такого. «Сей Грандисон был славный франт. Игрок и гвардии сержант». По признанию Льва Николаевича, в одном Преображенском полку таких сержантов было более тысячи человек, а недорослям не было и счёту (Там же. С. 20). Другой мемуарист, А.Т. Болотов, полагал, что таких мнимых сержантов, «набившихся в гвардию», было не менее 20 тыс. человек.

Сержант гвардии, подобный Л.Н. Энгельгардту, получал паспорт, то есть увольнительную от службы, считался в отпуске для окон-

чания наук. Юный Лев учился в кадетском корпусе, учрежденном в Шклове экс-фаворитом Екатерины II генерал-майором С.Г. Зоричем, целый год, а потом отдан был в учение обер-квартирмейстеру М.М. Щелину в Оршу для обучения «практической геометрии и геодезии». На этом, по признанию мемуариста, закончилось его воспитание и образование.

С июля 1783 г. началась служба Л.Н. Энгельгардта в различных армейских полках, что позволило ему узнать и понять военную службу до тонкостей, до нюансов. Он, что называется, тянул лямку, но вот понюхать пороху Энгельгардту удавалось редко. Он если и был в действующей армии, непосредственно в сражениях участия фактически не принимал, подобно толстовским Бергу или Друбецкому, дослужился до чина премьер-майора да получил «одобрительный лист». Лишь за взятие Варшавы ему, наряду с прочими, пожаловали золотую шпагу, орден и чин подполковника. Ключевое понятие здесь – «наряду со всеми», то есть все получили, и он получил – не за подвиг, не за отличие, а за участие. Настоящие чины пошли с Павла. Государь сделал его полковником, командиром Уфимского полка, пожаловал шпагу с аннинским крестом, потом чин генерал-майора. Позднее Энгельгардт стал командором ордена св. Иоанна Иерусалимского, что приносило тысячу руб. годового дохода. 13 ноября 1799 г. он вышел по прошению в отставку с правом ношения мундира и приличной пенсии. Жил на Москве и в подмосковном имении частным образом, счастливо женился, нажил в браке сына и четырех дочерей. Одна из них, Анастасия, – супруга поэта Е.А. Баратынского; другая, Софья, стала женой известного в свое время литератора Н.В. Пята-ты, председателя Общества любителей русской словесности при Московском университете и сотрудника журнала «Русский вестник».

В подмосковном имении Энгельгардта Мураново бывали Гоголь, Ростопчина, Майков, Полонский, Тютчев, Давыдов, Аксаковы – так что на закате своей жизни Лев Николаевич оказался в среде, совершенно ему непривычной и незнакомой. Ей нужно было соответствовать. Лев Николаевич и начал писать мемуары, работая над ними в 1826–1835 гг. Родственники отнеслись к его литературному труду настолько снисходительно, что, после кончины Л.Н. Энгельгардта в 1836 г., его записки просто потеряли. Они случайно были обнаружены Н.В. Пятавой лишь в 1858 г. Он и опубликовал их год спустя в своем журнале «Русский вестник». Оказалось, что текст, написанный лояльнейшим Л.Н. Энгельгардтом, несмотря на все купюры

первого издания, содержат такой критический заряд, что фрагменты из них опубликовал в Лондоне А.И. Герцен (1861 г.). С наибольшей полнотой до революции записки Л.Н. Энгельгардта изданы в журнале «Русский архив», а фрагменты из них вообще публиковались очень широко в целом ряде изданий, например, в журнале «Исторический вестник» в 1911 г.

Первое издание мемуаров в СССР приходится на 1988 г. (Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 205–308), со вступительной статьей и примечаниями И.И. Подольской и биографической справкой В.В. Кукина и И.И. Подольской. Текст мемуаров сокращен очень заметно, опущена целая глава, касающаяся александровского царствования. По мнению этих авторов, записки «отличаются редкой искренностью и чистосердечием, но прежде всего литературным мастерством» (Русские мемуары... С. 215). В целом с такой высокой оценкой следует согласиться. Наиболее полное издание записок было осуществлено издательством «Новое литературное обозрение» в 1997 г., со вступительной статьей и качественными примечаниями И.И. Федюкина (Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997). По мнению ученого, сам факт написания записок должно увязывать с литературными и культурными контактами Энгельгардта в последние годы жизни (Федюкин И.И. «Век нынешний и век минувший» // Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 10). Окруженный литераторами, Лев Николаевич восхотел отдать дань литературному труду. Тесть не пожелал отставать от своих зятьев.

И.И. Федюкин справедливо отметил, что мемуарист при подготовке своего текста опирался прежде всего на память, там же, где память ему изменяла, он привлекал письма из семейного архива и военные реляции, опубликованные в газетах. В последнем случае мемуарист не стеснялся воспроизводить в своих мемуарах максимально близко к тексту газетные публикации, особенно в тех случаях, когда сообщал о событиях, которым он не был ни очевидцем, ни участником. В этом случае историк, желающий использовать записки Л.Н. Энгельгардта как исторический источник, должен быть особенно внимателен.

Следует также принять во внимание, что записки написаны славным человеком, что называется, добрым малым. В.В. Кукин и И.И. Подольская подчеркивают выдающиеся качества личности Льва Николаевича даже несколько назойливо: «предельно честный, взыскательный к себе»; «терпимый, умный и широкий во взглядах

на жизнь»; «нравственный, добрый, с твердым характером, со скромностью и сдержанностью» (Русские мемуары... С. 207, 208). И.И. Федюкин оценивает личные качества мемуариста куда более сдержанно, удачно сравнив его с московскими старичками «времен очаковских и покоренья Крыма», над которыми трунил еще Грибоедовский Чацкий. Для такого сопоставления есть все основания. Во всяком случае, для мемуариста век Екатерины II (и это его осознанная, с точки зрения И.И. Федюкина, позиция) гораздо живее и памятнее современности. Это воистину золотой век, век славы России и гордости россиян. С нашей точки зрения, если уж проводить аналогии между Л.Н. Энгельгардтом и литературными героями, то есть основания сопоставить его с полковником Скалозубом Сергеем Сергеевичем, еще одним героем великой комедии А.С. Грибоедова. У них действительно много общего. И тот, и другой страстно мечтали стать генералами, оба получали чины и ордена не за пролитую кровь и даже не за храбрость в сражениях. Скалозуб, если отвлечься от школьных прописей, вовсе не глуп, может слыть хорошим товарищем и проч. Аналогия, конечно, рискованная, но ведь «всякое сравнение хромает».

Следует согласиться с И.И. Федюкиным и в другом. В век Екатерины Льву Николаевичу не удалось ни выслужиться, ни реализовать себя в военном деле. Он не участвовал ни в штурме Очакова и Измаила, не был под Фокшанами и Рымником, упустил свои шансы под Варшавой. На страницах своих мемуаров он берет своеобразный реванш у судьбы. Итак, Л.Н. Энгельгард служил в частях, принимавших участие в боевых действиях, но сам в боях де-факто не участвовал. Эти лавры приписаны ему в современной литературе совершенно незаслуженно. Так, он поименован в словаре русских генералов, участников боевых действий против армий Наполеона Бонапарта (Российский архив. М., 1996. Т. VII. С. 627–628). Включение его фамилии в подобное издание не только несправедливо, но и нелепо, ибо, по его собственному признанию, зафиксированному в мемуарах, в 1812 г. он обретался в казанском имении жены. В этом же издании сообщено, что чин подполковника и орден св. Владимира 4 ст. он получил за участие в сражениях под Фокшанами и Рымником, а чин генерал-майора ему присвоен в 1799 г. за участие в боевых действиях против горцев на Кавказе, чего просто не могло быть. Оставляем подобные штудии без комментариев.

Таким образом, армейская карьера Л.Н. Энгельгардта, его служба в вооруженных силах России в 1783–1799 гг. сами по себе яркая

иллюстрация к армейским порядкам в Российской империи в указанный период. В своих мемуарах Лев Николаевич сумел расцветить этот в общем будничный процесс яркими подробностями. Остановимся на некоторых применительно к веку Екатерины.

Энгельгардт свидетельствует, что многие русские офицеры, да и командный состав русской армии, в частности, фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский, с чьим именем связаны самые громкие победы русского оружия в турецкой войне, «был обворожен военным и государственным гением» Фридриха II. Во время посещения Берлина Румянцев, если верить мемуаристу, свел короткие знакомства «со всеми славными прусскими генералами» и искренне восхищался прусской армией. Л.Н. Энгельгардт также почитает прусскую армию «лучшей в свете» на тот момент (Энгельгардт Л.Н. Записки. С. 29). Таким образом, мемуарист подтвердил тезис, который все еще не стал общим местом в отечественной историографии: Павел I, желая реформировать русскую армию по прусским военным образцам, в этом стремлении был не одинок. Со стороны государя это не прихоть и не каприз, а реальное стремление усовершенствовать русскую военную машину. Такой корифей отечественного военного искусства, как фельдмаршал П.А. Румянцев, вполне это намерение разделял.

В литературе высказано мнение, согласно которому русское национальное военное искусство по определению выше прусского. Реформы, которые во вверенных ему частях проводил князь Г.А. Потемкин, по сути и по духу противостояли прусским началам. Но вот как оценивал преобразования светлейшего князя бывший недолгое время его адъютантом Л.Н. Энгельгардт. Он «преобразил армию в новую одежду» (утвержденную указом Екатерины II весной 1783 г.). Букли, длинные косы, пудра, старинные гренадерские шапки, шляпы для мушкетерских, кавалерийских и артиллерийских полков, длинные зимние мундиры и красные камзолы с длинными рукавами летом отменялись. Для нижних чинов по «введенной реформе» полагалось стричь волосы в кружок; они получили легкие каски с плюмажем из шерсти, белыми или желтыми в зависимости от рода войск, и латунными вставками; вместо длинных мундиров короткие куртки, вместо коротких штанов – чикчиры (то есть узкие штаны, украшенные разноцветными шнурками, и с кожаными вставками) на шести медных пуговицах поверх сапог. Летом полагались кители из тонкого холста (так называемого фламского полотна) и широкие шаровары. При этом генералитет, штаб- и обер-офицеры, а также гвардия сохра-

нили прежние свои мундиры и прически. Одновременно Потемкин распустил слободские гусарские полки и на их основе сформировал 10 легкоконных полков по 6 эскадронов в каждом (Там же. С 47). Новое обмундирование солдат, подчеркнем это особо, вводилось не во всей армии, а только в Новороссии, то есть в частях и подразделениях, подчиненных лично Потемкину. Общеизвестно, что потемкинский мундир для солдата много покойнее прежнего. Сам принцип, декларированный Потемкиным, «солдатский наряд должен быть таков: что встал, то и готов», совершенно правилен. Но трактовать эти начала Потемкина как успешные военные реформы, с которыми начнет бороться Павел, став императором, записки армейского офицера Энгельгардта не дают никаких оснований, хотя такого рода утверждения – общее место в советской исторической литературе.

В отечественной историографии сложился еще один стереотип: служить в гвардии легко и престижно, служить же в армейских полках, особенно приближенных к театру военных действий, в век Екатерины и трудно, и не почетно. Свидетельства Л.Н. Энгельгардта заставляют усомниться в истинности такого суждения. Офицер в России, по свидетельству другого мемуариста, А.Ф. Ланжерона, под командой которого Энгельгардт одно время обретался, мог служить, где ему угодно и свободно переходить из одного полка в другой. Если один полковой командир слишком строг, если офицеру не нравится место дислокации его полка, если есть любая другая причина, то он подает прошение в Военную коллегию, и его безотказно переводят служить в тот полк, который он себе сам и выберет. Полковой командир, получив назначение в новый полк, берет с собой всех офицеров прежнего полка и служит далее с ними. Прощтрафившийся офицер просто переходил из одного полка в другой без порухи чести и без ущерба для карьеры (Там же. С. 211).

Качество боевой подготовки полка напрямую зависело от качеств его командира. Одно время Энгельгардт служил под командованием князя В.В. Долгорукого, «которого команда была очень для молодых людей приятна, ибо вместо строгих смотров желал он только в лагере праздников, забавляя тем свою жену, на которой тогда только что женился. Всех заранее извещали, когда который полк будут смотреть, и для того полковники приготавливали праздники, иллюминации и фейерверки, и один другого хотели перешеголять» (Там же. С 52–53). Естественно, что в таком полку, выведенному в лагерь на учения, времени на само учение оставалось мало (Там же. С. 53).

Офицерский состав полков в этих условиях, по слову Павла I, неминуемо «развращался». Сам Энгельгардт, служа под началом Долгорукого, сильнейшим образом «пристрастился к пуншу» и от этой пагубной привычки отстал с трудом.

Зять Энгельгардта, С.К. Вязьмитинов, сделанный командиром Вологодского пехотного полка, предложил Льву Николаевичу перейти к нему в полк на том основании, что надобно же учиться службе. «Какое несчастье быть майором и не знать службы», начальники не уважают, подчиненные презирают, – резюмирует мемуарист (Там же. С. 52). Л.Н. Энгельгардт и перешел. Он вместе с полком жил в лагере с 15 мая по 15 августа, был зачислен в первую роту прапорщиком сверх комплекта (то есть начал узнавать службу с самых азов). «Нес всю службу простого офицера, ходил в караулы, дежурил... Я вскоре узнал всю фрунтовую службу; при исходе из лагеря, я при полку исправлял майорскую должность и мог уже без стыда быть определен в полк и с честью удерживать свое звание» (Там же. С. 52).

Нам представляется, что служба под началом князя В.В. Долгорукого и служба под началом С.К. Вязьмитинова есть два полюса, между которыми протекала реальная служба офицера в армейских полках. Такая ситуация открывает широкие перспективы для разнообразных научных интерпретаций. Историк, в зависимости от своих целей, ориентировался на свидетельства мемуаристов из армейских офицеров, описывающих свою службу либо под началом командира, подобного Долгорукому, либо под началом командира, подобного Вязьмитинову, что позволяло им делать различные, зачастую противоположные, выводы о порядках в русской армии. Но, по крайней мере в 1786 г., если принимать данные Энгельгардта, имело место превращение армейской службы и в праздники, и в будни одновременно. Офицер же мог выбрать, что ему ближе.

К чести Льва Николаевича скажем, что ему ближе порядки, введенные Вязьмитиновым. Его полку мемуарист сложил настоящий панегирик: «зять мой вел службу, как должно бы наблюдать каждому; во-первых, военная дисциплина строго хранилась, чин чина почитал, но благородная связь была между корпусом офицеров; порядок канцелярии в отчетах сумм жалованья, амуниции, провианта и фуража приведены были в точность, обоз был исправный; полковые лошади были добрые, полк учился превосходно, в эволюциях офицеры были наметаны, солдаты без изнурения выправлены, одеты без лишней вытязки, хорошо. Во время похода в России и Польше ни одной подво-

ды ни под каким видом никто не смел взять, солдаты несли на себе все тяготы и даже шанцевый инструмент» (Там же. С. 62). Поэтому в полку, «по навыкам к трудам», на марше «ни одного отсталого не было». В других же полках солдаты отставали сотнями. Картины жизни таких полков весьма нелицеприятные, например, в полку князя П.М. Дашкова, что Энгельгард также выписал очень ярко: «Солдаты во много претерпевали нужды, для продовольствия, провианта и фуража [он] принимал деньгами и задерживал их; то же случалось и с жалованием; хотя чрез некоторое время оно и отдавалось, но не в свое время, лошади худо были накормлены, отчего в переходах в Польше бралось множество подвод, почему беспрестанно на полк были жалобы, а во время кампании к полковому обозу наряжались солдаты, чтобы в трудных местах пособлять взвозить на горы. Чтобы нижние чины не роптали, князь дал поползновение к воровству, чем, по времени, Сибирский полк получил дурную молву; полковник имел пристрастие к некоторым офицерам, зато другие были в загоне и претерпевали разные несправедливости» (Там же. С. 62).

Начавшаяся в 1791 г. очередная русско-турецкая война позволила Л.Н. Энгельгардту дать несколько очень интересных зарисовок.

О том, что война есть золотое дно для командования, известно было всегда. Лев Николаевич оставил любопытное свидетельство на этот счет. Императрица прислала генералу М.Ф. Каменскому в подарок 5 тыс. руб. золотом. Он счел сумму ничтожной. Чтобы продемонстрировать государыне свое недовольство, Каменский устраивал в Летнем саду завтраки с возлияниями для каждого встречного, пока деньги не кончились. А.В. Суворов, получив те же 5 тыс. руб. золотом, которые принес ему камер-лакей, надорвал пакет, достал золотой империял, отдал его слуге с просьбой передать государыне, что на ее службе он сделался очень богат, поэтому возвращает деньги. Екатерина все поняла и прислала ему 30 тыс. руб. золотом – «эту сумму он принял безоговорочно» (Там же. С. 59).

Л.Н. Энгельгардт засвидетельствовал также, что военная добыча оставалась существенным аспектом войны. «Убитые турки раздеты были донага, и у нас в пехотном авангарде сделалась ярмонка: оружие всякого рода, конские богатые уборы и лошади продавались за ничто» (Там же. С. 80). Эти военные традиции мемуарист не осуждает, он относится к ним как к должному.

Быть в действующей армии не значило воевать. Как о чем-то совершенно обыденном, рутинном сообщает Энгельгардт о том, что

в те самые дни, когда А.В. Суворов штурмовал Измаил, его непосредственный начальник князь Потемкин в действующей армии развлекал свою новую страсть – княгиню Долгорукову. Для нее было сделано «землянка», поддержанная несколькими колоннами и убранная бархатными диванами и «всем тем, что только роскошь может выдумать». «Из великолепной сей подземной залы» был сделан проход в особый будуар, куда входили только по приглашению светлейшего. Однажды вокруг «землянки» были построены в каре два полка (Екатеринославский и Конно-гренадерский), имея ружья, заряженные холостыми патронами, и в сумках по 40 патронов на каждого человека; рядом расположилась батарея из 100 пушек; обоих полков барабанщики выстраивались отдельной командой. Потемкин вышел из «землянки» с кубком вина и приказал барабанщикам ударить тревогу, после которой и полки, и 100 пушек дали залп, чем праздник и кончился (Там же. С. 88). Суворов штурмовал Измаил с 30-тысячным гарнизоном, имея и войск, и пушек меньше, чем турки. Пока их товарищи развлекали «бесстыдного Потемкина с его очередной любовью», русские демонстрировали под Измаилом чудеса мужества. Полоцкий полк после гибели командира подполковника Яцунского, побежал было, но полковой священник, подняв свой крест, закричал, указывая на крест: «Стой, ребята! Вот ваш командир». Он лично повел полк в атаку, и полк пошел за ним, одним из первых ворвавшись на стену. Весьма характерно, что имени этого героя мемуарист даже не знает (Там же. С. 89). Между тем, именно Потемкин официально был назван «завоевателем Измаила»; он устроил пышный праздник в честь этого события, с верноподданническим восторгом описанный Г.Р. Державиным.

Отечественные историки уже третий век упрекают Павла I за его борьбу с «потемкинским духом» и «потемкинскими порядками» в русской армии, полагая, что они и составляют сердцевину русского военного искусства в это время. Остается невыясненным, какие у них были основания для подобной критики.

Сам Энгельгардт не был ни в лагере Потемкина в Бендерах, ни у Суворова под Измаилом. Но он совершил свой подвиг – возглавил штыковую атаку на высоту, предположительно занятую турками. Он мужественно взойшел на нее и нашел только брошенную отступившими турками пушку. За это деяние ему не вышло ни чина, ни ордена, а только «одобрительный лист» за подписью князя Репнина. Энгельгардт за свой счет ездил в Санкт-Петербург хлопотать о награде, имел

даже встречу с Репниным. Тот прямо заявил Энгельгардту, что за свой подвиг он получил заслуженную награду, укорив: «Вы хотите быть вывеской вашей храбрости» (Там же. С. 107). В русской армии награждали не по заслугам – вот печальный вывод мемуариста. Полковой священник в ознаменование своего подвига получил право отслужить благодарственный молебен за взятие Измаила (Там же. С. 215). Три гвардейских офицера, присланные лично Екатериной в действующую армию, чтобы кровью смыть свой позор за трусость в столкновении со шведами, получили за кампанию георгиевские кресты, не участвуя в боях (Там же. С. 87–88). С Энгельгардтом, на наш взгляд, поступили справедливо – увы, редкий случай в русской армии.

Лев Николаевич участвовал и в польской кампании, где не смог отличиться, поэтому он так ревнив к ее героям, в частности, к графу Моркову. Мемуарист, между прочим, очень благожелателен к польским инсургентам, тепло отзываясь и о Тадеуше Костюшко: «был мужественен и опытом научен в военном искусстве» (Там же. С. 108). Энгельгардт наблюдал и за штурмом Варшавы, последствиям которого ужаснулся: «До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звание умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел, убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин и ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятся таким позорищем» (Там же. С. 132). По данным Энгельгардта, поляки потеряли 13 тыс. человек, из которых «третья часть была цвет юношества варшавского», более 2 тыс. утонуло в Висле; около 800 человек из гарнизона уцелело, перейдя на другую сторону реки; 14 680 взяты в плен; «умерщвленных жителей было несчетно» (Там же. С. 133).

За эти подвиги всем русским офицерам вышла щедрая награда – именно всем, по факту участия в кампании. Наконец-то и Энгельгардт после семи лет службы в чине премьер-майора стал подполковником, получил орден и золотую шпагу за храбрость. Победа списала все – и жертвы, и казнокрадство, и преступления.

Поскольку С.К. Вязьмитинов был сделан генерал-губернатором Уфимской и Симбирской губерний и командиром Оренбургского корпуса, Л.Н. Энгельгардт счел за благо перебраться под крыло зятя и принял приглашение возглавить третий Оренбургский пехотный батальон. Там, на «задворках великой империи», он и получил известие о кончине Екатерины и воцарении Павла. И в бытовании русской армии, и в жизни Энгельгардта начиналась новая пора.

Важной особенностью записок Энгельгардта являются яркие, образные и иногда очень злые характеристики его начальников, прежде всего П.А. Румянцева, Г.А. Потемкина, но особенно А.В. Суворова. Нелицеприятные его оценки последнего резко диссонируют с теми постными благостными характеристиками, которые доминируют в отечественной историографии, и которые все представлены в дивном стихотворении Г.Р. Державина «Снигирь» (см. подробнее: Энгельгардт Л.Н. Записки. С. 136–138). Лев Николаевич готов признавать военный гений Суворова, но многие его нелицеприятные качества, вовсе неизмысленные мемуаристом, фактически перечеркивают в его глазах и глазах его читателей все высокие свойства Суворова как полководца.

Мы полагаем, что записки Л.Н. Энгельгардта надлежит шире использовать в исследовательской практике при изучении истории вооруженных сил России в царствование Екатерины II.

**«Учреждение об императорской фамилии»:
изменения и последствия (конец XIX – начало XX в.)**

Многие аспекты жизни членов императорской фамилии регламентировались «Учреждением об императорской фамилии», принятым 5 апреля 1797 г., в том числе вопрос о династических браках. В настоящее время история династических и морганатических браков изучается такими исследователями как С.В. Думин, А.В. Манько, Д. Вульф, И.В. Зимин.

Текст этого законодательного акта не изменялся до 1885–1886 гг. Последние изменения в правовой статус членов императорской фамилии внес император Александр III (О некоторых изменениях в Учреждении об Императорской Фамилии // ПСЗ-III. Т. 5. № 2695; Высочайше утвержденное Учреждение об Императорской Фамилии // ПСЗ-III. Т. 6. № 3851). В его указах, помимо уже прописанного положения о равнородных браках и о содержании членов императорского дома, оговаривались и новые титулы для некоторых из Романовых. Александр III ввел титул князя и княжны императорской крови – ими становились правнуки и правнучки императоров. Однако, и здесь была своя иерархия – старшие правнуки императора и их старшие дети носили титул высочества, а остальные – светлости.

Новое титулование было создано Александром III для того, чтобы ограничить круг великих князей, так как к началу его царствования императорская фамилия была уже довольно многочисленной. Но основной причиной был финансовый вопрос. Александр III решил сократить траты на содержание членов императорского дома, для чего и внес поправки в документ. Помимо того, что ордена, которые жаловались великим князьям и княжнам при крещении, князьям императорской крови давались по достижении совершеннолетия, а княжнам – по соизволению императора, Александр III четко определил суммы содержания и приданого в этой иерархии.

Таким образом, все денежные расчеты, предоставляемые на содержание членов императорского дома, на уровне закона прописывались с постепенным, от поколения к поколению, уменьшением

сумм. Поправки Александра III никоим образом не исключали правнуков и дальнейших потомков императоров из числа членов дома Романовых, однако изменяли их денежное содержание. Так появилось новое поколение членов императорской фамилии – князей императорской крови, статус которых был по сравнению с великими князьями совсем другим. Помимо денежного содержания и титулатуры, изменение их статуса отразилось на династических браках.

В отношении правнуков императора и последующих поколений был изменен закон о морганатических браках. Новым документом, регламентировавшим браки, стал указ Николая II от 11 августа 1911 г. (Думин С.В. Совещание великих князей 1911 года. Неравные браки в Российском императорском доме: Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/roman911.htm>). Этому предшествовала череда долгих совещаний и переговоров великих князей, поводом к которым стала возможная помолвка княжны императорской крови Татьяны Константиновны с князем Константином Багратион-Мухранским.

Отец княжны Татьяны – великий князь Константин Константинович, в своих мемуарах засвидетельствовал, что на нескольких заседаниях совещания великими князьями в присутствии министров предлагались разные варианты титулования и прав на престол.

25 января 1911 г. великие князья провели первое заседание, в ходе которого проявилось разногласие относительно неравного брака княжон императорской крови – некоторые предлагали, чтобы при таком браке княжна становилась княгиней императорской крови, сохраняя титул и преимущества, кроме денежного обеспечения. Константин Константинович настаивал, чтобы в таком случае княжна принимала фамилию мужа и лишалась всех преимуществ. Насчет браков князей императорской крови было единодушно высказано, чтобы в таком случае князья отказывались от престола, а их жены именовались княгинями Романовыми (Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.) 1911–1915. М., 2013. С. 48).

3 февраля 1911 г. было проведено очередное заседание, где обсуждали обеспечение престолонаследия. Для этого считалось необходимым, чтобы в каждом великокняжеском роде старший из правнуков императора-родоначальника был великим князем и императорским высочеством. В случае вступления в неравный брак он отрекался от престола и отказывался от своего титула в пользу младшего брата. Согласились также, чтобы в неравных браках супруги

получали или фамилию по усмотрению Государя, или фамилию Романовых, но с прибавлением ещё другого наименования, в отличие от царствующего дома (Там же. С. 51). 21 февраля совещание по Высочайшему соизволению продолжилось без министров двора и юстиции князя Кочубея и генерала Мосолова. Председательствовал великий князь Николай Николаевич-младший, бывший тогда старейшим по возрасту. Константин Константинович отметил, что без посторонних лиц о семейных вопросах говорилось намного свободнее. В этот день было решено, что об окончательных постановлениях Николай Николаевич будет докладывать императору напрямую, без вмешательства министра двора. В вопросе о титуле жены князя императорской крови при неравном браке соглашение не было достигнуто – великие князья Михайловичи высказывались за то, чтобы присваивать титул Высочества, а потомству – титул Светлости. Однако же остальные считали необходимым применять титул Светлости в обоих случаях. Решено было ходатайствовать перед императором о том, чтобы вернуть павловское «Учреждение об императорской фамилии», т. е. исключить титул Светлости для потомков при равных браках. Было достигнуто соглашение и в вопросе о том, чтобы жены и потомство при неравных браках получили фамилию Романовых, но с прибавлением из императорского титула, например, Московских, Рязанских, Казанских и т. д. (кроме уже существующих Ростовских и Белозерских) по усмотрению Государя, но для всех одинаково (Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 60).

На совещании 25 февраля разногласия усугубились. Большинство голосов великие князья решили, что браки могут быть трех категорий: равные; с лицами знатного происхождения, не принадлежащими к царствующим или владетельным домам; с лицами незнатного происхождения. Решено было, что в последнем случае член императорского дома должен отречься от престола, от прав и преимуществ дома Романовых. В том случае, когда не ясно, к какой категории принадлежит будущий супруг или супруга члена дома Романовых, предлагалось обсуждать возможный брак на семейном совете, состоящем из великих князей (Там же). Окончательное решение этого вопроса оставалось за императором.

В августе 1911 г. Николай II в примечании к статье 188 «Учреждения об императорской фамилии» оставил полный запрет на неравнородные браки, но только для великих князей и великих княжон. В статье отмечалось, что «впредь никто из Великих Князей и Вели-

ких Княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому» (цит. по: Думин С.В. Указ. соч.). Здесь не было прямым текстом прописано положение князей и княжон императорской крови, однако неформально эта статья выглядела как послабление для них. Таким образом, брак для них по-прежнему считался морганатическим, с соответствующими последствиями в виде отказа от престола за себя и потомство (Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 2009. 152), но не рассматривался как мезальянс у великих князей или великих княжон.

По сути, положение неравнородных супругов никак не изменилось. Николай II, как глава царствующего дома, использовал свои права для того, чтобы принять окончательное решение. Предложенное великими князьями разделение браков на три категории не было им принято – представители знатных дворянских домов и незнатных фамилий, очевидно, так же оставались равны между собой, несмотря на то, что некоторые из них были ранее медиатизированы и являлись домами более древними, чем сами Романовы. Примером понимания этого не совсем справедливого разделения служат рассуждения по данному поводу князя императорской крови Иоанна Константиновича – брата княжны Татьяны, желавшего жениться на представительнице рода Нарышкиных. В письме к отцу от 3 декабря 1910 г. он замечал «Но если Царь разрешил Татиане выйти за Багратиона, то я считаю возможным просить благословения у Вас и Царя на брак с Нарышкиной. Слава Богу, род Нарышкиных не ниже нашего и Багратионовского. Нарышкины древнее Романовых» (Цит. по: Иоанн Константинович, кн. Письмо Константину Константиновичу, 3 декабря 1910 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. [Т. XV]. С. 419–420). В том же письме он рассказывал и о своих чувствах к старшей дочери царя – великой княжне Ольге Николаевне и, осознавая свое невыгодное династическое положение, подчеркивал: «Ольгу Николаевну за меня не выдадут».

Эти рассуждения Иоанна Константиновича весьма показательны – по сути он, член императорского дома, к тому же старший сын великого князя, считает свой статус слишком низким для того, чтобы за него выдали замуж великую княжну. И, одновременно с тем, он едва ли не приравнивает себя к представительнице хоть и древнего, но не владетельного рода.

Брак княжны императорской крови Татьяны Константиновны с грузинским князем Константином Александровичем Багратион-Мухранским является отдельным примером, заслуживающим внимания. Уместно упомянуть, что Багратион-Мухранские являются одной из ветвей грузинской царской династии Багратионов, более древней, чем Романовы. Из этой династии происходили многие выдающиеся деятели Российской империи и Грузии. Современные исследователи относят дату основания рода к VIII–IX векам (Toumanoff, С., *Iberia on the Eve of Bagratid Rule*, p. 22, cited in: Suny (1994). P. 349).

Когда в 1910 г. по Петербургу распространились слухи о романе княжны Татьяны с князем Багратионом, великий князь Константин Константинович, узнавший об этом, попытался прекратить эту связь, рационально объясняя это так: «Кажется, она не подумала о том, что если выйдет за Б[агратиона] и будет носить его имя, то им не на что будет жить. Позвал жену и при ней сказал Т[атиане], что ранее года никакого решения не приму. Если же ей идти на такие жертвы, то, по кр[айней] мере, нам надо быть уверенными, что это чувство глубоко» (цит. по: Лобашкова Т. "Благодарю Господа за все..." Княжна императорской крови Татьяна Константиновна: долгий путь на Елеон. URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=14922>).

Поначалу родители княжны – и Константин Константинович, и Елизавета Маврикиевна отрицательно смотрели на этот брак ввиду его неравнородности. Тем не менее, им пришлось уступить, так как запрет плохо отразился на состоянии здоровья дочери. Однако для того, чтобы свадьба состоялась, необходим был разговор с императорской четой. В своем дневнике великий князь подробно описал эту беседу, приводя очень важные для нас детали:

«Я подробно передал Царю об увлечении Татианы Багратионом и его взаимности. Никакие слухи еще не успели дойти до Их Величеств. Государь слушал очень внимательно и сочувственно. Решения он никакого не высказал, говоря, что надо подумать и обсудить. Изложив все, позвал жену. Говорили о необходимости разрешить великим князьям и князьям Императорской крови вступать в морганатические браки, для чего надо выработать условия дозволенности их. Государь не высказал решительного запрещения на брак Т[атианы] с Б[агратионом], но подтвердил мое решение, что надо терпеливо выждать прохождения целого года с 20 августа, когда Т[атиана] нам создалась» (Цит. по: Лобашкова Т. Указ. соч.). Несмотря на то, что император и императрица встретили эту весть без какого-либо

осуждения или отрицания, статус предполагаемого брака от этого не менялся. Константин Константинович указывал на возможность обсуждения вопроса об отмене запрета вступать в морганатические браки, но лишь для князей и княжон императорской крови.

Это вопрос был поднят зимой того же года, о чем Константин Константинович также подробно написал в своих дневниках.

После разговора с Константином Константиновичем его супруга Елизавета Маврикиевна была приглашена государем во дворец. Позднее «она рассказала, что Императрица еще снисходительнее, чем Государь, отнеслась к видам Татианы. Они оба говорили жене, что даже не посмотрели бы на брак ее с Багратионом как на морганатический ввиду того, что он, подобно Орлеанам, потомок когда-то царствовавшей династии. Государь сказал, что Т[атиана] не лишится своего содержания из Уделов. Импер[атрица] нашла, что не надо ждать истечения года, но жена, ссылаясь на мой взгляд, возразила, что это необходимо для большей уверенности в прочности чувства обеих сторон». Для решения вопроса о морганатических браках членов императорского дома император предложил провести совещание великих князей для обсуждения вопроса о внесении изменений в "Учреждение об императорской фамилии" по вопросу о заключении брачных союзов членами императорской фамилии» (цит. по: Лобашкова Т. Указ. соч.).

Здесь мы видим два важных пункта, которые следует отметить. Во-первых, предполагалось, что Татьяна Константиновна не лишится своего содержания из уделов, что уже ставило её брак рангом выше морганатических. Во-вторых, мнение государей о том, что Константин, подобно Орлеанам, является потомком правящей династии, в данном случае является противоречивым. В неформальной обстановке беседы брак Татьяны Константиновны и Константина Багратион-Мухранского рассматривался как практически равный, а юридически таковым не стал.

Ещё одним морганатическим браком такого рода стал союз княжны императорской крови Ирины Александровны и князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. Князь вспоминал, что его будущей супруге также надлежало подписать отречение от права на престол (Князь Феликс Юсупов. Указ. соч. С. 152.). В целом, их брак, как морганатический, уже не встретил никаких политического рода препятствий, исключая только личностные вопросы, не имеющие отношения к неравномерности (Там же).

Таким образом, мы видим подтверждение тому, что «Учреждение об императорской фамилии» при Александре III сильно изменило не только финансовое положение некоторых членов правящего дома. Новая титулатура создала новую категорию Романовых – более отдаленные от престола в очередь наследования, они получили большую свободу. Одной из тенденций начала XX в. стало заключение морганатических браков с представителями дворянских родов, к которым, возможно, князья и княжны императорской крови уже сами считали себя ближе по статусу.

Один из членов дома Романовых – Гавриил Константинович писал, что «дети Императора Николая Павловича были в свое время как бы полубоги: в то время они были единственными великими князьями на всю Россию. Их дети, конечно, занимали высокое положение, но уже иное, чем их отцы, так как великих князей было уже много. А их внуки, хотя и были в исключительном положении, но уже опять по-иному, чем отцы и деды» (цит. по: Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Русская императорская армия. URL: <http://regiment.ru/Lib/B/5/5.htm>).

В XX в. начиналась новая эпоха российского императорского дома. Строгий запрет для князей и княжон императорской крови на морганатические браки был отменен, но вместе с тем они всё так же вынуждены были отказываться от прав на престол за себя и своих будущих детей.

Закон о морганатических браках в доме Романовых не был отменен, скорее всего, по той причине, что династические союзы в то время ещё могли решить определенные политические проблемы и дисциплинировать членов династии в выборе супругов. В последние три десятилетия правления Романовых наметилась тенденция к заключению браков морганатических, и именно закон о браках, теперь уже не такой строгий, тем не менее всё еще мог оставаться сдерживающим фактором.

С течением времени если бы великими князьями остались только возможные внуки Николая II, либо того великого князя, который бы занял престол вместо цесаревича Алексея, то, вполне возможно, что морганатические браки, прежде всего, браки с представителями дворянских родов, стали бы, скорее нормой, чем исключением. Не исключено, что рано или поздно такие союзы во избежание династического кризиса могли бы быть признаны равнородными. Во многом эта тенденция наметилась именно благодаря изменениям,

внесенным в «Учреждение об императорской фамилии» императором Александром III. Ведь именно князья и княжны императорской крови, сами осознававшие упрощение своего династического положения, либо собирались, либо вступили в неравнородный брак, что, в свою очередь, является свидетельством как расширения личного пространства, так и демократизации самой династии.

**Труды хабаровских съездов
о китайских подданных в Приамурском крае
на рубеже XIX–XX вв.**

Материалы Хабаровских съездов приамурских губернаторов, казалось бы, хорошо известны исследователям далекой окраины, однако их традиционно привлекали главным образом для изучения сюжетов по управлению Приамурским краем или программы освоения Дальнего Востока. К сожалению, среди многочисленных и разнообразных источников о положении китайских подданных на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., они еще, на наш взгляд, не заняли достойного места.

Как известно, Приамурское генерал-губернаторство (в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства) было выделено из состава Главного управления Восточной Сибири в качестве самостоятельной административной единицы в июне 1884 г. Одна из главных проблем края состояла в соседстве с густонаселенным и обладавшим огромным иммиграционным потенциалом Китаем. Проникновение китайских подданных на русский Дальний Восток носило преимущественно нелегальный или полунелегальный характер, что предопределило стремление русской администрации поставить процесс под свой контроль, использовать «желтый труд» для разрешения определенных экономических и военно-стратегических проблем, имевшихся в регионе. Вполне понятно, что политика местной администрации направлялась в своих принципиальных моментах из Петербурга и определялась как общеполитической ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и общим состоянием русско-китайских отношений. Вместе с тем русская администрация на Дальнем Востоке должна была решать и специфические проблемы региона, связанные с деятельностью китайских подданных в русских пределах.

Инициатором Хабаровских съездов был первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф. Вот как он объяснил свою инициативу во всеподданнейшем отчете за 1884–1886 гг.: «С первых ша-

гов, сделанных мною в этом огромном крае, я убедился, что не только изучить его, но даже хоть несколько с ним ознакомиться на основании единоличных наблюдений, значило бы повторить ошибку, в которую так часто впадают разные туристы» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 122). Поэтому, чтобы собрать нужные для управления краем сведения, А.Н. Корф в январе 1885 г. пригласил, тогда еще в Хабаровку, четырех губернаторов Приамурского края и несколько частных лиц, занимавшихся в разных частях края сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Таким образом, было положено начало так называемым Хабаровским съездам, которых состоялось всего четыре: первые три в 1885, 1886 и 1893 гг. при А.Н. Корфе, а последний в 1903 г. созвал генерал-лейтенант Д.И. Суботич. Если в работе I съезда участвовало 34 чел., II съезда – 73 (в том числе 29 приглашенных «сведущих людей»), III – 78, то на IV – 150 чел. (Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 283). Кроме того, что всевозможные подготовительные материалы и протоколы съездов отложились в различных фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010; Ф. 702. Оп. 1. Д. 13; Оп. 2. Д. 196; Оп. 3. Д. 92, 253, 254 и др.), труды всех четырех съездов были изданы отдельно (Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Хабаровка, 1885; Надаров И.П. Второй съезд губернаторов и других представителей в Хабаровке в 1886 г. Владивосток, 1886; Труды III Хабаровского съезда. Хабаровск, 1893; Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским Генерал-Губернатором Д.И. Суботичем. Хабаровск, 1903). «Хроникером» (по выражению А.В. Ремнева) II съезда был штаб-офицер для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа И.П. Надаров, на обложке с трудами III съезда значится, что их «обработал по поручению бывшего приамурского генерал-губернатора, генерал-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа агроном Н.А. Крюков», а труды IV съезда изданы под редакцией главного секретаря съезда, чиновника особых поручений Министерства финансов, временно командированного в распоряжение приамурского генерал-губернатора, Н.В. Слюнина.

Для I съезда, проходившего с 15 по 24 января 1885 г., была составлена специальная программа («Программа Совещания на съезде губернаторов Приамурского края в январе 1885 г. под председа-

ством Приамурского генерал-губернатора»), состоявшая из шести частей («какие цели наметить для управления краем»; «на какие средства достигать поставленных целей»; «развитие экономических сил страны для достижения поставленных целей»; «оборона края» и др.), в рамках которых уже были сформулированы основные вопросы для обсуждения на съезде. А.В. Ремнев полностью воспроизвел эту «Программу» в своей монографии, ввиду ее важности «с точки зрения выяснения правительственных воззрений на край» (Ремнев А.В. Указ. соч. С. 284–287). Нас же будут интересовать только те вопросы, которые напрямую имели отношение к заявленному предмету исследования – выходам из Поднебесной.

Вопросы, имеющие непосредственное отношение к Китаю и китайским подданным в Приамурье, содержались только в первой части программы по управлению, которая, в свою очередь, состояла из двух разделов: «Задачи, требуемые общими государственными интересами» и «Задачи, направленные к преуспеянию и развитию Приамурского края». В первом разделе один из трех вопросов касался границы с Китаем, а основной интересующий нас вопрос содержался во втором разделе под пунктом д): «Насколько желательно или возможно допускать заселение края, в смысле постоянной оседлости или лишь временного пребывания, иностранцами вообще и китайцами и корейцами в особенности? Какую пользу могут принести краю обитающие в нем инородцы вообще и в частности маньчжуры, какое положение, права и обязанности должны они иметь в крае? В чем наши задачи по отношению к ним?» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 6). Под маньчжурами подразумевались китайские подданные, которые по Айгуньскому трактату 1858 г. были оставлены на «прежних местах их жительства» на левом берегу Амура, признанном владением России, под управлением китайских властей (так называемые «заяские маньчжуры»).

По результатам обсуждений в ходе заседаний были составлены своеобразные резюме – «Краткие ответы на вопросы, поставленные программой Совещания на съезде губернаторов для всестороннего обсуждения их на съезде». Ответ по пункту «д» приведем полностью: «В видах развития ремесла и технических производств, было бы желательно поселение в крае иностранцев просвещенных национальностей, но вообще без предоставления им права приобретать в собственность земли, для ведения сельского хозяйства. Китайцы, маньчжуры и корейцы нигде не желательны (последние по той при-

чине, что независимо от порчи типа русского народа, могут понизить его духовный уровень); но те китайцы и маньчжуры, которые живут на нашей территории близ Благовещенска, состоя в подданстве Китайской империи, должны быть терпимы в силу трактата и по самому свойству дела. Население это полезно тем, что со временем освоит с нами заамурскую Маньчжурию и подчинит ее нашему нравственному влиянию. В возможном предоставлении иностранцам гражданских прав (в отличие от так называемых личных) в подчинении их русским законам, судам и правительственным распоряжениям будут заключаться наши задачи по отношению к ним. Для инородцев русского подданства были бы по преимуществу желательны устранение эксплуатации их в какой бы то ни было форме и поднятия их уровня и экономического благосостояния (Там же. Л. 50–51).

Итак, на I съезде из четырех десятков вопросов программы китайцев затрагивал всего один пункт, причем вкупе со всеми прочими иностранцами и инородцами. Участники съезда пришли к выводу, что, за исключением «заяских маньчжур», которые «должны быть терпимы в силу трактата» и полезны тем, что могут оказать помощь в деле освоения «заамурской Маньчжурии», все остальные китайцы «нигде не желательны».

В конечном итоге, по признанию самого А.Н. Корфа, I съезд «особенных результатов не дал», поскольку приглашенные лица не имели возможности подготовиться к съезду. Вот как он отзывался о I съезде в речи на торжественном обеде по поводу открытия III съезда 20 января 1893 г.: «Объехав край тотчас по назначении меня генерал-губернатором, я пришел к убеждению, что «Один в поле не воин». Я увидел, что не только для изучения края, но даже для поверхностного ознакомления с его нуждами, усилий одного человека недостаточно и необходимо прибегнуть к помощи людей знакомых с краем. С этой целью мною был созван первый Хабаровский съезд, членов которого я просил познакомить меня с краем. Но это оказалось для всех столь неожиданным, что первому съезду удалось только наметить вопросы, выяснение которых было желательно, самое же выяснение их последовало на 2 съезде, собранном в следующем 1886 году» (Труды III Хабаровского съезда. С. 6).

Главным результатом I съезда было составление «Программы вопросов, которые будут предложены на обсуждение II съезда губернаторов Приамурского края». В ней уже уделялось значительно больше внимания китайцам, во всяком случае, вопросы, имеющие

к ним непосредственное касательство, содержались уже в трех разделах. В разделе «Население края» о китайцах шла речь в пункте «Иностранцы»: «Китайцы и корейцы, поселившиеся на постоянное жительство в крае, временно проживающие и приходящие на промысла и заработки. Польза или вред от них краю? Следует ли предоставлять им право на приобретение земли в собственность или в пользование, на ведение торговли? Если допускать их поселение, то каким порядком, как и где их поселять? Следует ли заботиться об увеличении или уменьшении числа их, а также следует ли взимать с них пошлину и подати и за что именно? То же относительно прочих иностранцев». В разделе «Промышленность» было два вопроса: «Можно ли допускать занятие промыслами китайцев и корейцев и других иностранцев и какими именно?» и «Можно ли допускать наем пришлых китайцев и корейцев на золотые прииски и другие промыслы?». Наконец, в разделе «Торговля» были вопросы «можно ли допускать иностранцев до торговли в крае; если нет, то каким образом этому воспрепятствовать? Не следует ли их торговлю облагать особой пошлиной?» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 154–156). Как видим, круг вопросов стал не только шире, но и разнообразнее.

По этим вопросам собирались статистические и иные данные на местах, высказывались и изучались пожелания всех заинтересованных лиц. Как доносил генерал-губернатор в Петербург, он сам и состоящие при нем лица «принялись, по заранее составленному плану, объезжать юный край, чтобы лично присмотреться к природе, населению и экономической жизни края и сделали в общей сложности более 170 тыс. верст» (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 122).

II съезд проходил с 20 января по 11 февраля 1886 г. Для предварительного рассмотрения вопросов на съезде действовало семь специальных комиссий, а на общих заседаниях обсуждались в основном их заключения. Как отмечалось во введении к трудам III съезда, «на II Хабаровский съезд собрались уже люди более подготовленные по тем или другим вопросам: общий характер края, его ресурсы и многое другое выяснены были с достаточной полнотой, а это дало возможность генерал-губернатору составить программу административных мероприятий с большей основательностью» (Труды III Хабаровского съезда. С. 1). Результатом работы первых двух съездов стал проект комплексной программы деятельности приамурской администрации примерно на десятилетие (Ремнев А.В. Указ соч. С. 291). На основе собранной информации и обсуждения поставленных проблем

на съездах вырабатывались и конкретные мероприятия в отношении китайских подданных в крае – определение их правового положения («подчинение их русским законам, судам и правительственным распоряжениям»), обложение китайских промыслов и торговли, выстраивание отношений с «зазейскими маньчжурами» и проч.

Приамурский генерал-губернатор высоко отозвался о работе II съезда: «Принес ли 2-й Хабаровский съезд какую-нибудь пользу? На этот вопрос я могу смело и по совести ответить «да принес, и принес большую пользу». Все сведения, сообщенные мне тогда о крае, оказались верными и точными, в чем я имел возможность лично убедиться при моих последующих, многократных и внимательных объездах края. Все, что было намечено съездом, оказалось верным и практичным, и я постоянно находил разрешение каждого вопроса именно в том направлении, которое было намечено съездом» (Труды III Хабаровского съезда. С. 6). Лучшей же оценкой практических результатов трудов съезда, по мнению барона А.Н. Корфа, стало сравнение положения Приамурья в 1885 и 1892 гг. Приводя цифры роста населения в Амурской и Приморской областях (на 49 и 33 % соответственно), он с удовлетворением отмечал: «В настоящее время все удобные для заселения места, вдоль государственной границы сплошь заселены русскими хлебопашцами. Вследствие этого не осталось места для поселения у нас трудолюбивых и искусных пахарей, наших соседей китайцев, конкуренция с которыми решительно невозможна. Впрочем, такое заселение стало невозможным в настоящее время еще и потому, что в прошедшем году состоялось Высочайшее повеление, воспрещающее всем иностранцам приобретать недвижимую собственность в Приамурском крае. Таким образом русская земля осталась всецело за русскими людьми» (Там же. С. 6).

Решение о созыве нового съезда было принято бароном А.Н. Корфом осенью 1892 г. по возвращении из Петербурга. Генерал-губернатор хотел «выяснить настоящее положение края, чтобы в дальнейших административных мероприятиях избежать ошибок или погрешностей, неизбежных в столь обширном и мало исследованном крае» (Там же. С. 1). Всем участникам съезда была разослана предварительно выработанная программа, состоящая из 5 отделов: 1) сельское хозяйство; 2) пути сообщения; 3) промышленность и торговля; 4) горная промышленность и 5) школы. Программа включала 55 вопросов, которые, как и прежде, первоначально обсуждались в специальных отделениях съезда, а затем уже выносились на рассмотрение

общих собраний. Содержание прений по основным вопросам и краткие резюме самого генерал-губернатора нашли отражение в публикации трудов съезда. В тексте были помещены приложения со статистическими данными и записками приглашенных специалистов («сведущих людей») в различных сферах приамурской жизни, предварительно подготовленных в соответствии с вопросами программы для их всестороннего обсуждения на съезде. Среди них: «Статистические данные о положении сельского хозяйства в Амурской и Приморской областях агронома Н.А. Крюкова», «Записка Ю.И. Бринера о каботаже», «Записка о винокурении Михаила Пьянкова», «Записка купца Я.Л. Семенова о морской капусте», «Записка о Хабаровской торговле С.Я. Богданова», «Записка Н.С. Львова о золотопромышленности в Амурской области» и др. – всего более 30 приложений по всем отделам программы.

Любопытно, что из 55 вопросов и более чем трех десятков приложений нет ни одного, непосредственно относящегося к китайским подданным. Поэтому, на первый взгляд, может показаться, что труды III съезда не представляют никакого интереса для изучения пребывающих в Приамурском крае мигрантов из Китая. Но в протоколах съезда и в записках обсуждались как раз именно те отрасли дальневосточного хозяйства, в которых конкуренция предприимчивых китайцев создавала серьезные проблемы. В прениях по вопросам торговли, золотопромышленности, винокурения, всевозможных лесных и морских промыслов то и дело мелькают китайцы по разным поводам.

Так, участники отделения «Пути сообщения», обсуждая вопрос о развитии русского каботаж, признавали, что «весь мелкий каботаж находится в руках китайцев, конкуренция с которым пока невозможна». А.Н. Корф резюмировал: «...по вопросу о каботаже решим так: воспретить иностранцам, главным образом китайцам, каботаж можно только тогда, когда мы будем в состоянии перевозить все грузы на своих русских судах» (Труды III Хабаровского съезда. С. 36). Южно-Уссурийский пограничный комиссар Н.Г. Матюнин обращал внимание на «ханшин, который доставляется к нам китайцами», и призывал «принять строгие меры» (Там же. С. 44). При обсуждении вопроса о развитии рыбного промысла по Амуру высказывались опасения, что «если допустить ловлю рыбы всем желающим, то явятся китайцы, которые заберут все в свои руки» (Там же. С. 45). Подобных примеров можно привести еще много – от кон-

кретных предложений запретить китайцам ловлю трепангов водолазным способом, заимствованном у японцев, или полного запрещения охоты и промыслов, «не состоящим в русском подданстве китайцам и корейцам», до более общих формулировок о том, что «китайцы невыгодны для нас тем, что наживают деньги и несут их в Китай, не покупая никаких почти русских товаров» (Там же. С. 38). Все это в совокупности позволяет рассматривать материалы III съезда как достаточно информативный и интересный источник, прежде всего по хозяйственной деятельности китайских мигрантов и проблемам, которые они создавали для дальневосточной администрации и предпринимателей. То есть, судя по материалам съезда, нельзя сказать, чтобы эти проблемы не волновали местное общество и власть, но при этом почему-то нет ни одного пункта программы или записки, специально адресованных китайцам. Возможно, это каким-то образом связано с явно излишне оптимистичным на тот момент мнением высшей власти в крае, что «русская земля осталась всецело за русскими людьми». Во всяком случае, это выглядит по меньшей мере странным и заслуживает отдельного изучения, тем более, что следующий съезд уже сотрясали дебаты по так называемому «желтому вопросу».

Последний IV Хабаровский съезд был созван в августе 1903 г. по инициативе приамурского генерал-губернатора Д.И. Суботича. 4 апреля 1903 г. он издал приказ: «Для выяснения нужд края, особенно Амурской и Приморской областей, являющихся последствием двух крупных изменений в условиях местной жизни: закрытия порто-франко и проведения КВЖД, я признаю необходимым создать в Хабаровске, по примеру бывших при бароне Корфе Хабаровских съездов, под моим председательством, съезд сведущих людей, на который приглашаются для заявления своих нужд лица, интересы которых связаны с Приамурским краем, и представители существующих в крае обществ и предприятий» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 253. Л. 2). Для подготовки программы («вопросов, которые необходимо вынести на съезд»), была назначена особая комиссия под председательством правителя канцелярии генерал-губернатора статского советника М.П. Щербины.

Задачи съезда его главный секретарь Н.В. Слюнин обозначил следующим образом: «Очертить десятилетний рост Приамурья и нарисовать действительную, реальную картину его теперешнего положения, пользуясь присутствием, с одной стороны, лиц административных, а с другой – предпринимателя и исследователя, горожанина

и крестьянина, банкира и торговца, золотопромышленника и рыбака, словом, каждого, кто любит край и интересуется его судьбами, кто богат опытностью и наблюдательностью, кого занимают общественные вопросы, у кого болит сердце за неудачу и медленный рост того или другого предприятия в родном крае» (Труды IV Хабаровского съезда. С. III). Съезд отличался от предыдущих тем, что на него приглашали не одних только «сведущих лиц», а всех, «желающих помочь общей и сложной работе устройства края».

Съезд начал свою работу 6 августа 1903 г. Программой было предусмотрено 6 секций: 1) переселение; 2) лесное дело, пушной промысел, морской и речной промыслы; 3) горнопромышленность и золотопромышленность; 4) обрабатывающая промышленность, торговля, пути сообщения, почта и телеграф; 5) народное образование и 6) врачебно-санитарная часть. Заседания проводились ежедневно с 7 по 21 августа. Кроме работы секций, по вопросам общего характера проводились соединенные заседания нескольких секций. После обсуждения вопросов на секции, их постановления выносились на рассмотрение общего собрания, где «подвергались окончательному вершению». Таких общих собраний под председательством генерал-губернатора было восемь. В первой половине «Трудов», кроме протоколов общих собраний, еще напечатаны отчеты о прениях всех шести секций, а во второй половине опубликованы все присланные доклады отдельных лиц (35) и учреждений (25). Кроме того, здесь помещены и некоторые материалы, собранные особой комиссией («более подробные конспекты») по нескольким секциям – о положении инородцев, врачебно-санитарном деле, ветеринарных нуждах, чего не было в трудах III съезда. Выступая на первом общем собрании 9 августа, генерал-губернатор напомнил, что «все наши постановления, заключения и пожелания являются не постановлениями, решающими вопрос, но выражением мнений, которые могут послужить толчком для наиболее полезного решения данного вопроса» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 254. Л. 6).

На сей раз в программе было несколько вопросов, имевших непосредственное отношение к китайским подданным, а именно: «какие меры необходимы для улучшения быта инородцев, в частности для устранения экономической зависимости от китайцев?»; «в какой мере признается необходимым допустить на прииски и рудники рабочих из иностранцев и возможно ли установить какие-либо нормы?»; «какое значение имеет желтая раса, как рабочий элемент, в обраба-

тывающей промышленности края? Нужно ли принять меры против усиления значения этого?»; «какое значение имеет желтая раса в торговле края? нужны ли меры против усиления значения этого?» То есть, в отличие от III съезда, китайская тема, можно сказать, прошла лейтмотивом почти по всем секциям. Даже в программе секции по народному образованию стоял вопрос «относительно образования в области (Приморской. – Т. С.) школы переводчиков китайского, японского и корейского языков по программе Ургинской школы» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 253. Л. 5).

Положение инородцев и необходимость их освобождения от «китайской кабалы» разбирались на заседаниях 1-й секции по переселению. Но так называемый «желтый вопрос» обсуждался главным образом на 3-й и 4-й секциях, сначала отдельно, но очень скоро для пользы дела и «в виду важности», решили объединить усилия. На повестке дня, по сути, стояли два основных вопроса программы – в заседании 7 августа о китайском труде и на следующий день о китайской торговле, стоит ли их ограничивать. Прения по обоим вопросам были очень острые и мнения высказывались прямо противоположные, о чем свидетельствуют протоколы этих соединенных заседаний.

В начале несколько слов скажем о торговле. Когда на II съезде велись горячие споры о том, пользу или вред китайцы приносят краю, они касались в основном рабочих, а торговое влияние китайцев, похоже, еще никаких опасений у участников съезда не вызывало. Русское купечество, усматривавшее конкуренцию только со стороны иностранцев-европейцев и выступавшее за отмену приамурского порто-франко, предлагало даже, чтобы для китайских товаров был сохранен беспошлинный ввоз (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 160). Китайской конкуренции еще не придавалось в то время значения. К IV съезду ситуация, видимо, существенно изменилась. Незаметно ни для русских, ни для иностранных торговцев вырос новый конкурент в лице «многочисленного китайского элемента, явно уже забравшего силу и проявляющего вполне определившиеся тенденции мало-помалу вытеснить с рынка всех остальных представителей местной торговли без различия их национальностей» (Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1897. С. 67).

Одним из главных противников китайской торговли на съезде выступал податной инспектор из Николаевска-на-Амуре Н.Я. Шестунов, мнение которого было загодя изложено в записке «Видимые причины успеха китайцев в мелкой и средней торговле» (Труды IV Ха-

баровского съезда. С. 3–4). Его оппонентом был редактор благовещенской газеты «Амурский край» Г.И. Клитчоглу. Эти два мнения, судя по протоколу, бурно обсуждались на заседании 4-й секции съезда 8 августа 1903 г. (Там же. С. 7–11).

Н.Я. Шестунов, отмечая особенности китайской торговли, настаивал на том, что «китайцы в торговле Дальнего Востока играют ту же роль, что иудеи в Западном крае, и столь же опасны для русских национальных и государственных интересов. Наплыв их и упрочение в торговле, после чего выкурить их будет очень трудно, необходимо предотвратить загодя» (Там же. С. 4). Г.И. Клитчоглу предлагал поставить вопрос программы шире – допустима ли в России торговля вообще иностранцев вне зависимости от национальности. «Если для русской торговли вредны китайцы, – писал редактор, – то одинаково вредны и французы, немцы, англичане. Если китаец увозит свои барыши из России, то их увозит и любой другой иностранец. Чтобы быть последовательным, нужно запретить всем. Но такого я не могу себе представить» (Там же. С. 190). Г.И. Клитчоглу обращал внимание на то, что русские купцы, с открытием КВЖД, переносят свою торговлю в Маньчжурию, «бросая русского потребителя» в Приамурье, и если не допускать еще и китайцев до торговли, то «потребитель будет испытывать много неудобств». Основной же вывод редактора «Амурского края» – «нет оснований стеснять или воспрепятствовать торговлю китайцев, довольствующихся незначительной прибылью по сравнению с русскими и европейскими купцами».

К единому мнению участники секции так и не пришли. Во время обсуждения вопросов о китайской торговле в крае на съезде обнаружились два совершенно противоположных взгляда: одни выступали за полную свободу торговли на почве естественной конкуренции, другие – за необходимость принятия мер, направленных к ограждению торговли в крае от китайской конкуренции. К концу работы на голосование было поставлено два вопроса: предоставить ли полную свободу торговли китайцам и необходимо ли принять меры против нее? Довольно любопытными оказались результаты – из 33 членов секции за первое предложение проголосовали 17 человек при одном воздержавшемся (Там же. С. 9). То есть голоса распределились примерно поровну, но все же с небольшим перевесом сторонников свободы торговли (О полемике на съезде по поводу китайской торговли см. подробнее: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика админист-

рации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. С. 174–178).

Но все же центральным вопросом в китайской теме на съезде, самым «жгучим» и болезненным, оказался «рабочий вопрос». Последовательным противником китайского труда выступил все тот же Н.Я. Шестунов, считая «китайского рабочего несомненным и крупнейшим врагом русского дела в крае и большою опасностью в политическом смысле» (Труды IV Хабаровского съезда. С. 4). Его единомышленники предлагали «обложить китайских рабочих особыми прогрессивными сборами, дабы этим уравнивать конкуренцию их по отношению к русским рабочим» (Там же. С. 2). Другие участники соединенного заседания, как, например, директор-распорядитель благовещенского товарищества «Амурское пароходство» Н.А. Зиновьев, возражали, что «при настоящих условиях, главным образом из-за отсутствия русского рабочего элемента, обойтись без китайца рабочего на Амуре нельзя», и ссылались на неудачный «опыт выписки» русских рабочих (Там же. С. 1–2). В принятом постановлении объединенных секций в итоге отмечалось, что «современное господствующее положение китайцев в области труда в Приамурском крае, ... обуславливается отсутствием русских рабочих. Русские рабочие вообще являются здесь случайными, разрозненными и бессильными перед китайской сплоченностью и взаимопомощью. Таким образом, наплыв желтой расы сюда для заработков обуславливается исключительно отсутствием конкуренции». В качестве меры борьбы с «наплывом» предлагалось привлечение в край русских рабочих. Но при этом большинство участников признавало, что «для обеспечения правильного течения промышленности является в настоящее время необходимость в пользовании китайскими рабочими». Позиция же сторонников жесткой линии в отношении китайских рабочих была отражена в «особом мнении» (Там же. С. 6).

Обсуждение этого вопроса было продолжено на первом же общем собрании под председательством генерал-губернатора 9 августа 1903 г., где его признали сложным и важным, сравнив с «Гордиевым узлом», который «не так легко разрубить», поскольку он «завязан исторически». Полемика, затянувшаяся допоздна, тоже не привела к единому решению. Резюмируя обсуждение, председательствующий генерал-губернатор обратился к 4-й секции с просьбой, еще раз «пересмотрев все возражения и указания, подробно формулировать свое заключение» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 254. Л. 10). Следую-

щее общее собрание от 10 августа постановило: «В виду ярко очерченных двух противоположных взглядов на этот предмет, обсудить его более всесторонне и обоснованнее по тем причинам, что этот вопрос имеет для края особенную и исключительную важность и должен быть рассмотрен не только с точки зрения современных потребностей и условий, но и подлежит выяснению, в каких формах и какие последствия могут произойти в будущем» (Труды IV Хабаровского съезда. С. 65). Всем желающим предложили представить свои мнения в письменном виде. К 20 августа поступило несколько докладов и записок, в том числе: хабаровского инженера С.И. Бера «Желтая раса как рабочий элемент» (Там же. С. 184–186); благовещенского горного исправника Р.С. Иванова «К “желтому вопросу”» (Там же. С. 186–187); благовещенского золотопромышленника И.И. Бутина «Корейцы и китайцы как рабочие на приисках» (Там же. С. 187–189); редактора благовещенской газеты «Амурский край» Г.И. Клитчоглу «По желтому вопросу» (Там же. С. 189–190). Кроме этих докладов на «заседании соединенных секций по вопросу о желтой расе» днем 20 августа были еще зачитаны заявления не присутствовавших лично на съезде предпринимателей Бутина, Мордина и др. В итоге заседание пришло к заключению, что «принятие каких-либо репрессивных мер по отношению к желтой расе не желательно, и что труд китайцев при современных условиях является необходимым за недостатком русской рабочей силы» (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 254. Л. 86). Вечером того же дня это заключение было доведено до сведения седьмого (предпоследнего) общего собрания съезда.

Председатель собрания Д.И. Суботич поддержал заключение секции о том, что, с одной стороны, в настоящее время «китаец необходим», особенно в золотопромышленности, строительных работах и т. п., а с другой стороны, главная задача должна состоять в том, чтобы содействовать «русскому рабочему элементу». Он признавал, что «стеснения и репрессалии тут не помогут». «Что касается моих личных убеждений, – сказал генерал-губернатор, – то единственный путь освободиться от китайцев – это путь колонизации». После бурного обсуждения, продлившегося далеко за полночь, съезд пришел к единогласному решению: «Надо стремиться к постепенному вытеснению представителей желтой расы; все мероприятия должны сходиться к этой общей цели». Но одновременно большинством голосов съезд высказался против принятия репрессивных мер. Мнение оппонентов было занесено в протокол общего собрания (Там же. Л. 86).

На наш взгляд, именно полемика по «желтому вопросу» на IV съезде заложила основы будущей стратегии политики приамурской администрации в отношении китайских мигрантов в последующие годы, особенно после русско-японской войны, обострившей проблему «защиты русского дела» на далекой окраине. Одним из неперменных средств этой защиты становится «ограничение наплыва китайцев и корейцев». Приамурская администрация была поставлена перед необходимостью выработки иммиграционного законодательства для областей Дальнего Востока. Д.И. Суботич, в ответ на реплику относительно того, что съезд не компетентен обсуждать «желтый вопрос», прозорливо заметил: «На мой взгляд, мы далеки от того, чтобы во всех вопросах, которые подлежат рассмотрению съезда, брать на себя авторитетное и окончательное решение: ни один парламент никогда не исчерпывал крупные вопросы в окончательном виде. К счастью, наша задача более скромная: дать толчок известному делу, указать на желательные и полезные для края меры; все отдельные мнения и наши совместные обсуждения принесут потом пользу тому, кому надлежит решать эти вопросы» (Там же. Л. 10). В этом смысле труды IV съезда трудно переоценить, а вкупе с материалами всех предшествующих съездов, они представляют еще и ценнейший источник по эволюции представлений приамурских властей и общества о месте и роли китайских подданных в их регионе в конце XIX – начале XX в.

Анкеты вышедших из партии эсеров как исторический источник

Одним из источников по изучению истории эсеров являются анкеты вышедших из партии социалистов-революционеров (ПСР). Для большевиков, взявших власть в стране в октябре 1917 г., эсеры стали главными политическими противниками и конкурентами. В.И. Ленин откровенно заявлял, что среди контрреволюционных сил они заняли первое место. По его поручению был подготовлен план работы ВЧК на вторую половину 1921 г. и первую половину 1922 г., предусматривавший «доликвидацию» партий эсеров и меньшевиков (Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995. С. 174). В феврале 1922 г. В.И. Ленин направил народному комиссару юстиции Д.И. Курскому письмо, в котором в качестве одной из мер борьбы против социалистов-революционеров предлагалась «обязательная постановка ряда образцовых (по быстроте и силе репрессии, по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах...» (Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики: Письмо Д.И. Курскому // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396). Данное указание нашло свое воплощение в начавшемся в июне 1922 г. в Москве процессе над 34 членами ЦК и другими руководителями ПСР. Всеми силами стремясь уничтожить партию эсеров, уделяя при этом большое внимание агитационно-пропагандистской составляющей своей политики, в первую очередь с целью оправдания в глазах российского общества проводившихся в отношении политических оппонентов репрессий, большевики внимательно следили за вышедшими из ПСР членами. В частности, в 1923 г. Центральный комитет РКП(б) направил на места особое предписание «тщательно изучить» процесс выхода эсеров и меньшевиков из своих партий.

Подобная установка от имени Сибирского Бюро ЦК РКП(б) в октябре 1923 г. была получена Омским губернским комитетом РКП(б) (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. П-1. Оп. 4. Д. 294. Л. 15). Авторы директивы указыва-

ли на своевременность акции, поскольку, по их сведениям, выходы из партий в отдельных местностях страны стали массовым явлением. Отдельно оговаривалась необходимость наиболее полно ознакомиться с теми мотивами, которыми руководствовались эсеры и меньшевики, покинувшие с 1917 г. ряды своих партий. На основании этого изучения, как отмечалось в предписании, партия большевиков «сможет систематически и организованно воздействовать на усиление процесса ликвидации партий эсеров и меньшевиков, а также получить необходимые материалы для использования их в целях агитации среди некоторых слоев беспартийных рабочих» (Там же). Чтобы получить «отражающие действительность» материалы, необходимо было провести опрос вчерашних союзников в деле борьбы с самодержавием, заполнив прилагаемую к директиве анкету. Причем для ее авторов было принципиально важно, чтобы инициатива исходила формально не от большевистской парторганизации, а от отдельных бывших меньшевиков и эсеров или их групп. В противном случае анкета могла быть понята превратно и ответы оказались бы формального характера. Особое внимание в направленной на места директиве обращалось на получение достаточно полных, исчерпывающих ответов на поставленные вопросы.

В Историческом архиве Омской области сохранилось 12 анкет вышедших из партии социалистов-революционеров (11 мужчин и 1 женщина: В.М. Горбунов, В.С. Рыбалов, Н.П. Соснин, М.Е. Коростелев, Т.И. Смолянок, И.Д. Панюжев, А.С. Рыбак, С.И. Богомолов, Л.В. Чирков, А.И. Филиппов, Г.Г. Кафтан, А.В. Филиппова-Багаева) (Там же. Л. 2–14). Препровождая их копии в Орготдел Сиббюро ЦК РКП(б), Омский губком РКП(б), между прочим, информировал об отсутствии заполненных анкет меньшевиков, так как вышедших из их среды почти не было, и только в самый последний момент начали поступать заявления о выходе, что объяснялось проводимыми репрессиями (Там же. Л. 1). Анкета состояла из 17 пунктов. В первых пунктах содержались общие и важнейшие биографические сведения о человеке: 1) фамилия; 2) имя и отчество; 3) год рождения; 4) национальность; 5) родной язык; 6) знание иностранных языков; 7) социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние и т. п.); 8) профессия, основное занятие, дающее средства к существованию; 9) образование (требовалось точно указать, где учился, окончил ли курс, а если не окончил – сколько классов, курсов прошел). Из ответов 12 бывших эсеров на данные вопросы следовало, что это были

люди преимущественно 30-летнего возраста (самому старшему исполнился 41 год, самой младшей – 26 лет), выходцы из крестьянского сословия, по национальности русские. Другие нации представлены двумя украинцами, мордвином и немцем. Соответственно, родными языками выступали русский, украинский, мордовский и немецкий; два же человека (В.С. Рыбалов и Г.Г. Кафтан) свободно говорили на французском языке. По своей профессии они являлись служащими (трудились бухгалтерами, статистиками, занимались культработой), учителями, рабочими. Два человека имели начальное образование, остальные – среднее и высшее (оконченное и неоконченное), а именно: Г.Г. Кафтан окончил экономическое отделение Московского коммерческого института, В.С. Рыбалов и Л.В. Чирков учились на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института, М.Е. Коростелев слушал лекции на юридическом факультете Томского университета, А.И. Филиппов год проучился на гуманитарном факультете Иркутского университета, А.В. Филиппова-Багаева окончила Иркутский учительский институт (Там же. Л. 3, 5, 10, 11, 12, 13).

Дальнейшие содержащиеся в анкете вопросы (п. 10 и 11) были нацелены на получение сведений о том, когда человек стал сочувствовать эсерам, когда вступил в партию и какую работу выполнял. Как правило, опрашиваемыми назывались конкретные годы кануна и периода Первой российской революции; самые же молодые указали на 1911, 1913, 1916 гг. Иногда упоминались конкретные исторические события: русско-японская война, Всероссийская октябрьская политическая стачка. При этом несколько человек отметили, что первоначально являлись социал-демократами. В частности, Л.В. Чирков с 1904 г. работал в социал-демократических кружках и перешел к социалистам-революционерам в 1906 г. в связи с «ликвидацией первой революции» (Там же. Л. 10). Нашло отражение в рассматриваемых опросных листах революционизирующее влияние на молодых людей средней и высшей школы. Так, А.И. Филиппов начал сочувствовать эсерам с 1911 г., во время учебы в учительской семинарии (Там же. Л. 11). По свидетельству Г.Г. Кафтана, симпатизировать эсерам он стал с первого года студенчества и с 1913 г. уже трудился в студенческих кружках в Москве (Там же. 13). В целом, по вполне понятным причинам большинство из проанкетированных лиц начали сочувствовать ПСР во время революции 1905–1907 гг. Тогда же многие вступили в партию. Вторым периодом массового пополнения рядов социа-

листов-революционеров стала Февральская революция. А.И. Филиппов, например, официально вошел в партию только в феврале 1917 г. М.Е. Коростелев, симпатизировавший эсерам с 1911 г., – в марте 1917 г. А.С. Рыбак активным партийным работником также стал лишь после падения самодержавия (Там же. Л. 5, 8, 11).

Последние шесть пунктов анкеты (12–17) представляют наибольший интерес, поскольку ответы на поставленные в них вопросы так или иначе раскрывают мировоззрение, мировосприятие социалистов-революционеров, отражают их взгляды, отношение к важнейшим, переломным, трагическим событиям в истории России, к политическим силам, к проводимой советской властью политике. Прежде всего, составители анкеты желали знать, что оттолкнуло опрашиваемых от большевиков в 1917 г. Эсеры отвечали по-разному. В первую очередь большевики критиковались за захват власти и установление диктатуры пролетариата, т. е. демонтаж «широкого демократического строя»: ограничение свобод (слова, печати, выборов), лишение избирательных прав части населения, хотя бы и буржуазной, что являлось нарушением элементарных прав человека (Там же. Л. 7, 11, 12, 13). Кроме того, большевики резко осуждались за отказ от идеи Учредительного собрания (Там же. Л. 6, 8, 9). В частности, С.И. Богомолов замечал: «Я считал, что только через Учредительное собрание будут закреплены революционные завоевания и совершенно не мог примириться с разгоном учредилки» (Там же. Л. 9). Не устраивала ставка новой власти на революцию в международном масштабе, в которую многие не верили. Отторжение вызывал и лозунг «долой войну во что бы то ни стало» (Там же. Л. 3). Крупнейшим расхождением, естественно, был аграрный вопрос и практические мероприятия по его решению. Некоторые социалисты-революционеры говорили о наличии сомнений в осуществимости перехода власти к советам и указывали на то, что взятие большевиками власти на местах и поощрение ими «стихийного движения солдат и крестьян» создало в конечном итоге анархию. Отмечался в анкетах и целый ряд мелких тактических расхождений (Там же. Л. 5, 8, 10, 11).

Другой волновавший большевиков вопрос, ответ на который демонстрируют изучаемые документы, что казалось анкетируемым наиболее правильным в программе и тактике ПСР в 1917 г.? Практически все, рассуждая о партийной программе, первым делом отмечали ее краеугольный камень – социализацию земли (аграрный вопрос, «просто и близко разрешавший» земельные нужды российско-

го крестьянства, вообще был «центральным пунктом, притягивавшим к себе внимание»), а также твердое рабочее законодательство (в первую очередь 8-часовой рабочий день) и политические свободы. Кроме того, упоминались и такие отдельные положения программы, как прогрессивно-подоходный налог, национализация крупной промышленности (Там же. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13). В тактике, помимо общей борьбы за социализм и непосредственной реализации демократических свобод, некоторых опрашиваемых привлекал эволюционный путь к социализму («постепенный переход к социалистическим формам государственного устройства») и «стремление влить стихийное движение в государственные формы». Об этом, например, говорили В.С. Рыбалов, С.И. Богомолов и Л.В. Чирков (Там же. Л. 3, 9, 10). Обращалось внимание и на стойкость по защите Учредительного собрания, самоотверженность по отстаиванию чести партии (Там же. Л. 8). По мнению Г.Г. Кафтана, стремление ПСР именно «путем созыва Учредительного собрания, с широким представительством рабочих и крестьян, разрешить проблему социализации земли и установления восьмичасового рабочего дня и свобод личности» имело первостепенное значение (Там же. Л. 13). Несмотря на то, что содержащийся в анкетах вопрос о тактике относился к периоду революции 1917 г., бывшие социалисты-революционеры, отвечая на него, сочли необходимым упомянуть о терроре против самодержавия (террористические акты в отношении тех, кто стоял на пути обновления общества) и в целом об «активности действий в борьбе» в прежние времена (Там же. Л. 6, 8, 11).

Далее в рассматриваемых документах следовала серия вопросов о наличии у опрашиваемых сомнений в правильности тактической линии ПСР, времени и причинах перелома во взглядах, влиянии на них «колчаковщины» и последующего ее разгрома. Составителей анкеты также интересовало, говорили ли бывшие социалисты-революционеры об этом переломе со своими руководящими работниками и какой получили ответ, имели ли связь и какую с центральными органами партии, насколько хорошо были информированы о политике руководства партии и каким образом это влияло на воззрения. Помимо прочего, эсерам необходимо было в очередной раз рассказать, по каким же вопросам они «лично все время особенно резко» расходились с большевиками. Заключительный пункт документа (17) затрагивал многочисленные конкретные проблемы революционной эпохи, а потому предполагал довольно объемный ответ, благо-

даря чему исследователь, изучающий подобные источники, получает ценные сведения об отношении социалистов-революционеров к следующим вопросам и событиям: а) демократия и диктатура; б) окончание империалистической войны; в) Гражданская война; г) военный коммунизм; д) террор; е) национальный вопрос; ж) НЭП; з) интеллигенция; и) военная дисциплина партии коммунистов. По замыслу составителей, названные проблемы должны были рассматриваться эсерами в качестве основных причин колебаний и трансформации своих прежних взглядов. По-разному отвечая на предложенные вопросы, они, тем не менее, в большинстве своем признавали неизбежность и необходимость диктатуры пролетариата, военного коммунизма, классового террора и НЭПа (Там же. Л. 2, 7, 11, 12, 13).

Таким образом, анкеты вышедших из партии эсеров содержат ценную информацию и являются, пусть и довольно специфическим (в силу характера происхождения и выборки – явно не все пережившие революционные потрясения члены ПСР соглашались на проводимое большевиками анкетирование), но немаловажным историческим источником по истории революционного движения в России в начале XX в. По вполне понятным причинам рассматриваемые документы отличаются друг от друга степенью информационного наполнения. Прежде всего содержание анкеты зависело от личностных качеств опрашиваемого. Одни анketируемые на предложенные вопросы предпочитали отвечать лаконично, другие – подробно. Большую роль при этом играл фактор образования. Как правило, лица с высшим образованием давали развернутые ответы, аргументированно излагая свою позицию по той или иной проблеме. Кроме того, обращает на себя внимание умеренность их взглядов, неприятие радикальности. Так, Г.Г. Кафтан прямо заявлял, что от большевиков его оттолкнуло не только стремление заключить сепаратный мир с Германией, но и развязывание в стране так называемого «красного террора», поскольку он «был вообще противником террора, в какую бы он форму не выливался и с чьей бы стороны не устанавливался» (Там же. Л. 13). Высшее образование способствовало также наличию в ответах аналитических суждений, сделанных на основе наблюдения за стремительно развивавшимся революционным процессом. Несомненный интерес, например, вызывает замечание того же Г.Г. Кафтана о начале перелома в его мировоззрении с момента роспуска Учредительного собрания – он был неприятно удивлен и сделал соответствующие выводы после того, как увидел, что роспуск представительного орга-

на не нашел почти никакого отклика среди рабочих и крестьян, интересы которых в основном он и был призван защищать (Там же. Л. 13).

Поскольку некоторые анкеты содержат немалые текстовые фрагменты, при их исследовании целесообразно применять такие методы изучения текстов и дискурса, как контент-анализ и дискурс-анализ. Это позволит в определенной степени приоткрыть внутренний мир человека, волей судьбы попавшего в сложнейшие условия пребывания, в которых приходилось балансировать порой на грани жизни и смерти, геройства и предательства; поможет увидеть реальные социально-психологические явления, нашедшие выражение в его подсознании; сделает вероятным рассмотрение психологии личности «изнутри». Наряду с данными источников личного происхождения, имевшиеся в анкетах сведения играют большую роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности в специфичной атмосфере эпохи. Кроме того, отложившаяся в документах информация отчетливо демонстрирует историческую и культурную обусловленность способов понимания бывшими социалистами-революционерами окружающего мира и самих себя, связь между их знаниями и социальными процессами, между знаниями и социальным поведением. Подобная обусловленность, в частности, нашла отражение в характерной риторике отдельных лиц. В их ответах революционный опыт был представлен преломленным через призму советской пропаганды и большевистских «идеологических штампов», что может свидетельствовать о самостоятельных попытках идейной эволюции в кардинально поменявшихся условиях. Соединяя свой личный опыт и официальную трактовку, они, отвечая на вопросы, заявляли о незнании идеологии, программы большевиков и своем заблуждении относительно партии эсеров, говорили не только о «борьбе с хищниками капитала», «буржуазных предателях», «хищническо-захватнических интересах буржуазии», «романовской интервенции», терроре как «ампутации зараженных частей тела от здоровых» и средстве «раздавить гадину контрреволюции», но и указывали на мелкобуржуазную идеологию ПСР, на осознанность интеллигенцией своих ошибок, на мягкотелость эсеров и меньшевиков (Там же. Л. 2). Данные оценки в рассматриваемых документах были, конечно, исключением, но именно они являются наиболее ярким примером названного выше аспекта.

Характеризуемые анкеты могут служить источником для изучения исторической памяти социалистов-революционеров. Память

человека устроена так, что индивид запоминает в первую очередь наиболее значимые для себя факты и события, которые нередко могут быть незначительными и не связанными между собой, но в то же время они более сильно эмоционально окрашены. И поскольку опросные листы, позволяющие наблюдать психологию отдельного человека, являются источником массовым (специфическим, разумеется), открывается возможность создания образа целой группы. Конечно, при исследовании данных документов необходимо учитывать, что, вероятно, далеко не всегда бывшие эсеры давали искренние ответы – они вполне могли говорить и то, что хотели услышать большевики. Тем не менее, анкеты – ценный источник, представляющий собой не только одну из черт эпохи, но в известной степени и внутреннее состояние людей. Помимо традиционных сведений о половозрастной структуре, социально-классовой принадлежности социалистов-революционеров, они содержат уникальный материал, выявляющий позиции опрашиваемых людей по принципиальным вопросам, их отношение к животрепещущим проблемам истории русской революции. Включение анкет в научный оборот поможет при постижении истории ПСР осветить историю «целого», не пренебрегая индивидуальностью и субъективностью «частного», и, таким образом, позволит выйти на уровень микроистории, что соответствует тенденции «антропологического поворота» в мировой практике исторических исследований. Именно это дает возможность сделать науку о событиях прошлого живой и эмоциональной.

***Подготовка колонизационных экспертов
в Сибирском институте сельского хозяйства
и лесоводства (по материалам кафедры
переселения и колонизации)****

Построение новой высшей школы, отвечающей запросам социалистического государства и советского общества, включало множество разнообразных проблем и специальных, в том числе и ведомственных особенностей. Новации в предметах и принципах подготовки, социальных претензиях к контингенту учащихся и преподавателей не исключали при этом преемственности со старыми университетскими программами. Особенно это касалось аграрных направлений, отличавшихся уже в прежнем дореволюционном формате высоким качеством специалистов и известным демократизмом традиций научной и учебной среды (Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева. К 100-летию основания. 1865–1965. М., 1969). Из дореволюционной высшей школы приходит идея подготовки не просто специалистов высшей квалификации, практиков и техников для аграрного сектора, но научно-образованных общественных деятелей (Иванов А.А. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 75). Новый тип универсального аграрного образования предполагал сочетание сельскохозяйственных, естественнонаучных, экономических и юридических знаний. Высказывались идеи о необходимости соединения высшего сельскохозяйственного образования с университетским. Незаконченные дискуссии вместе с проектами реформ высшей школы и самыми разнообразными формами и видами сельскохозяйственного образования достались новой власти и старой аграрной интеллигенции в условиях раннесоветской действительности.

В 1910–1920-х гг. для г. Омска одним из ведущих направлений развития высшей школы закономерно было сельскохозяйственное образование. С началом массового переселения административный ста-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Колонизационные эксперты между империей и советской властью», № 17-01-00446.

тус Омска подкрепляется ролью координационного, научно-исследовательского, образовательного и экспедиционного центра колонизации азиатских окраин. Город чиновников и военных наполняется новой, общественно и политически активной публикой. При этом именно «переселенческие площадки», в виде учреждений государственной и общественной помощи крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственных и лесных складов, исследовательских экспедиций содействовали если не объединению, то совместной деятельности чиновников и интеллигенции, редко местной, провинциальной, чаще ссыльной. В середине 1920-х гг. Омск, утрачивая, в том числе благодаря «белой столичности», административный статус, продолжал апеллировать к уникальной научно-исследовательской базе, преподавательским кадрам, уже выпускающему землеустроительному факультету, претендовал стать со временем центром подготовки специалистов по переселению и колонизации.

Подводя итог десятилетию омского, единственного для Сибири опыта сельскохозяйственной высшей школы, исследователь И.И. Осипов отмечал неизменность и согласие в видении перспектив Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства (СибИСХиЛ) как университетского по духу учреждения, дающего научное образование своим слушателям (Осипов И.И. Каких специалистов должна готовить сибирская высшая с.-х. школа // Научный сборник. К десятилетию высшей сельскохозяйственной школы в Сибири. 1918–1928. Омск, 1928). При этом подготовка узких специалистов по всем разветвлениям сельскохозяйственной науки и практики определялась как задача непосильная и вредная для высшей агрономической школы. Распыление научной работы, замена научного образования узкопрофессиональным, уклон в сторону технических навыков и снижение научно-исследовательских элементов школы («наука выращивания») не могла принести пользы, по мнению эксперта, ни интенсивно развивающемуся хозяйству, ни науке. Специалисты, подготовленные для решения задач сегодняшнего дня, могли оказаться невостребованными завтра. И сегодня злободневно звучат размышления ученого и педагога, о том, что готовить студента стоит не столько к определенному виду деятельности, но научно-исследовательскому подходу, к меняющимся запросам и нуждам хозяйства. В условиях, когда достаточно быстро меняются экономические и социальные основы хозяйственной деятельности, реорганизуются формы хозяйства, специалист как исследователь должен уметь собирать материал, анали-

зировать его и на этой основе конструировать и моделировать формы и пути развития нового хозяйства. «От каждого деятеля с.-х. политики в деревне... требуется самая широкая ориентировка в поставленных жизнью вопросах, умение понять и построить плановое хозяйство района, иметь ясное представление о стоящей перед ним организационной работе в деревне и, самое главное, обладать методами научного исследования для познания окружающей хозяйственной обстановки и установления конкретных путей прогрессивного развития местного сельского хозяйства» (Осипов И.И. Указ. соч. С. 193).

Можно выделить и принципиально новые, т. е. отсутствующие вообще в императорских университетах и институтах, аграрные специальности, подготовка к которым началась только после революции. Интересным и почти не исследованным оказывается опыт подготовки в центре и на местах, в частности, в Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства специалистов по колонизации, или «колонизаторов широкого профиля». Переселенческое ведомство Российской империи на практике пришло именно к такому пониманию значимости местных экспертов, а раннесоветская аграрная школа попыталась закрепить этот опыт, хотя и не всегда признавая преемственность, в том числе по политическим соображениям. Учитывая крайне осторожное отношение имперских экспертов к колониальной терминологии, понятие «колонизатор», в смысле чиновник, управленец, фактически не имело хождения ни в официальном делопроизводственном языке, ни в бытовом, мемуарном. Также и в советском переселенческом дискурсе колонизационная / колонизаторская терминология достаточно быстро, в том числе и с помощью административно-политических рычагов будет вытеснена и осуждена. Единственным исключением в 1920-е гг. станут научно-образовательные учреждения (Государственный колонизационный научно-исследовательский институт с отделением экономико-географического описания колонизационных районов и колониальной и колонизационной политики иностранных государств в Московском Межевом институте и СибИСХИЛ). Подготовка «ответственных специалистов колонизации» рассматривалась как задача для России «совершенно необходимая и совершенно новая» (Ямзин Н.А. Колонизация в России и ее современная обстановка, условия регулирования и изучения // Вопросы колонизации. Кн. 2. М., 1922. С. 45). Преподавание колониальных наук за границей (колониальный факультет в Нанси при Высшей школе политических наук) вряд ли могло рассматриваться отечественны-

ми учеными, преподавателями и практиками как образец, в силу чуждого империалистического характера проводимой политики капиталистическими государствами.

Колонизационные структуры в позднеимперский период вплотную подошли к проблеме нехватки специализированных кадров. В условиях массового переселения довоенного периода переселенческих чиновников обучали только на практике. Помимо традиционного для всех государственных учреждений кадрового голода, в колонизационном ведомстве нехватка чиновников усугублялась практически экстремальными условиями работы, широчайшим спектром деятельности и оригинальными претензиями к личным качествам кандидатов.

Чему, как и где предполагалось учить будущих советских колонизаторов, подробно зафиксировали делопроизводственные документы кафедры переселения и колонизации СибИСХиЛ, записки и отчеты руководителя кафедры, личная и деловая переписка с выпускниками, сохранившиеся в личном фонде профессора Н.А. Сборовского (Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2668) и фонде Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова (ГИАОО. Ф. 492). Материалы содержат учет студенческого контингента (фамильные списки, социальный и партийный состав, половозрастную динамику, семейный статус) и качественные характеристики образовательного процесса (состав преподавателей, конспекты лекций, темы дипломов, географию практик и последующего распределения).

Возобновление массового переселения в 20-е гг. XX в. выдвинуло проблему кадров на новый уровень. Острая необходимость в квалифицированных переселенческих чиновниках, технических специалистах дополнялась явным недостатком экспертов. В докладной записке профессора СибСХиЛ Н.А. Сборовского об организации Переселенческого отделения на землеустроительном факультете (земфаке) в качестве основной причины кадрового голода отмечалось «естественное и насильственное вымирание персонала» (ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 137. Л. 6). Период войн и революций привел к «депрессии переселения», консервации аппаратуры и, как следствие, прекращению практической подготовки молодежи в самом производстве. «Прежние специалисты частью вымерли, частью пришли в инвалидное состояние, частью распылились по другим работам и требуют переподготовки». Специалисты, получавшие образование «из-за Урала», признавались не особо годными к сибирским условиям работы и оценивались в лучшем случае, как чиновники, но не специалисты.

В проекте генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет (с 1926 по 1941 г.) был определен курс на научную постановку дела. Реализацию этого поворота предполагалось начать с организации административно-экономических центров, развития кооперативно-промышленного инструктажа... показательных музеев колонизационных районов при Районном переселенческом управлении (ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 172). Данное направление рассматривалось как общепризнанная необходимость, доказанная довоенным опытом. В связи с разработкой перспективных планов переселения в Новосибирске было собрано совещание сотрудников отдела переселения с представителями местных переселенческих организаций. Систематические научные изыскания, «обстоятельное изучение естественных, и, в первую очередь, климатических условий территорий» рассматривались как условия эффективности планового переселения. В резолюции совещания отмечались имеющиеся недостатки в обследовании края, в том числе хаотичность, несогласованность программ и методов и, как следствие, несопоставимость данных, которые можно было исправить, создавая на местах особые научно-исследовательские институты. Цель таких институтов заключалась в научном руководстве обследованием территорий, установлении единого плана систематического и всестороннего изучения заселяемых районов, а также научной разработке по единому плану и методу материалов (ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 142. Л. 83).

Успешность проведения переселенческих мероприятий определялась качеством кадров. Для повышения эффективности работ совещание предложило укомплектовать переселенческий аппарат в центре и на местах высококвалифицированным руководящим и исполнительным техническим персоналом, обеспечив его материальное положение в соответствии с трудностью работ в отдаленных необжитых местах. Не определяя еще качества персонала, отмечалась необходимость предоставления «действительного, а не бумажного руководства переселенческими операциями», «изъятия из переселенческого дела кого бы то ни было формализма, бумажной волокиты» (Там же. Л. 83–84). Значимость именно местных переселенческих кадров виделась участникам совещания в возможности корректировать общегосударственные унифицированные планы переселения с учетом новых местных особенностей. Оговаривалась необходимость финансовой и оперативной самостоятельности, «с правом организации различного рода подсобных предприятий, действующих на началах хозяй-

ственного расчета и вхождения пайщиком в существующие и вновь учреждаемые хозяйственные организации».

Широкомасштабные образовательные проекты на практике было организовать сложнее, чем на бумаге. Несмотря на очевидные, четко рассчитанные претензии к новым специалистам, центральные органы не спешили субсидировать это начинание. Стартовое предложение об организации административно-экономических центров, специализированных институтов решено было реализовать «ступенчатым путем»: сначала ввести дополнительные лекционные курсы («в порядке догрузки с колонизационным уклоном»), далее образовывать переселенческую секцию при земфаке наряду с землеустроительной, а потом открыть переселенческое отделение. В рамках переселенческого отделения цикл подготовки экспертов предполагалось увеличить до 4,5–5 лет, расширив штат преподавателей и руководителей, усилив финансирование.

Краткосрочные курсы, читаемые для землеустроителей, как частные, предполагалось дополнить разделами для колонизаторов – по политике переселения и законодательству о нем. Специфика подготовки предполагала дополнительное число практических занятий, работу со специальным оборудованием в переселенческом музее, тесную связь с практикующими специалистами сибирских переселенческих учреждений. Темы дипломных работ предполагалось согласовывать с руководящими органами Сибирского переселенческого управления, что должно было гарантировать «жизненность самих тем» и, то, «что хорошо исполненные работы не были только достоянием учебной части, но входили бы актуально в русло производства». Будущие колонизаторы уже во время практик попадали в недоукомплектованные штаты переселенческих учреждений, спасая «горячие полевые периоды» и не затрачивая при этом значительных казенных средств.

Среди запланированных дополнительных лекционных курсов можно выделить несколько блоков:

1) блок компаративно-исторический, в рамках которого студентов знакомили с российским и зарубежным опытом, в частности, с экономикой переселения и заселения с историей колонизации за границей и в СССР;

2) блок теоретических дисциплин, таких как колонизационное проектирование, экономика землеустройства с методикой выработки норм земельного наделения, учение об организации переселенческого хозяйства и методах агропомощи;

3) блок практических дисциплин для овладения навыками практической колонизационной деятельности: методика и техника общих и детальных колонизационных обследований земельных фондов; сельское инженерно-строительное искусство; энциклопедия лесной технологии с основами промыслов и заводского дела; организация водворения переселенцев и экономико-бытового обслуживания их (кредитного, кооперативного); бухгалтерия, счетоводство, делопроизводство и администрирование переселенческого производства.

С начала 1927 г. планы СиБИСХиЛ перестают быть новаторскими, так как Главпрофобр утвердил аналогичные мероприятия в отношении факультета землеустройства и переселения Московского межевого института. Там же начали действовать 4-месячные курсы по подготовке работников в сфере переселения и колонизации. Дополнительные кадры по-прежнему редко добирались до Сибири, а попадая сюда, только подтверждали верность посыла, что готовить нужно своих и не узких специалистов, например, землеустроителей, но колонизаторов. Подготовка местных колонизаторов тормозилась «недостатком учебных часов в плане факультета и бюджетными соображениями».

С весны 1927 г. при содействии Сибирского районного переселенческого управления была проведена компания по привлечению студентов старших курсов для получения дополнительного образования. Учитывая уже преимущественно пролетарское и крестьянское происхождение курсантов, их привлекали ежемесячными обязательными пособиями и возможностью дополнительных заработков на практиках. Лекторский состав отличался высоким академическим уровнем и включенностью в колонизационные процессы. Организаторы курсов пригласили практически все руководство Сибирского районного переселенческого управления (СибРПУ), включая заведующего управлением В.И. Скороспешкина (курс «Политика переселения, заселения и законодательство»), его заместителя В.С. Усова («Виды и методы земледельческих работ в колонизационных работах»), заведующего отделением агрономической помощи В.Н. Поносова («Организация переселенческих хозяйств в различных районах колонизации»); экономиста СибРПУ Н.С. Юрцовского («Статистика переселенческих и колонизационных процессов»), членов Омской переселенческой партии и штатных преподавателей СибСХиЛ (ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 159. Материалы переселенческого отделения при Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства). В условиях повышенного общественного внимания, даже несмотря на кратко-

срочный характер курсов, занятия проводились «весьма добросовестно, серьезно прорабатывая новые дисциплины». Курсанты отмечали «насыщенность и свежесть содержания», «научно-учебное» творчество лекторов. Предварительная вузовская подготовка и общественное внимание к предстоящей «государственной работе» создавали особый интерес к дисциплинам, «преподаваемым в реально-практическом уклоне».

С 1928 г. при кафедре переселения и колонизации профессор Н.А. Сборовский начал собирать экспонаты по технике переселенческого дела и его истории (ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 153. Л. 41. Материалы об организации музея при кабинете переселения Сибирского института организации территории). Фонд музея пополнялся с помощью частных пожертвований и личных приобретений и, в итоге, включал несколько тысяч книг, фотографий, не менее 100 листов карт (топографических, геологических, экономических и этнографических), диаграммы и картограммы, атласы и альбомы, наглядные художественные экспонаты (плакаты, картинно-панорамные), модели и макеты, инструменты таежного снаряжения; аппараты и машины.

По итогам первого выпуска из 47 курсантов окончили курсы и подписали обязательства о службе в ведомстве СибРПУ 23 «молдых колонизатора». По социальному происхождению большинство курсантов было крестьянского происхождения. Беспартийные еще преобладали по численности над членами ВКП(б) и ВЛКСМ. Отражая новые веяния, среди колонизаторов появилась небольшая прослойка женщин. Успешно защитившие дипломы были раскомандированы «сообразно имевшимся вакансиям в аппаратах СибРПУ» и специализации на опытные учреждения, таежные станции, агрометсети, переселенческие партии.

Советский опыт подготовки колонизационных экспертов оказался закономерен недолгим. Молодое поколение бывших старорежимных колонизационных экспертов (1880, 1890-х гг. рождения), получившее самую серьезную теоретическую и практическую подготовку в периоды массового переселенческого движения, закрепившие в тяжелых военных условиях навыки работы с большими потоками беженцев, военнопленных, смогли реализовать свои знания, передать свой опыт еще в одной сфере – построении высшего специального образования.

Кафедра переселения и колонизации под руководством Н.А. Сборовского проработает до начала 1930-х гг., находясь в соста-

ве сначала землеустроительного, а с 1929 г. факультета организации территории Сибирского института организации территории (СИОТа) (Червоненко В.Н. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Омск, 1994. С. 40–42). Изменение принципов переселенческого дела (отказ от добровольности, классовый подход), институциональная реорганизация приводит к ликвидации переселенческого отделения (ранее утратившего значимую приставку – «колонизационного»). Подтверждая те же тенденции организационно-экономическое и инженерно-геодезическое отделения станут частью, специализациями факультета землеустройства и организации территории. Новые задачи высшей школы предполагали подготовку руководителей, административных работников (не ученых!) для крупного социалистического сельскохозяйственного производства (факультет колхозного земледелия, крупных советских хозяйств и механизации сельского хозяйства) и узкотехнических специалистов-практиков (агрономов, лесоводов, ветеринаров, агрохимиков и т. д.). Сбор и анализ материала, разработка планов и моделей будущего аграрного сектора перестает быть делом ученых, а кроме того становится небезопасным предприятием.

Г.И. Растягаева
*Омск, Архивное управление
Министерства культуры Омской области*

**Роль научно-методических советов
архивных учреждений Российской Федерации
в проведении государственной политики
в области архивного дела**

Архивное сообщество Российской Федерации, немногочисленное по своему количественному составу, обеспечивает системное проведение государственной политики в области архивного дела на территории всей страны по единым принципам и правилам. За последние 100 лет статус государственной архивной службы Российской Федерации претерпевал неоднократные изменения. В советское время архивы находились в ведении Народного комиссариата по просвещению, Центрального исполнительного комитета, Народного комиссариата внутренних дел, Министерства внутренних дел, Совета Министров СССР и соответствующих органов союзных республик. После распада советского государства управление архивным делом некоторое время продолжало находиться в структуре правительственных органов, позднее головной архивный орган был переименован в Федеральную архивную службу, которая в 2004 г. была преобразована в агентство и подчинена Министерству культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (с мая 2008 г. – Министерству культуры РФ). Став агентством, орган управления архивным делом утратил право законодательной инициативы и многие иные полномочия. Была существенно ослаблена степень влияния федерального отраслевого государственного органа на организацию архивного дела на местах: региональные архивные службы полностью перешли в ведение субъектов федерации. За федеральным органом управления архивным делом сохранилось право разработки отраслевых нормативно-методических документов, мониторинга деятельности региональных архивных служб и координирование их научно-методической деятельности. Такие важные управленческие функции, как контроль соблюдения архивного законодательства и административное регулирование в области архивного дела, были переведены на региональ-

ный уровень. Данные преобразования положили начало реорганизации системы управления архивным делом в субъектах Российской Федерации и имели негативные последствия для архивной службы страны в целом. Более чем в половине регионов Российской Федерации органы управления архивным делом утратили свою самостоятельность и были введены в качестве структурных подразделений в иные органы государственной власти. Преимущественно, по аналогии с федеральной схемой, уполномоченными органами государственной власти в области архивного дела стали региональные министерства, управления, департаменты культуры. Принимая во внимание приоритетные направления деятельности и спектры насущных проблем культурных ведомств, несложно предугадать, что архивный сегмент в таком органе государственной власти функционирует обособленно, и это создает определенные сложности в реализации стоящих перед ним задач.

Обнадеживающие изменения последовали совсем недавно, в 2016 г., когда Федеральное архивное агентство перешло в прямое подчинение Президенту Российской Федерации. Сегодня можно сказать, что Росархив стал увереннее позиционировать себя как федеральная отраслевая структура, координирующая развитие архивного дела в общегосударственном масштабе. Вселяют также определенный оптимизм едва наметившиеся процессы укрепления статуса архивной службы регионального уровня.

Несмотря на все перипетии, выпавшие на долю архивной отрасли в течение последних 30 лет, российским архивам удалось сохранить единые подходы в решении разноплановых задач, направленных на сбережение и полноценное использование документов Архивного фонда Российской Федерации. Большую роль в формировании и укреплении данных подходов сыграли научно-методические советы – межтерриториальные координационные центры архивных учреждений.

Научно-методические советы архивных учреждений были образованы на основании приказа № 37 Главного архивного управления при Совете Министров СССР от 13 марта 1970 г. Они объединяли архивы регионов в соответствии с принятым тогда экономико-географическим районированием (зонированием). Для всех зон были определены базовые архивные органы, призванные координировать деятельность входящих в данную территорию архивных органов и учреждений. Предпосылки создания научно-методических со-

ветов, основные этапы их развития и результаты проделанной работы были освещены в докладе директора Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела М.В. Ларина «О деятельности научно-методических советов архивных учреждений федеральных округов и их задачах на современном этапе» (http://archives.ru/coordination/council/report_larin_2010.shtml). Автор обзора деятельности научно-методических советов обозначил важнейшие задачи, стоящие перед данными формированиями, и дал оценку их вклада в развитие архивного дела.

Для зоны Сибири головным архивным органом был определен архивный отдел Новосибирского облисполкома. В настоящее время из названия Совета ушло слово «зональный», и теперь он именуется Научно-методический совет архивных учреждений Сибирского федерального округа (НМС СФО). Центром организации межрегионального сотрудничества сибирских архивистов по-прежнему остается орган управления архивным делом столицы Сибири – Управление государственной архивной службы Новосибирской области.

Начиная с ноября 1970 г. архивный НМС собирается ежегодно, поочередно в одном из регионов Сибири. История становления, практической деятельности, организационного и правового обеспечения этого объединения архивных работников обстоятельно исследована начальником Управления государственной архивной службы Новосибирской области, председателем Совета с 1998 по 2007 гг. В.В. Моисеевым (Моисеев В.В. История организации и деятельность научно-методического совета архивных учреждений Сибири в контексте развития отечественного архивного дела: 1970–2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006). Автор исследования освещает предпосылки создания научно-методических советов архивных учреждений, анализирует становление и развитие их нормативно-правовой и научно-методической базы на примере НМС архивистов Сибири. Раскрывается характер взаимодействия НМС Сибири с центральным органом управления архивным делом России, сделан анализ основных форм и методов его работы и отражена динамика их изменения.

В.В. Моисеев совершенно справедливо подчеркивает, что созданные в целях координации научно-исследовательской и организационно-методической деятельности архивных учреждений научно-методические советы в условиях социально-экономических катаклизмов превратились в совещательные органы по поиску путей решения

актуальных проблем в области архивного дела. Прошедшее со времени исследования десятилетие только подтверждает этот тезис.

Конечно же, нельзя сказать, что научная составляющая выпала из поля зрения НМС. Идет по-прежнему активное взаимодействие архивов в части, касающейся их научно-исследовательской работы. Ежегодно формируется план научно-исследовательской работы архивных учреждений Сибири, все разработки и публикации архивов проходят тщательное изучение и рецензирование коллегами из других регионов. Работы, получающие высокую экспертную оценку, рекомендуются для практического использования архивами других регионов. НМС проводит первые этапы всероссийских отраслевых конкурсов публикаций сибирских архивов в области архивоведения, документоведения и археографии, профессионального мастерства и других межархивных состязаний.

Тем не менее, ключевым компонентом работы НМС становятся практические вопросы архивного дела. В ходе заседаний НМС осуществляется поиск общих путей решения возникающих проблем, изучение и обобщение опыта, выработка перспективных направлений дальнейшего развития отрасли. Программа заседаний НМС формируется на основании предложений членов Совета и, как правило, включает в себя наиболее важные и актуальные вопросы, волнующие архивистов на данный момент. Это и организация деятельности архивных учреждений в современных условиях, и контроль за соблюдением архивного законодательства, и обеспечение защиты конфиденциальной информации, содержащейся в архивных документах, и взаимодействие архивных учреждений с органами государственной власти и местного самоуправления, и многие другие проблемы. Важной деятельностью аппарата НМС стал обобщающий анализ результатов деятельности архивных органов и архивных учреждений Сибирского федерального округа. Ежегодно регионы представляют в базовый центр сведения по ключевым показателям развития отрасли, на основании которых делается полновесный анализ работы сибирских архивов по обеспечению сохранности, комплектованию, использованию архивных документов, оказанию государственных и муниципальных услуг, проведению контрольных и информационных мероприятий. Начиная с 2014 г., информационно-аналитические обзоры о деятельности архивных органов и архивных учреждений Сибирского федерального округа размещаются на официальном сайте Управления государственной архивной службы Новосибирской области (<http://archives.nso.ru/page/1345>).

Почти полувековая история деятельности НМС наглядно доказывает их значимость для развития отечественной архивной службы. Мы солидарны с мнением М.В. Ларина о том, что «есть все основания считать НМС важным звеном в управленческой системе архивного дела» (Там же). Их деятельность во многом помогла сохранить единство организационных и методических основ архивного дела в масштабах всей страны.

Анализ управленческого документа на занятиях по документоведению

Управленческий документ – объект, изучению которого посвящена такая наука как документоведение. Документ, как мы знаем, выполняет множество функций, являясь инструментом управленческих процессов и одновременно – результатом этого процесса. Для того, чтобы профессионально работать с документом специалисту-документоведу требуются навыки системного анализа как основы общей концепции исследования и проектирования систем управления, необходимо владение основными методами научного исследования и умение правильно подготовить управленческий документ, правильно вести деловую переписку. Анализ документов – это совокупность методических приёмов и процедур, применяемых для извлечения из документа социологической информации при изучении социальных процессов и явлений в целях решения определённых исследовательских и практических задач.

Что же предусматривает анализ управленческого документа? Что необходимо знать студенту, работая с документом? Рассмотрим основные аспекты анализа документа.

Во-первых, правильно и полно проведенный анализ документа позволяет не только понять его открытое содержание, но и выявить скрытую информацию, порой даже вопреки воле автора документа.

Во-вторых, анализ документа дает сведения о его авторе, о достоверности и правдивости документа, позволяет обнаружить искреннюю заинтересованность автора в решении обсуждаемых вопросов, что в условиях сотрудничества или конкуренции является немаловажным.

В-третьих, исходя из итогов аналитической работы, получатель информации всегда может правильно ориентироваться в предлагаемых обстоятельствах, организовать управленческий процесс максимально эффективно.

Студенты усваивают теорию без затруднений, однако, когда на практических занятиях дело доходит до критики предлагаемого для анализа документа, возникают затруднения и растерянность. Сту-

денты изначально слабо представляют как выглядит тот или иной вид управленческого документа, каковы его особенности и роль в управленческом процессе. Поэтому изучение теории вопроса должно подкрепляться осознанной практической работой. Нельзя оторвать анализ документа от тех условий, в которых происходит управленческое действие конкретного автора документа. На занятиях рассматриваются экономические возможности, отраслевые трудности, а также конкурентноспособность учреждения, организации, предприятия, создающего документ. Студенты начинают с того, что, представляя себя в роли руководителя, разрабатывают пакет нормативных документов: положение (устав), штатное расписание, положения о структурных подразделениях, должностные инструкции, номенклатуру дел, положения об экспертной комиссии, отделе делопроизводства, ведомственном архиве. После обсуждения и оценки качества представленных документов начинается «работа». Созданные таким образом фирмы обмениваются письмами с целью расширить свою деятельность. Письма озвучиваются и коллективно анализируются. В инициативных письмах ставятся вопросы о сотрудничестве, предложении услуг, в том числе на перспективу. И тут для практикантов начинается самое трудное – составить грамотный ответ на полученное письмо, предварительно проанализировав все «за» и «против». В этом помогают методы анализа документа, которые необходимо использовать в том или ином их сочетании.

По сути, все методы анализа документов можно разделить на две группы: группа традиционных (классических) и группа контекстных (формализованных) методов. Фактологический метод не относится ни к одной из этих групп, но позволяет обобщить результаты анализа.

Основной слабостью классических методов является субъективность. При проведении традиционного анализа документовед отвечает на вопросы: каков контекст документа, кто его автор, каковы цели, достоверность зафиксированных в нем данных, возможный общественный резонанс, оценочное содержание. К группе классических методов относятся: статистический, морфологический, лингвистический. Статистический – позволяет оценить объем документа, частотность повторения слов и выражений, словарный запас, интеллектуальность автора. Морфологический анализ документа позволяет установить структуру документа в том виде, в котором ее представил автор, выявить главную цель написания документа. Лингвистиче-

ский метод определяет стиль. Важно понимать, что документы всегда несут на себе те или иные следы своего времени и автора, во многом отвечают стилям культурных эпох. В свою очередь на стиль той или иной эпохи оказывают влияние различные факторы, такие как уровень образования, степень информационной коммуникативности, уровень развития технических средств оформления документов и др. И, если специалист правильно определит стиль изложения документа, это позволит ему не только верно понять содержание документа, но и оценить, что можно ожидать от автора, оценить его личность.

Необходимо отметить, что классические методы анализа включают в себя внешнюю и внутреннюю критику документа. Внешний анализ – это анализ «исторического контекста» документа, то есть анализ контекста документа в собственном смысле этого слова и всех тех обстоятельств, которые сопутствовали его появлению. Цель внешнего анализа – установить вид документа, его форму, время и место появления, автора, инициатора, цели его создания, насколько он надежен и достоверен, каков его контекст. Внутренний анализ – это исследование содержания документа. По существу, вся работа при этом направлена на проведение внутреннего анализа текста, включающего выявление различия между фактическим и литературным содержанием, установление уровня компетенции автора документа в делах, о которых он высказывается, выяснение его личного отношения к описываемым в документе фактам.

К контекстным (формализованным) методам анализа документов относятся: информационный, проблемно-мотивационный, структурный (тектонический), контент-анализ. Так с помощью информационного анализа документа студенты выявляют: кто, когда, где написал документ, какова цель, преследуемая в документе и т. п. Они определяют полезную информацию, отделяя ее от этической информации, которая является бесполезной по сути, представляя собой этические фразы, речевые обороты приветствия, благодарности, признательности и т. п. Относительный объем совокупности полезной и этической информации к общему объему документа определяет в процентах его информационную насыщенность.

Таким образом, информационный метод анализа позволяет оценить полезность документа, степень способности автора излагать необходимые факты. Нередко, правда, безинформационные отписки составляются сознательно с тем, чтобы ввести получателя в заблуждение или оттянуть решение вопроса.

В ходе проблемно-мотивационного анализа рассматриваются те проблемы, которые возможны при решении вопросов, описываемых в тексте анализируемого документа. Своеобразная методика позволяет определить выгоду от сделанного предложения, предположить как будут разворачиваться события в ходе его исполнения, каковы могут быть последствия и т. п. Рекомендуется привлекать другие документы, касающиеся одной и той же проблемы или (и) одного автора, чтобы создать список (базу данных) по проблеме или лицам. В этом случае анализ будет более полным.

Структурный (тектонический) анализ включает несколько направлений и позволяет установить истинное структурное деление документа и связь между его частями. В деловой переписке встречается последовательный, параллельный, сложный и комбинированный строй контекста. Четко прослеживаемая линия контекста говорит о твердости намерений автора. Если же выявляется скрытая структура документа, нечеткая его структура, то можно предположить, что автор вводит получателя в заблуждение.

Контент-анализ (это формализованный метод анализа документов) в основном используется не столько на практике, сколько в исследовательских целях. С помощью контент-анализа оцениваются характеристики текста, выясняются причины, породившие его, оценивается эффект воздействия сообщения на управленческий процесс и дальнейшее развитие событий.

Фактологический анализ подводит итог изысканий, полученных на основе сделанного ранее, он состоит из нескольких этапов и заканчивается составлением аналитической записки, которая представляется руководителю.

Для того, чтобы эффективно применять аналитические методы на практике, студенту требуется не один год учебы и закрепления навыков, что и происходит в дальнейшем на занятиях по документационному обеспечению управления. Умение анализировать управленческий документ, применять специальную методику анализа – показатель высокой квалификации специалиста-документоведа.

Дискурсивная полифония документных текстов

Общение между чиновником и гражданином посредством документов относится к социальному дискурсу. Изучая документы-запросы и документы-ответы коммуникантов, следует обратиться к теории дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Их основную работу «Гегемония и социалистическая стратегия» (Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London, 1985), спустя 20 лет с точки зрения современного дискурса проанализировали Л. Филипс и М.В. Йоргенсен. Ученые отметили, что исследования Лакло и Муфф нацелены на развитие теории, хотя и не включают многие практические инструменты дискурс-анализа, ориентированного на текст (Филипс Л., Йоргенсен М.В. *Дискурс-анализ: Теория и метод*. Харьков, 2004. С. 47). В связи с этим исследователи посчитали целесообразным дополнить теорию методами из других подходов к дискурс-анализу. Общая идея теории дискурса состоит в том, что он, «как явление социальное, никогда не бывает законченным или полным. Значение никогда не может быть фиксированным, и это стимулирует постоянную социальную борьбу за то, как определить общество и личность, имеющую социальные результаты». Задачу исследователей в области дискурса ученые видят в том, чтобы «выявить ход этой борьбы и зафиксировать значение на всех уровнях социального» (Там же. С. 48).

Согласно постструктуралистской теории, «социальная сфера представляется как некая паутина процессов, в которых создается значение». При этом цель дискурс-анализа заключается в том, чтобы «очертить процессы, в которых мы действительно закрепляем значение знаков, и процессы, в которых фиксация значения условна, что кажется нам естественной» (Там же. С. 49).

Обращения граждан и организация работы с ними – область специфическая хотя бы потому, что, кроме социального дискурса, в обращениях и ответах на них выделяем еще политический, национальный, персональный, институциональный, административный, бытовой, бытийный дискурсы, что определяется как дискурсивная поли-

фония. Узловая точка, вокруг которой упорядочиваются знаки, и приобретает новый смысл, при дискурсивной полифонии размывается. Если любой другой дискурс работает на исключение возможных способов связи знаков друг с другом, то в обращениях как раз наоборот – сокращение возможностей знака не происходит, мы видим расширение области дискурсивности. Область дискурсивности в случае с обращениями является неструктурированной массой значений, или она сама структурируется этими явно конкурирующими между собой видами дискурсов, которые борются в одном пространстве. Дискурс всегда обращен к внешней действительности, поэтому и существует опасность его разрушения. Единство значений разрушается за счет других способов установления значений. Это можно рассмотреть с помощью разрушения значения элемента – знака, который может иметь множество потенциальных значений (полисемичность) в теории и ни одного значения на практике. Рассмотрим документ о предоставлении информации, который является ответным, исходит от должностного лица, отправляется гражданину:

«В соответствии с планом работы Счетной палаты Российской Федерации на 2017 год в рамках оперативного анализа исполнения и контроля за организацией исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации проводится комплекс контрольных и экспертно-аналитических мероприятий по мониторингу и контролю разработки и реализации приоритетных проектов и программ по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации (раздел 2.4), в том числе прохождении ключевых этапов и контрольных точек, достижения установленных показателей, а также финансового обеспечения приоритетного проекта (программы), соисполнителем которых являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в разрезе следующих приоритетных проектов:

- «формирование комфортной городской среды»;
- «обеспечение качества жилищно-коммунальных услуг»;
- «ипотека и арендное жилье»;
- «комплексное развитие моногородов»;
- «создание современной образовательной среды для школьников»;
- «реформа контроля и надзорной деятельности»;
- «снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством ликвидации объектов накопленного вреда окружаю-

щей среде и снижения доли захоронения твердых коммунальных отходов».

Отметим, что письмо-ответ «не в интересах адресата». Достаточно часто чиновники, не решая вопрос по существу, создают красивые большие безыформационные отписки, которые очень сложно декодировать. Известно, что документ-ответ в своей первой части должен делать отсылку, повторяя ключевые вопросы входящего документа, чтобы реципиент мог вспомнить суть коммуникации. Приведенное нами первое предложение текста, как и текст всего ответа в целом, отклоняется от норм унификации, которые призваны регулировать вариативность коммуникативных блоков, составляющих текст документа, и структурировать его композиционные формы. Информационная избыточность – перечисление разных проектов, хотя гражданина интересовал вопрос об арендном жилье, высокая степень связности (отсылка к плану работы Счетной палаты, к № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»), лексические повторы («Российская Федерация» 4 раза в одном предложении), терминированность (мониторинг, контрольные точки, моногорода, бюджетные ассигнования, консолидированные бюджеты), усиление нелинейного характера (перспективные отсылки «далее», внутритекстовые отсылки к другим документам, наличие приложения) – привели к тому, что получатель не смог самостоятельно декодировать информацию и был вынужден обратиться к специалисту-документоведу. Составитель документа нарушил одно из правил прагматики – говорить и писать понятно/доступно. Документ, интертекстуальный по структуре, гипертекстуальный по процедуре знакомства с ним, оказался «неподъемным» для реципиента: произошло не просто недопонимание, а полное непонимание того, положительно или отрицательно должностное лицо рассмотрело интересующий гражданина вопрос. Как показала практика, индекс доступности подобных документов нулевой из-за количества пропозиций в одном предложении, ссылок на другие тексты, наличия абстрактной терминологии. Как не вспомнить идею В.Г. Костомарова «об отходе документа от общерусского языка!» (Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 1).

Даже с учетом унификации и связности документоведы-профессионалы рекомендуют использовать клишированные конструкции и рассматриваемое нами начало ответа гражданину вместо 20 строк могло бы иметь три и выглядеть так:

«В соответствии со статьей 25 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ “О Счетной палате Российской Федерации” просим Вас предоставить следующие документы (информацию, сведения):

1...

2...»

Рассмотрев два разных варианта ответа (чиновника и специалиста в сфере документоведения) на один и тот же вопрос, подводим к выводу, что дискурс преобразует элементы в моменты, сокращая их полисемическое значение к фиксированному значению. Также не стоит забывать, что «дискурс никогда не бывает зафиксированным настолько, чтобы не изменяться из-за разнообразия значений и области дискурсивности».

Что сделал документовед с имеющейся информацией? Мы видим активное преобразование вероятностных значений или потенциальной многозначности, он задает отношения между знаками, исключая альтернативные значения.

Зная, что использование языка – явление социальное, по крайней мере, в рассматриваемом дискурсе, применяя язык, мы должны стремиться к тому, чтобы отношения между знаками не приобретали новые значения, как, например, в художественных текстах, стремиться к тому, чтобы именно посредством соглашений, переговоров, конфликтов в социальных контекстах фиксировались и не оспаривались структуры значений, хотя бы с той целью, чтобы документ был понятен не только продуценту-чиновнику, но и реципиенту-обычному гражданину. Рассуждение о том, что конкретная фиксация знака условна, не необходима, но возможна, являются отправной точкой для дискурс-анализа обращений, цель дискурса которых состоит в том, чтобы очертить процессы, при которых коммуниканты закрепляют значение знаков, и отличные от них процессы, когда фиксация значения условна до такой степени, что кажется естественной. В этом случае дискурс трактуется как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области. Дискурс сформирован фиксацией значений вокруг условных точек – привилегированных знаков, которые упорядочивают вокруг себя другие знаки, иногда приобретая новое значение или конкретизируя свое. В теории Лакло и Муффа под областью дискурсивности понимается то, что остается после исключения всех возможностей для создания единства значений.

На сегодняшний день область дискурсивности обращений сводится к четкому кругу тем и подтем, которые регламентируются уже

на уровне регистрации обращений, не говоря уже об отчетности. Многие организации ведут работу с обращениями также, как в федеральных органах исполнительной власти, используя алгоритмы и методические рекомендации Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан. Для обеспечения права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления и единого подхода по учету, систематизации, обобщению и анализу запросов обращений российских и иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций и общественных объединений, анализа результатов их рассмотрения и принятых по ним мер был введен «Тематический классификатор обращений запросов граждан», составленный на основании «Типового общероссийского тематического классификатора обращений граждан». Тематический классификатор представлен в виде таблицы, состоящей из двух столбцов: кодовое обозначение и наименование. В классификаторе перечислены вопросы, с которыми граждане обращаются в официальные инстанции с собственными кодовыми обозначениями. Представлены такие пункты, как государственные премии, праздники, памятные даты, юбилеи, увековечение памяти выдающихся людей, исторических событий, порядок наименования населенных пунктов, предприятий, учреждений и организаций. Тематический классификатор охватил вопросы международного сотрудничества, экспорт и импорт продукции, охрану окружающей среды, семейные аспекты: заключение и прекращение брака, права и обязанности супругов, формы воспитания детей и т. д. На основе типового общероссийского тематического классификатора обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления разрабатывают тематические классификаторы обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления в соответствии с их предметами ведения и функциональными особенностями.

При создании тематических классификаторов обращений граждан необходимо использовать четырехзначные цифровые коды тематических разделов, тематик, тем, вопросов и подвопросов «Типового общероссийского тематического классификатора обращений граждан» (далее классификатор), который сформирован по принципу включения (подвопросы объединены в вопросы, вопросы – в темы, темы – в тематики, а тематики – в тематические разделы) – установлена пятиуровневая структура. Классификатор содержит перечень из 21 тематики, а также перечень из 206 тем. Каждая тема строго связа-

на с соответствующей тематикой. Наименования тематик и тем не могут быть изменены, не может быть увеличено количество тематик и тем, а также тема, входящая в соответствующую тематику, не может быть перенесена в другую тематику. Классификатор обращений граждан содержит более тысячи вопросов, он позволяет учитывать, систематизировать и обобщать обращение гражданина как «формализованное обращение», не имеющее как конкретного содержания, так и сведений, касающихся частной жизни автора. Это обеспечивает возможность обмена данными по работе с «формализованными обращениями» между государственными органами и органами местного самоуправления вне зависимости от того, входит ли в их компетенцию решение поставленных в обращении вопросов.

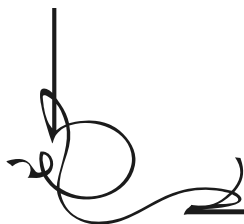
В таблице представлены примеры из «Типового общероссийского тематического классификатора обращений граждан, организаций и общественных объединений».

<i>Код</i>	<i>Наименование</i>
0000.0000.0000.1464	Строительство жилья экономического класса. Программа «Доступное жилье»
0000.0000.0000.1473	Тарифы и льготы по оплате коммунальных услуг и электроэнергии
0000.0000.0000.1524	Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта»
0000.0000.0000.1423	Назначение пенсии по государственному пенсионному обеспечению (за выслугу лет, социальной)
0001.0002.0027.0122	Отсутствует адресат обращения
0001.0002.0027.0126	Обращения, не поддающиеся прочтению
0005.0005.0063.1161	Разрешение жилищных споров. Ответственность за нарушение жилищного законодательства

В современном обществе деятельность профессионально-организационного характера, в том числе планирование, координация, структурирование, учет иерархичности ролевых типов участников, ориентирование на законодательство (нормативный контекст), помогает создать хороший во всех отношениях официально-деловой документ. Считаем, что уровень коммуникативных неудач в дискурсе обращения граждан в официальные инстанции (сфера общественной

жизни) можно снизить, если комплексно исследовать субъективные факторы, связанные с функционированием разных видов обращений.

В ходе обучения не только документоведов, но и специалистов-практиков на курсах повышения квалификации, необходимо говорить о сокращении дистанции между текстами официально-делового стиля и общим языком, акцентировать внимание на создании адаптированных текстов, рефлексии по поводу ясности, проводить анализ документа на этапах подготовки на предмет доступности текста и наличия необоснованных внутритекстовых отсылок. Современные документы отражают и конструируют отношения специалистов двух предметных областей – той, в которой функционирует организация, и той, которая обеспечивает управленческую деятельность, – документоведение. Причем отметим, что на сегодняшний день оба коммуниканта должны овладеть основами делопроизводственных/документоведческих знаний, чтобы составляемый документ был аутентичным.

СЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Букин Алексей Фёдорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета.

Володьков Олег Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Воробьев Виталий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Гайдамакин Андрей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

Ермекбай Жарас Акишевич – доктор исторических наук, профессор Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Астана).

Исачкин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

Ищенко Оксана Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета.

Кадиков Эльдар Рашитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Марченко Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Неверов Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета.

Растягаева Галина Ивановна – кандидат исторических наук, начальник архивного управления Министерства культуры Омской области.

Родионов Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Ротермель Людмила Роландовна – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заведующая кафедрой всеобщей истории.

Сорокин Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Сорокина Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Суворова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Талапин Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Толочко Анатолий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Толочко Нина Борисовна – старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Филимонов Александр Викторович – аспирант кафедры до-революционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Циндик Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Славянской школы в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Омск).

Черкасская Надежда Александровна – аспирант кафедры до-революционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Чудаков Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Краснодарского государственного института культуры.

Якуб Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, ректор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Якуб А.В.</i> Анатолий Павлович Толочко: человек в моей судьбе	8
<i>Сорокин Ю.А.</i> Счастье совместного бытования	11
<i>Ротермель Л.Р.</i> Анатолий Павлович Толочко в моей преподавательской жизни	16
<i>Ермекбай Ж.А.</i> К юбилею моего российского коллеги и друга	19
<i>Родионов Ю.П.</i> Коллега и товарищ, подаренный судьбой	23
<i>Ищенко О.В.</i> Слово об учителе	28

Секция «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

<i>Филимонов А.В.</i> Местный переселенческий персонал 1890-х – начала 1900-х гг. в воспоминаниях А.Н. Куломзина	35
<i>Толочко А.П.</i> Местные подотделы Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в дореволюционный период: история создания и деятельности	47
<i>Циндик А.А.</i> Боевая работа анархистов в Омске в годы первой российской революции	61
<i>Букин А.Ф.</i> Численность, состав и материальное положение секретных сотрудников политической полиции в Тобольской губернии (1906–1917 гг.)	65
<i>Исачкин С.П.</i> Развитие идей интернационализма в сибирской ссылке (историографические и документальные источники)	69
<i>Воробьев В.В.</i> Периодическая печать в уездном городе Петропавловске в 1906–1917 гг.	73
<i>Чудаков О.В.</i> Новейшая историография по истории органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – первая половина 1918 г.)	79
<i>Талапин А.Н.</i> И. Броз Тито: сибирские страницы биографии	85
<i>Гайдамакин А.В.</i> Проблема дефицита профессиональных рабочих кадров на железнодорожном транспорте в годы НЭПа и пути ее решения	92
<i>Якуб А.В.</i> Российское бюро филателии и проблема монополии внешней торговли в РСФСР / СССР в начале 20-х гг. XX в.	97
<i>Володьков О.П.</i> Советские историки о «торговом капитализме» М.Н. Покровского в его «Очерке истории русской культуры»	101
<i>Марченко О.В.</i> Кодификация российского налогового законодательства в конце XX в.: историко-правовой аспект	109

Секция «ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ»

<i>Иценко О.В., Неверов А.В.</i> К вопросу о специфике мемуаров как источников личного происхождения	114
<i>Сорокин Ю.А.</i> Мемуары Л.Н. Энгельгардта о порядках в русской армии в царствование Екатерины II.....	120
<i>Черкасская Н.А.</i> «Учреждение об императорской фамилии»: изменения и последствия (конец XIX – начало XX в.).....	132
<i>Сорокина Т.Н.</i> Труды хабаровских съездов о китайских подданных в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв.....	140
<i>Кадиков Э.Р.</i> Анкеты вышедших из партии эсеров как исторический источник	154
<i>Суворова Н.Г.</i> Подготовка колонизационных экспертов в Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства (по материалам кафедры переселения и колонизации).....	162
<i>Растягаева Г.И.</i> Роль научно-методических советов архивных учреждений Российской Федерации в проведении государственной политики в области архивного дела	171
<i>Толочко Н.Б.</i> Анализ управленческого документа на занятиях по документоведению	176
<i>Алексеева А.В.</i> Дискурсивная полифония документных текстов	180
СЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

Научное издание

V ОМСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы
региональной научной конференции*

Издается в соответствии
с оригиналом, предоставленным редакционной коллегией.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 15.05.2018. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 12,0. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 100 экз. Заказ 130.

---

*Издательство Омского государственного университета
644077, Омск, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск, пр. Мира, 55а*